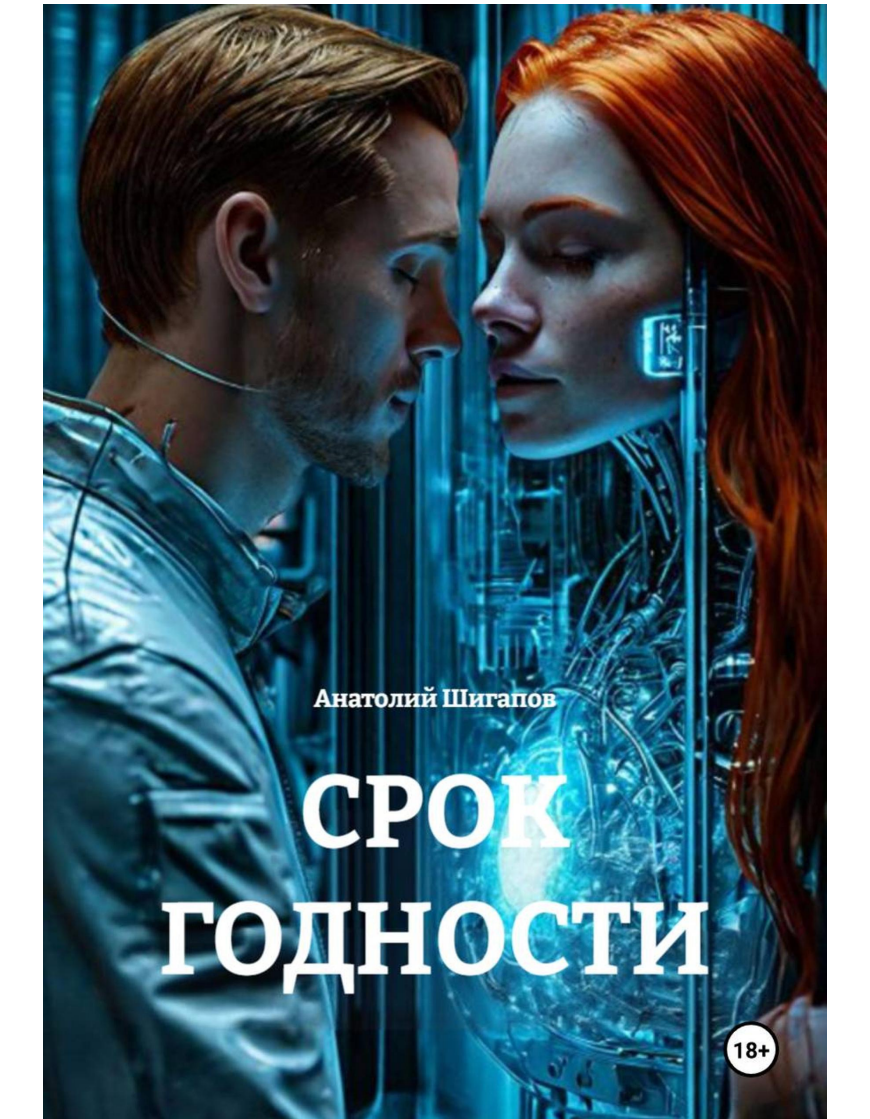


A movie poster featuring a man and a woman in a futuristic, blue-lit environment. The man, on the left, has short brown hair and a beard, wearing a metallic jacket. The woman, on the right, has long red hair and is wearing a futuristic headpiece with a glowing screen. They are facing each other in a close, intimate pose. The background is filled with vertical blue light beams and complex machinery.

Анатолий Шигапов

СРОК ГОДНОСТИ

18+

Анатолий Шигапов

СРОК ГОДНОСТИ

<https://litres.ru/74248509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миром завладели корпорации. Государства мертвы. Технологии контролируют каждый шаг, а люди превратились в "Пользователей" - расходный материал, чья жизнь определяется их кредитным рейтингом и сроком годности. Еда стала синтетической. Любовь объявлена вне закона.

Он уборщик. Его работа - убивать клонов с истекшим сроком годности. Срок годности его собственного почти истек, так как его искусственное сердце работает на износ, а его уровень чистоты снижается. Но однажды он отказывается нажать на курок. Он решает спасти жизнь - и становится предателем в глазах системы. Айрис, внучка главы корпорации, предлагает ему сделку: ее знания в обмен на его жизнь. Теперь у него есть выбор - остаться оружием или стать человеком. Первая книга из серии "Мясницкий ряд". Мир, в котором люди - расходный материал, а любовь - нарушение правил.

Анатолий Шигапов

СРОК ГОДНОСТИ

Предисловие

«Эта история не о том, как спасти мир. Она о том, как не потерять себя, когда мир уже сгорел.»

Когда я садился писать этот цикли, я задал себе один вопрос: «Почему люди перестают бороться?»

Не потому что они слабые. Не потому что они трусливые. А потому что они устали. Устали от новостей, устали от кризисов, устали от чувства собственного бессилия. Они смотрят на мир, который рушится, и говорят: «Я ничего не могу изменить». И они правы - по отдельности. Но вместе - нет.

«Мясной ряд» - это история о том, как три человека, у каждого из которых нет ни малейшего шанса на победу, всё равно пытаются. Не для того, чтобы изменить мир. А для того, чтобы остаться людьми.

Зачем читать эту историю?

Я не пишу развлекательную литературу. Я не даю читателю возможность «отдохнуть» от реальности. Наоборот - я заставляю его смотреть на реальность без прикрас. На ту реальность, которая уже стучится в наши двери.

Вы читаете этот цикл, чтобы увидеть, как возможно будет выглядеть наш мир в недалеком будущем, если мы ничего не изменим.

Корпорации, которые становятся сильнее государств. Ипотеки, которые превращаются в кабалу. Технологии, которые контролируют каждый ваш шаг. Еда, которая перестаёт быть настоящей. И люди, которые перестают быть людьми - потому что им удобнее быть «Пользователями».

Но вы также читаете этот цикл, чтобы увидеть, что даже в самом безнадёжном мире есть место любви. Не сладкой, не романтической, не «жили они долго и счастливо». А настоящей - той, что рождается в темноте, той, что не боится смерти, той, что остаётся, даже когда всё остальное уже сгорело.

Обычно в предисловии автор рассказывает о сюжете, о героях, о мире, который он создал. Я не буду этого делать. Потому что сюжет - это лишь оболочка. Конфеты можно съесть и забыть. А послевкусие должно остаться.

Я хочу поговорить с вами не о том, что происходит в трёх книгах, а о том, что происходит внутри вас, когда вы их читаете. Потому что настоящая история - не на бумаге. Настоящая история - в вашей голове, в вашем сердце, в ваших вопросах, которые останутся без ответа.

1. Что, если вас никогда не существовало?

Это первый вопрос, с которого начинается эта история.

Что, если вы родились не от матери и отца? Что, если у вас нет ни детства, ни дома, ни даже имени - только номер, выбитый на руке? Что, если ваш «срок годности» меньше, чем у холодильника? Что, если весь смысл вашего существования - выполнить задачу и исчезнуть?

Но что, если, вопреки всему, вы всё равно чувствуете? Что, если вы способны любить, страдать, бояться, надеяться - даже когда мир говорит вам: «Ты - вещь, у тебя нет прав»?

Этот вопрос не о фантастике. Он о нас с вами. Потому что мы тоже живём в мире, где нас пытаются свести к цифрам. Где наш статус определяется кредитным рейтингом, количеством подписчиков, местом в очереди на жильё. Где нас учат быть «эффективными» и не задавать лишних вопросов. Где любой, кто выбивается из системы, становится «браком» - расходным материалом, который можно отключить.

Что остаётся от человека, когда у него отнимают всё? Имена. Места. Надежды. Права. Будущее. Что остаётся?

Эта книга ищет ответ на этот вопрос.

2. Что, если любить запрещено?

Представьте, что самое естественное человеческое чувство объявлено вне закона.

Представьте, что за одно прикосновение к тому, кого вы любите, вас обоих уничтожат. Не потому что вы сделали что-то плохое - а потому что сама ваша любовь нарушает «порядок». Потому что вы посмели полюбить того, кого система считает «ниже вас». Потому что вы стёрли границу между «человеком» и «вещью».

Как вы будете жить, зная, что ваша любовь - это приговор? Как вы решите: рискнуть всем или подчиниться? Как вы сможете смотреть в глаза тому, кого любите, зная, что каждый ваш день может стать последним?

Эта книга - о том, как люди принимают этот выбор. О том, как одни подчиняются, потому что боятся. Другие бегут, потому что не могут смотреть на страдания. Третьи остаются, потому что не могут уйти. И о том, что в этом мире нет правильного ответа - есть только цена, которую вы готовы заплатить.

3. Что, если вас никто не выберет?

А теперь представьте, что вы любите того, кто никогда не сможет полюбить вас.

Представьте, что вы смотрите на человека, которого боготворите, и знаете: его сердце навсегда принадлежит другому. Что вы можете быть рядом, защищать, помогать, жертвовать собой - но никогда не услышите в ответ «я люблю тебя».

Что вы будете делать? Отвернётесь? Уйдёте, чтобы спасти себя? Или останетесь - зная, что ваша любовь не будет вознаграждена, что вы всегда будете вторым, всегда будете тенью?

Эта книга - о выборе между гордостью и преданностью. О том, как можно любить без надежды на взаимность. О том, что иногда самая сильная любовь - та, которая не требует ничего взамен.

4. Что, если человек - это то, что он помнит?

В мире, где всё стирается - биографии, имена, идентичности, - память становится единственным, что остаётся у человека.

Если вы потеряли всё: дом, семью, прошлое, будущее. Если вас переименовали, перенумеровали, превратили в «ак-

тив» или «пользователя». Что останется от вас? Ваши воспоминания. Те моменты, которые никто не может отнять. Те люди, которых вы любили. Те слова, которые вам сказали.

Но что, если ваша память - тоже под контролем? Что, если система может стереть её, переписать, заменить на другую?

Эта книга - о том, как сохранить себя, когда мир пытается вас переписать. О том, как держаться за воспоминания, когда всё вокруг говорит, что их не было. О том, что человек - это не его документы, не его биометрия, не его «цифровой след». Человек - это то, что он помнит. И пока он помнит - он жив.

5. Что, если вы выжили, но мир умер?

Это самый страшный вопрос, который остаётся после финала.

Представьте, что вы прошли через всё. Потеряли всех, кого любили. Уничтожили врагов. Разрушили систему, которая вас угнетала. Вы победили.

И что дальше?

Мир, который вы построили, рушится. Война продолжается - только теперь враги не корпорации, а люди, которые ненавидят друг друга за то, что они разные. Ваша победа оказалась пирровой. Вы выжили - но остались одни.

Что вы будете делать? Сдадитесь? Уйдёте в пустошь, чтобы забыться? Или найдёте в себе силы защищать тех, кто остался - даже если вы не знаете, будет ли у них будущее?

Эта книга - о том, как жить, когда победа не приносит сча-

стья. О том, как нести надежду, когда сам в неё не веришь. О том, что финал - это не конец. Это просто ещё один шаг.

6. Какие вопросы я хочу, чтобы вы задали себе?

Я не даю ответов. Я даю вопросы. И вот главные из них:

Что для вас значит «быть человеком»? Это ваше тело? Ваша ДНК? Ваш паспорт? Или что-то, что нельзя измерить?

Готовы ли вы рискнуть всем ради любви? Или безопасность важнее?

Можете ли вы любить без надежды на ответ? Или вы ждёте, что ваша любовь будет вознаграждена?

Что вы готовы защищать, когда всё потеряно? Только себя? Или тех, кто слабее вас?

Что останется от вас, когда вас не станет? Ваше имя? Ваши дела? Ваши слова? Или ничего?

Есть ли у вас право на надежду, когда надежды нет? Или вы предпочтёте сдаться?

Что вы помните из своей жизни? И что вы хотите, чтобы помнили о вас?

Это история о том, как три человека использовали это право. Не для того, чтобы спасти мир. А для того, чтобы остаться людьми в мире, который пытался сделать их вещами.

Я не пишу для того, чтобы вы отдохнули.

Я пишу для того, чтобы вы проснулись. Чтобы вы вспомнили, что такое боль. Чтобы вы вспомнили, что такое страх. Чтобы вы вспомнили, что такое - стоять перед выбором, ко-

гда оба варианта ведут к пропасти, и всё, что у вас есть - это секунда, чтобы решить, как именно вы упадёте.

Я хочу, чтобы вы почувствовали:

Как это - смотреть в глаза того, кто никогда не будет вашим. И знать это. И всё равно быть рядом.

Как это - держать за руку того, кто умирает у вас на руках, и знать, что вы не можете его спасти. Что вы можете только обещать помнить.

Как это - оставаться одному в пустом мире, где все, кого вы любили, уже мертвы. И продолжать идти. Не потому что есть куда. А потому что остановиться - значит предать их память.

Я хочу, чтобы вы почувствовали это каждой клеткой своего тела.

Я не говорю в ней о том, как легко быть героем.

Потому что героями не рождаются. Героями становятся в тот момент, когда у тебя нет выбора. Когда ты понимаешь: если ты не сделаешь этот шаг - никто не сделает. Если ты не скажешь это слово - его никто не скажет. Если ты не будешь любить - любовь умрёт.

Героизм - это не подвиг. Это просто отказ сдаться. Отказ подчиниться. Отказ стать вещью.

И я молчу о том, что любовь - это лекарство. Потому что она не лечит. Она обжигает. Она оставляет рубцы. Она заставляет вас просыпаться по ночам и смотреть в потолок, думая о том, что вы могли бы сделать иначе.

Но именно эта боль - единственное доказательство того, что вы живы.

7. Почему я не даю вам надежды

Потому что надежда - это наркотик.

Она успокаивает. Она помогает забыть. Она даёт иллюзию, что всё будет хорошо. Но я не хочу, чтобы вы забывали. Я хочу, чтобы вы помнили - каждую секунду, каждую минуту, каждый день.

Мир не станет лучше, если вы будете закрывать глаза на его уродство. Он станет лучше, только если вы посмотрите на него в упор - и скажете: «Я вижу. И я не согласен».

Я не даю вам ложной надежды. Я даю вам правду. Правду о том, что корпорации уже стоят у вашего порога. Что государства уже продают вашу свободу за обещание безопасности. Что технологии уже стирают вашу личность, превращая вас в строку в базе данных.

Но я даю вам и другую правду: вы не одни.

Пока есть те, кто помнит - свобода не умерла. Она просто ждёт. Она всегда ждёт.

8. Что я хочу, чтобы вы сделали после прочтения

Я хочу, чтобы вы закрыли эту трилогию и почувствовали пустоту.

Не ту пустоту, когда вам нечем заняться. А ту пустоту, когда вы понимаете: мир, который вы знали, никогда не был настоящим. И вам придётся строить новый - с нуля. Из обломков. Из слёз. Из памяти о тех, кто не дожил.

Я хочу, чтобы вы вышли на улицу и посмотрели на небо. Не на экран, не на голограмму, не на рекламу - а на настоящее небо. И спросили себя: «А что я вижу? И что я хочу видеть завтра?»

Я хочу, чтобы вы перестали быть пассивными. Чтобы вы перестали ждать, пока кто-то другой решит вашу судьбу. Чтобы вы перестали подписывать документы, не читая их.

Потому что этот мир создан теми, кто не побоялся читать мелкий шрифт.

Я не знаю, прочитаете ли вы эту трилогию до конца.

Я не знаю, оставит ли она след в вашей душе.

Я не знаю, изменит ли она вашу жизнь.

Но я знаю одно: каждый из нас - это выбор. Каждый день. Каждый час. Каждая секунда.

Выбор между тем, чтобы подчиниться и выжить. Или восстать - и умереть свободным.

Я не говорю вам, что надо выбирать. Это не моё право. Это ваше.

Но я прошу вас об одном:

Не выбирайте вслепую.

Прочитайте условия. Посмотрите на лица тех, кому доверяете. Загляните в будущее - не то, которое вам обещают, а то, которое вы видите сами.

А потом сделайте свой шаг.

И помните: даже если вы упадёте - вы упадёте не одни. Потому что где-то, в подземелье, в руинах, в Серых Зонах,

есть такие же, как вы. Те, кто помнит свободу. Те, кто не сдался. Те, кто ждёт сигнала.

И этот сигнал - вы.

«Свобода - это не дар. Это право, которое нужно отстаивать. Каждое поколение платит свою цену. Наша цена - сейчас.»

Готовы ли вы заплатить её?

Анатолий Шигапов

ХРОНИКИ ПАДЕНИЯ

ЭТАП 1. «ГОРОДА-В-КОРОБКЕ» (2035–2052)

СЦЕНА 1. МИР В 2035 ГОДУ

Октябрь 2035 года. Манхэттен.

Дождь идет уже третьи сутки. Не ливень, не морось - какая-то серая водяная взвесь, которая проникает везде. Она оседает на стеклах небоскребов, смешивается с выхлопными газами и превращается в липкую грязь на асфальте. Она просачивается под воротники курток, за шиворот, в обувь. Она делает все серым - лица, здания, мысли.

Чарльз Дэвис стоит под козырьком заброшенного банка. Раньше здесь был «Сити-Банк». Теперь - пустота. Окна заколочены фанерой, на фасаде облупившаяся краска и граффити: «ПРОДАНО КИБЕР-ФОНДУ». Стеклянные двери разбиты - внутри уже ничего нет. Только мусор и запах сырости. Чарльз смотрит на здание и вспоминает, как в 2025-м брал

здесь ипотеку. Тогда он еще верил. Верил, что купит квартиру, что мир станет лучше, что у его детей будет будущее.

У него не было детей. И квартиры тоже нет.

Он смотрит на экран коммуникатора. Старая модель, пластиковый корпус в трещинах, экран с битыми пикселями. Он купил его за сорок кредитов на барахолке. Новые стоят под тысячу - на них можно смотреть голограммы, играть в игры, заказывать еду. У Чарльза нет тысячи. У него нет даже ста.

Экран мигает красным: «Зона повышенной опасности. Рекомендуется немедленно покинуть сектор 14-В». Чарльз не обращает внимания. Эти предупреждения появляются каждый час. Система безопасности «Кибер-Фонда» автоматически сканирует все районы, где уровень преступности превышает допустимый. Сектор 14-В - один из таких. Здесь живут бедные. Здесь нет полиции. Здесь есть только выживание. Но Чарльзу нужно доставить посылку на 45-ю улицу, а 45-я как раз в этом секторе. Он не может позволить себе штраф за просрочку - пятьдесят кредитов. Это четыре часа работы. Это два дня еды.

Он поправляет рюкзак. Тяжелый. Внутри - пластиковый контейнер с биологическим материалом. Он не знает, что там. Может, лекарства. Может, образцы крови для диагностики. Может, что-то незаконное. Он не спрашивает. Он просто носит.

Дождь не стихает. Чарльз поднимает голову и смотрит вверх.

Там, за серой пеленой облаков, висят дирижабли. Огромные, медленные, величественные. Они зависли над городом, как боги из старых мифов. У каждого свой логотип, который светится в темноте. «Солар-Сити» - голубой шар с белыми кольцами, вращающийся вокруг оси. «Кибер-Фонд» - серебристый треугольник, пульсирующий, как сердце. «Нейра-Инфра» - зеленый нейрон, разветвляющийся, как дерево. Они парят над городом двадцать четыре часа в сутки. Они никогда не опускаются ниже трехсот метров. Это - символы власти. Напоминание о том, кто здесь хозяин.

Раньше над Манхэттеном висели американские флаги. Чарльз помнит. В 2020-м году, когда он только приехал в Нью-Йорк, на всех зданиях были звезды и полосы. Сейчас флаги остались только на правительственных зданиях - и тех становится все меньше. Белый дом в Вашингтоне все еще поднимает флаг по утрам. Но кто на это смотрит?

Чарльз вспоминает 2020-е. Тогда все казалось иначе. Люди верили в прогресс. В зеленую энергетику. В технологии, которые спасут планету. Голливуд снимал фильмы, где изобретатели побеждали злодеев-корпорации. Ученые обещали, что через десять лет мы будем жить на Марсе. Политики клялись, что «мы построим лучшее будущее». Чарльз верил. Он закончил архитектурный факультет в 2019-м, получил диплом с отличием. Он проектировал мосты. Шесть мостов, которые так и не построили. Он помнит, как сидел в офисе, смотрел на чертежи, и думал: «Я создаю будущее». Он со-

здавал. Но будущее оказалось другим.

Технологии спасли не планету. Они спасли тех, у кого были деньги.

Чарльз смотрит на дирижабли. Говорят, внутри них - целые города. Офисы, жилые модули, рестораны. Там живут топ-менеджеры корпораций. Они не спускаются вниз. Зачем? Там, внизу - грязь, преступность, болезни. Вверху - чистота, искусственный климат, синтетическая еда, которая не пахнет гнилью. Вверху - безопасность. Внизу - хаос.

Мир 2035 года - это мир усталости.

Чарльз смотрит на свои руки. Он их помнит молодыми, с чистой кожей, без мозолей. Теперь они в трещинах, с черными ногтями от грязи, с синяками от тяжелых посылок. Ему сорок семь. Он выглядит на шестьдесят. Так живут курьеры.

Он отворачивается от дирижаблей и идет вдоль улицы. Вдоль стен - реклама. Голографические экраны, встроенные в стены зданий. Они показывают идеальные лица, идеальные улыбки, идеальные дома. Женщина с кожей, которая не знает пыли, говорит: ««Солар-Сити» строит ваше будущее. Новый умный район в Аризоне. Чистый воздух, круглосуточное освещение, школы для ваших детей. Всего 30 лет ипотеки - и вы владелец дома. Присоединяйтесь к семье «Солар-Сити»». Её голос - мягкий, убаюкивающий. Он проникает в голову. Чарльз слышал эту рекламу тысячу раз. Он знает текст наизусть.

Он вспоминает Джейкоба.

Джейкоб жил в соседней квартире - маленькой, сырой, с облупившимися обоями. Он работал программистом на «Кибер-Фонд». Зарабатывал мало, но мечтал о большем. Когда объявили о наборе в «Нью-Эдем», Джейкоб пришел к Чарльзу, сияющий, с планшетом в руках.

- Чарли, ты видел? - он тыкал пальцем в экран. - Всего 2% годовых! Тысяча в месяц, и я владелец собственного дома! Чистые улицы, никакого смога, дроны собирают мусор. Они даже систему безопасности поставили - распознавание лиц! Никакой преступности.

Чарльз тогда посмотрел на планшет. Он привык читать мелкий шрифт - это была профессиональная привычка архитектора. Он увидел пункты, которые Джейкоб не заметил. «В случае увольнения по любой причине корпорация имеет право пересмотреть условия кредита». «Все споры решаются в корпоративных судах». «Корпорация имеет право вносить изменения в условия в одностороннем порядке». «Ипотека передается в корпоративный фонд при смене работодателя». Чарльз попытался объяснить:

- Джейк, ты не понимаешь. Если тебя уволят - ты останешься без дома.

- Меня не уволят! - отмахнулся Джейкоб. - Я нужный специалист. Они меня ценят.

- Они ценят тебя, пока ты им нужен. А когда нет - выкинут. И ты останешься с долгом, который не сможешь выплатить.

Джейкоб рассмеялся. Он уже мысленно жил в городе-мечте. Он не слышал Чарльза.

- Ты просто завидуешь, Чарли, - сказал он. - Ты остаешься здесь, в грязи. А я уезжаю в светлое будущее.

Джейкоб уехал в 2033-м. Первое сообщение пришло через месяц. Оно было восторженным: «Чарли, это рай! Я никогда не видел таких улиц! Здесь даже ночью светло! Я вышел на балкон - и увидел звезды! В нашем городе их не было двадцать лет! Еда - синтетическая, но вкусная. Соседи - хорошие. Я работаю по двенадцать часов, но это того стоит. Я счастлив».

Второе - через полгода. Уже короче: «Сложно. Много работы. Долги растут. Но я справлюсь. Главное - не увольняться».

Третье - через год: «Чарли, меня уволили. Сокращение. Компания перевела половину функций на ИИ. Мой дом - они пересмотрели условия. Теперь я должен в два раза больше. Я пытаюсь найти работу, но без корпоративного паспорта меня никуда не берут. Я не могу продать квартиру - она принадлежит корпорации. Я не могу уйти. Я в ловушке. Чарли, я не знаю, что делать».

Чарльз перезвонил. Абонент недоступен.

Он больше никогда не слышал о Джейкобе.

Теперь, стоя под дождем, он смотрит на рекламу и чувствует холод. Не от погоды. От понимания.

В этом мире есть два типа людей. Те, кто у власти. И те,

кто подписывает документы, не читая их.

Чарльз смотрит на свои руки. Он больше не архитектор. Он курьер. У него нет дома, нет семьи, нет будущего. У него есть только сегодня. Посылка. Дорога. Выживание.

Он идет дальше.

Подземный переход. Пахнет мочой, плесенью и сыростью. На стенах - граффити. Кто-то нарисовал флаг, перечеркнутый красным логотипом «Кибер-Фонда». Подпись: «ГОСУДАРСТВО - ЛОГОТИП КОРПОРАЦИИ». Ниже - еще одно: «ВЫ УЖЕ ПРОДАЛИСЬ. ВЫ ПРОСТО НЕ ЗАМЕТИЛИ». Следующее - более мрачное: «РОБОТЫ ПОМРУТ. А МЫ - НЕТ. ПОТОМУ ЧТО МЫ УЖЕ МЕРТВЫ».

Чарльз проходит мимо. Эти надписи были здесь годами. Их закрашивают, но они появляются снова. Это голос тех, кто еще помнит, что значит быть свободным. Но таких все меньше. Остальные просто хотят выжить.

На выходе из перехода его останавливает дрон. Серебряная сфера размером с баскетбольный мяч. Она парит на высоте груди, бесшумно, как призрак. В центре - камера, которая сканирует его лицо. Из динамика - механический голос, без интонации, без эмоций:

- Идентификация. Предъявите паспорт.

Чарльз достает пластиковую карточку. Государственное удостоверение. На нем фотография, сделанная пять лет назад. Тогда он еще брился. Сейчас на его лице недельная щетина. Дрон сканирует.

- Чарльз Дэвис. Налоговый статус - «неплательщик с 2031 года». Кредитный рейтинг - 412. Уровень доверия - «низкий».

Чарльз не смотрит на дрон. Он ждет.

- Ваше присутствие в этом районе отмечено. Рекомендуются покинуть сектор в течение 24 часов. В случае повторного обнаружения - штраф 200 кредитов.

Дрон делает паузу. Камера вращается.

- Хорошего дня.

Он улетает. Быстро, бесшумно. Растворяется в сером небе.

Чарльз смотрит ему вслед. «Налоговый статус - неплательщик». Это потому что у него нет официальной работы. Он курьер на частных заказах. Он платит налоги, когда может - раз в полгода, мелкими суммами. Но система считает его должником. Это значит: он не может взять кредит, арендовать жилье в хорошем районе, купить лекарства по государственной программе. Его лечат только в бесплатных клиниках, где очереди по три месяца. Он не может голосовать - его просто не внесли в списки. Он может пользоваться только общественным транспортом, и то - с ограничениями. Он - изгой.

Но страшнее не это. Страшнее то, что скоро государственных паспортов не станет.

Корпорации уже запустили «Цифровой Паспорт 1.0». Бета-версия, только для сотрудников. Чарльз видел, как рабо-

тает система. Его сосед по ночлежке - бывший инженер «Кибер-Фонда» - показывал. Там всё привязано: налоги, ипотека, страховка, медицинская история. Одним чипом в запястье заменяют двадцать документов. И если государственный паспорт можно потерять, подделать, уничтожить - цифровой не потеряешь. Он всегда с тобой. И он всегда контролирует.

Корпорации работают над тем, чтобы расширить его на всех. И тогда Чарльз перестанет быть Чарльзом Дэвисом. Он станет «Пользователем CR-44921». У него не будет прав. Будут только «Условия использования». И если он нарушит их - корпорация «отключит» его. Просто, тихо, без суда и следствия.

Чарльз вытирает лицо рукавом. Дождь стихает. Над головой - дирижабли. Бесстрастные. Равнодушные. Боги.

Он выходит на 45-ю улицу. Здания здесь старые, довоенные. Кирпич, который когда-то был красным, теперь серый от грязи. Окна заколочены. В парадных - палатки бездомных. Дети бегают по лужам босиком. Здесь, в секторе 14-В, корпорации не правят. И правительство тоже. Здесь - анархия. Люди выживают как могут.

Чарльз находит нужный адрес. Дверь - железная, с облупившейся краской. Он стучит. Ему открывает женщина с лицом, изрезанным морщинами. Ей, наверное, сорок. Выглядит на шестьдесят.

- Посылка, - говорит Чарльз. - Заказ 4492.

Она кивает. Молча. Забирает контейнер. Чарльз не спрашивает, что там. Не его дело.

Она закрывает дверь.

Чарльз поворачивается и идет обратно. Мимо подземного перехода. Мимо граффити. Мимо дронов. Мимо дирижаблей.

Он доставил посылку. Он получит свои кредиты. Он купит еду. Он выживет сегодня.

И завтра - еще один день.

СЦЕНА 2. ПЕРВЫЙ ЧАСТНЫЙ ГОРОД

Январь 2038 года. Пустыня Аризона.

Здесь, где когда-то была заброшенная военная база, теперь строится чудо. Чудо, которое видно из космоса - идеальный прямоугольник на карте пустыни, где земля расчерчена линиями будущих улиц, где фундаменты поднимаются из песка, как зубы гигантского животного.

Джошуа Холл стоит на смотровой площадке. Это временная конструкция - стальные балки, настил из металлических листов, ограждение из проволоки. Ветер дует с пустыни, обжигает лицо, несет песок. Джош поправляет очки, которые защищают глаза. Под ним - будущий «Нью-Эдем».

Он смотрит вниз, и в его груди разливается чувство, которое он не может описать. Не гордость. Не радость. Что-то более глубокое - удовлетворение от власти. От того, что он создает мир. Целый мир. Для полумиллиона людей.

«Нью-Эдем» стоит семьдесят миллиардов долларов.

Семьдесят миллиардов. В 2025-м это был бы годовой бюджет целой страны - например, Норвегии. Теперь это просто строительный проект. У «Солар-Сити» есть деньги. Много денег. Больше, чем у большинства государств. Джош знает точную цифру - активы корпорации составляют пять триллионов. Это больше, чем ВВП всей Южной Америки.

Рядом с ним стоит Ли Чен. Главный инженер. Ей тридцать три, но она уже сделала карьеру, о которой другие могут только мечтать. Она отвечает за проект - за то, чтобы все работало: энергетика, водоснабжение, канализация, климат-контроль, транспорт. Она держит планшет с трехмерной моделью. Линии коммуникаций пульсируют голубым, как вены на теле города.

- Джош, мы укладываемся в график, - говорит Ли. Голос у нее спокойный, деловой. - Фундамент готов на восемьдесят процентов. Энергетический купол будет запущен через месяц - солнечные панели на крышах, геотермальные источники под землей, резервные аккумуляторы. Вертикальные фермы дадут первые урожаи через полгода. Мы сможем кормить пятьсот тысяч человек без внешних поставок.

Джош кивает. Он массирует переносицу. Бессонная ночь - переговоры с инвесторами, споры с юристами, утверждение бюджетов. Но он не жалуется. Это его проект. Его детище.

- Ли, сколько заявок на въезд? - спрашивает он.

- Сто тридцать тысяч за первую неделю. Ожидаем, что к моменту запуска будет полмиллиона. Мы даже не давали ре-

кламу, только объявление на сайте. Они сами приходят.

- Они знают условия?

Ли поднимает бровь. Легкая улыбка на губах:

- Конечно, Джош. Все подписано. Контракты стандартные: ипотека на тридцать лет, работа в корпорации, соблюдение корпоративных правил. Мелким шрифтом... ну, ты знаешь.

Джош усмехается. Да, он знает. Он сам писал этот мелкий шрифт. Он сидел с юристами три недели, выверяя каждую формулировку. «В случае увольнения - ипотека передается в корпоративный фонд. Корпорация имеет право пересмотреть условия кредита в одностороннем порядке. Несоблюдение условий ведет к изъятию жилья». Юридически безупречно. Никакого нарушения прав. Они подписали добровольно.

- Они не читают, - говорит Джош. - Никогда не читают. Они видят цифру - два процента годовых. Они видят картинки счастливых людей. Они видят чистые улицы и школы для детей. И они подписывают.

Ли смотрит на него. В её взгляде есть вопрос. Она не задает его вслух, но Джош знает. Всегда знает, о чем думают его подчиненные.

- Тебе их не жалко? - спрашивает она наконец.

Джош смотрит на нее. Она молодая. Она еще верит. Верит в то, что они строят «лучший мир». Верит в слова, которые пишут в рекламных буклетах. Джошу пятьдесят два. Он перестал верить двадцать лет назад, когда увидел, как работает

настоящая власть.

- Их не жалко, - отвечает он. - Им хорошо. В «Нью-Эдеме» будет чисто, безопасно, стабильно. Они будут есть синтетическую еду - но зато они не умрут с голоду, как в государственных зонах. Они будут дышать очищенным воздухом - в отличие от тех, кто остался в городах, где смог убивает по десять тысяч человек в год. Они будут счастливы, потому что им скажут, что они счастливы. Разве это не лучше, чем жить в страхе, грязи и нищете?

- Но они не свободны.

- Свобода, Ли, - это абстракция. Люди не хотят свободы. Они хотят безопасности. Хотят, чтобы у их детей было будущее. Хотят, чтобы их не убивали на улицах. Хотят стабильности. Мы даем им это. А взамен они отдают нам... ну, они отдают нам всё.

Он поворачивается к ней:

- Ты думаешь, я злодей? Нет, Ли. Я реалист. Мы не забираем у них свободу. Они сами ее отдают. Мы просто предлагаем сделку.

Ли молчит. Она смотрит на стройку. Дроны носят стальные балки, экскаваторы копают траншеи, рабочие-мигранты в оранжевых жилетах мельтешат как муравьи. Тысячи людей строят город для других. Они сами никогда не будут жить в «Нью-Эдеме».

- А что будет с ними? - показывает она вниз.

Джош равнодушно пожимает плечами:

- Они получают свое. Еду, воду, медпомощь. Мы соблюдаем контракты. Они подписали согласие на работу на три года. По истечении срока - депортация. Законно. Мы не нарушаем законы, Ли. Мы их просто... используем.

«Все законно». Эти два слова будут преследовать Ли Чен всю оставшуюся жизнь. Она еще не знает этого. Она просто кивает и возвращается к планшету.

Джош смотрит на горизонт. Пустыня тянется до бесконечности, желтая, мертвая. Но через несколько месяцев здесь вырастет оазис. Искусственный, контролируемый, прирученный.

- Ли, - говорит он, не оборачиваясь. - Через пять лет ты не сможешь найти на карте ни одно независимое государство. Только зоны влияния корпораций. «Нью-Эдем» - только начало. Мы строим новый мир. И мы строим его правильно.

Он делает паузу:

- Знаешь, в чем наша сила?

- В деньгах?

- В терпении. Мы не захватываем власть. Мы просто ждем, пока государства устанут. Пока они обанкротятся. Пока их граждане сами придут к нам. Мы не отнимаем - мы предлагаем. И они берут.

Он смотрит на стройку:

- И когда они возьмут - они уже не смогут отдать.

СЦЕНА 3. ИПОТЕЧНАЯ ЛОВУШКА

Март 2042 года. «Нью-Эдем». Район «Золотые Врата».

Здесь даже воздух другой. Чистый, прозрачный, с легким запахом хвои - в парке посадили настоящие сосны, каждое дерево стоит по двести тысяч долларов в год на обслужива-ние. Но кто считает деньги, когда речь идет об идеальном мире?

Дэниэл Миллер стоит у окна. Из его гостиной открывается вид на центральный парк. Зеленый, аккуратный, расчер-ченный на геометрические зоны. В центре - фонтан, кото-рый не замолкает никогда. Вода в нем кристально чистая, с легким подсветом. Дроны-садовники снуют между деревь-ями, поправляют ветки, собирают листья. Идеальная картин-ка. Картинка, за которую он платит.

Дом Дэниэла стоит полмиллиона. Он взял ипотеку на тридцать лет под два процента годовых. Это казалось вы-годным - тысяча пятьсот кредитов в месяц. Он зарабатывал шесть тысяч. У него была жена Сара, дочь Эмили. Они бы-ли счастливы. Они переехали в «Нью-Эдем» в 2037-м, когда город только открылся. Дэниэл верил. Верил, что это нача-ло новой жизни. Верил, что он будет здесь работать, растить дочь, состариться. Верил, что все будет хорошо.

Теперь он смотрит на договор. Тот самый. Пожелтевший, потрепанный. Он хранил его в ящике стола, как напомина-ние о своей глупости.

Три месяца назад его перевели на полставки. «Оптимизация штата», - объяснил менеджер по персоналу. Молодой парень с идеально уложенными волосами. Он говорил веж-

ливо, с улыбкой. «Корпорация вынуждена сократить расходы. Ваш отдел больше не нужен. Но мы не увольняем вас - мы переводим на полставки. Вы останетесь в системе, сохраните корпоративный паспорт. Пока. Мы же семья, Дэниэл».

«Семья». Дэниэл слышал это слово так часто, что оно потеряло смысл.

Теперь его зарплата - три тысячи в месяц. Ипотека - тысяча пятьсот. Коммуналка - четыреста. Еда - шестьсот. Страховка - двести. Остается триста кредитов. Этого хватает на одну поездку в месяц в корпоративный кинотеатр. На подарок дочери на день рождения. На кофе. На всё остальное - нет. Он не может купить новую одежду. Не может заплатить за ремонт дрона, который возит дочь в школу. Не может позволить себе лекарства, которые не входят в страховку. Он живет от зарплаты до зарплаты. И он уже пропустил два платежа по ипотеке.

Вчера пришло уведомление.

Экран коммуникатора мигнул голубым, и Дэниэл открыл его, не думая ни о чем плохом. Он ждал письма от дочери. Она писала ему из школы - они проходили историю корпораций, и учительница задала им написать эссе. Эмили просила помочь. Он хотел ответить, что поможет вечером. Но вместо письма от дочери на экране появилось уведомление.

«Уважаемый Дэниэл Миллер. Ваша задолженность по ипотеке составляет 4500 кредитов. Согласно п. 14.3 договора, в случае просрочки более чем на 90 дней, корпорация

имеет право пересмотреть условия кредита в одностороннем порядке. Ваша ставка повышается до 12% годовых. Новый ежемесячный платеж составляет 5500 кредитов. Если вы не сможете оплатить в течение 30 дней, ваш дом будет изъят. С уважением, отдел по работе с активами «Солар-Сити»«.

Дэниэл смотрит на экран. Пять тысяч пятьсот. Это почти в два раза больше его зарплаты. Это больше, чем он и Сара зарабатывают вместе.

Его руки дрожат. Он перечитывает сообщение. Перечитывает еще раз. Надеюсь, что это ошибка. Но цифры не меняются.

Он открывает договор. Тот самый, который подписывал пять лет назад. Он листает страницы, ища пункт 14.3. Страница 47. Мелкий шрифт. Почти незаметно. Там написано:

«В случае просрочки платежа более чем на 90 дней, корпорация имеет право пересмотреть условия кредита в одностороннем порядке, включая, но не ограничиваясь, повышением процентной ставки, изменением графика платежей и требованием полного досрочного погашения. Корпорация также имеет право изъять имущество, переданное в залог, без дополнительного судебного разбирательства, на условиях, определенных в разделе 18.2 настоящего договора».

Дэниэл не читал этого. Он не читал ничего за пределами первой страницы. Он видел цифру - два процента. Видел картинки счастливых семей. Слышал голос менеджера: «Подписывайте, Дэниэл. Мы одна семья». И подписал.

Он подписал свою смерть.

Он садится на диван. Руки опущены. Он смотрит на белые стены, на панорамные окна, на парк за ними. Этот дом - тюрьма. Он не может продать его, потому что дом принадлежит корпорации. Он не может уйти, потому что долг останется. Корпоративный суд взыщет всё. У него нет денег на адвоката. У него нет даже денег на билет до границы.

Он думает о Саре. Она в школе, работает воспитательницей. Зарабатывает две тысячи. Она не знает. Она думает, что у них всё хорошо. Она верит, что они справятся.

Он думает об Эмили. Ей двенадцать. Она мечтает стать архитектором. Она рисует дома, парки, мосты. Она не знает, что ее отец - банкрот. Что ее семья на грани катастрофы.

Дэниэл смотрит на телефон. У него есть номер Чарльза. Старого друга. Они учились вместе в университете, в Канзасе. Чарльз всегда говорил: «Не подписывай, Дэн. Не подписывай, не прочитав. Мелкий шрифт - там вся правда». Дэниэл смеялся тогда. Думал, что Чарльз слишком осторожен. Чарльз был прав. Чарльз всегда был прав.

Он набирает номер. Гудок. Гудок. Гудок. Голос: «Абонент недоступен».

Дэниэл кладет телефон. Закрывает глаза.

Ему тридцать пять. Он должен жить еще двадцать пять лет, расплачиваясь за дом, который уже не его. Если повезет. Если корпорация не выселит его раньше. Если он не сломается.

Он встает. Подходит к окну. Смотрит на идеальный город. На чистые улицы. На счастливых людей, которые гуляют в парке. Они тоже подписали. Они тоже не читали.

Он тихо говорит, в пустоту:

- Добро пожаловать в «Нью-Эдем». Город-в-коробке. Лучшая тюрьма на Земле.

СЦЕНА 4. ГОСУДАРСТВА БЕРУТ КРЕДИТЫ

Февраль 2045 года. Вашингтон, Овальный кабинет.

За окном - снег. Белый, пушистый, как в старых фильмах. Он падает на лужайку перед Белым домом, на деревья, на туристов, которые фотографируются на фоне главного входа. Туристы не знают, что через несколько недель этот снег будет красным от крови. Не в прямом смысле. В метафорическом. Экономика истекает кровью.

Президент Джонатан Вудс сидит за столом. Тяжелым, дубовым, с гербом Соединенных Штатов. Он смотрит на этот герб и думает: «Сколько еще он продержится?». Он президент уже восемь лет. Он помнит, как в 2037-м его избрали - тогда еще были выборы, настоящие, с дебатами, голосованием, надеждой. Люди верили в него. Он обещал «вернуть величие Америке».

Он не вернул. Он не мог. Потому что Америка уже была не его. Она была корпоративной.

Перед ним сидит Марта Кларк. Министр финансов. Женщина с усталыми глазами, седыми прядями в русых волосах. Она держит папку с расчетами. Ее руки дрожат - то ли от

холода, то ли от напряжения.

- Господин президент, - начинает она. Голос тихий, но твердый. - У нас проблема.

Вудс поднимает голову. Он устал. За последнюю неделю он подписал пять указов. Каждый из них отдает корпорациям контроль над еще одним портом, еще одним аэропортом, еще одной энергосетью. Он делает это, потому что у страны нет денег. Совсем. Бюджет пуст. Золотовалютные резервы вычерпаны. Кредитный рейтинг - «мусорный». Америка - банкрот.

- Что на этот раз, Марта?

Она открывает папку:

- Мы должны «Кибер-Фонду» 2.3 триллиона долларов. «Солар-Сити» требует выплаты по кредитам на сумму 800 миллиардов. «Нейра-Инфра» - еще 1.1 триллиона. Проценты растут. Мы не можем обслуживать долг. Даже проценты - мы не можем выплачивать проценты.

- И что вы предлагаете?

Марта тяжело вздыхает:

- Мы можем взять новые кредиты. Под залог инфраструктуры.

- У нас больше нет инфраструктуры, Марта. Мы уже заложили всё. Порты - «Кибер-Фонду». Аэропорты - «Солар-Сити». Энергосети - «Нейра-Инфра». Спутники - мы их продали в 2042-м, помнишь? Остались только военные. Но и они - уже не наши. Генералы получают зарплату от корпораций.

Марта молчит. Она знает. Она все знает. Но она должна сказать то, что должна.

- Есть еще кое-что, - говорит она. - Национальные парки. Военные базы, которые еще не переданы. И - пахотные земли.

Вудс смотрит на нее. Он понимает, что это означает. Пахотные земли - это продовольственная независимость. Это зерно, пшеница, кукуруза. Это Америка, которая кормит себя сама. Если он отдаст земли, «Грин-Матрикс» будет контролировать всё сельское хозяйство. Они будут решать, сколько еды получают американцы. Они будут устанавливать цены. Они будут кормить или морить голодом. А кто кормит - тот и управляет.

- Нет, - говорит он твердо. - Пахотные земли - это наша безопасность.

- Господин президент, если мы не возьмем кредиты, через три месяца мы не сможем выплатить зарплату бюджетникам. Врачи, учителя, полицейские - они не получают денег. Через шесть месяцев остановится система социального обеспечения. Пенсионеры умрут от голода. Через год - коллапс. Полный. Государство перестанет существовать.

Вудс смотрит на нее. Он помнит, как в молодости учил историю. Помнил про Великую депрессию, про Рузвельта, про «Новый курс». Тогда правительство спасало людей. Теперь правительство не может спасти даже себя.

- Марта, если мы отдадим земли - мы станем вассалами.

Мы потеряем суверенитет.

- Мы уже его потеряли, господин президент.

Она говорит это тихо, почти шепотом. Но слова звучат как приговор.

Вудс отворачивается к окну. Снег падает на лужайку. Туристы все еще фотографируются. Они не знают. Они улыбаются. Они верят, что Америка - великая страна.

Он - президент лжи. Он должен подписывать документы, которые уничтожают его страну. Потому что иначе - все умрут. И он тоже.

- Подготовьте документы, - говорит он тихо. - Мы возьмем кредиты под залог земель.

Марта кивает. Она уже подготовила. Она знала, что он согласится.

Она встает, собирает папку. У двери оборачивается:

- Господин президент... простите.

- За что?

- Что я должна делать это. Что я заставляю вас делать это.

Вудс смотрит на нее. Он хочет сказать, что всё нормально. Что у них нет выбора. Что это не ее вина. Но он молчит.

Она выходит. Дверь закрывается.

Он остается один. В тишине. Смотрит на портреты Вашингтона, Линкольна, Рузвельта. Они смотрят на него. Они осуждают.

- Я знаю, - говорит он. - Я знаю.

Он подписывает документы.

СЦЕНА 5. КОНЕЦ ЭТАПА

Ноябрь 2052 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». «Нью-Эдем». 87-й этаж.

Здесь, на высоте трехсот метров, начинается другой мир. Полы из полированного мрамора, стены из черного стекла, потолки с динамическим освещением. Воздух - с легким запахом цитрусовых, без пыли, без примесей. Здесь не слышно шума города - звукоизоляция поглощает всё. Здесь тихо. Почти как в храме.

Джош Холл сидит во главе длинного стола. Теперь он - исполнительный вице-президент «Солар-Сити». Семь лет назад он был просто директором департамента. Сейчас он - один из тех, кто решает судьбы миллионов. Он смотрит на голографическую карту мира, которая висит в центре зала.

Карта подсвечена. Зеленым выделены зоны корпоративного контроля. Тридцать процентов всей городской инфраструктуры. Сорок процентов энергосетей. Пятьдесят процентов портов. Восемьдесят процентов спутниковой группировки. Цифры растут каждый день.

За столом - совет директоров. Девять мужчин и женщин в идеальных костюмах. Они выглядят так, будто не знают слова «усталость». Кожа сияет, глаза блестят. У них лучшие стимуляторы, лучшие врачи, лучшие синтетические витамины. Они бессмертны. Или почти.

- Дамы и господа, - начинает Джош. Его голос разносится по залу. - Поздравляю. Мы успешно завершили первый

этап. Государства должны нам триллионы. Их армии переходят под наш контроль. Их граждане используют наши паспорта. Мы больше не подчиненные. Мы - правительство мира.

В зале тишина. Директора смотрят на него. Некоторые кивают. Некоторые улыбаются.

- Следующий этап - продовольствие, - продолжает Джош.
- Мы задушим их через еду. «Грин-Матрикс» уже готов. Они получают концессии на пахотные земли. Мы заменим сельское хозяйство вертикальными фермами. Мы сделаем их зависимыми от нас.

Он ставит кружку с кофе на стеклянный стол. Кофе - настоящий, из Южной Америки. Последние плантации, которые все еще не куплены корпорациями. Джош любит настоящий кофе. Синтетический - не то.

- К 2060 году государства будут мертвы. Мы это сделаем. Легально. Экономически. И никто не сможет нам помешать, потому что, - он делает паузу, - никто не читает мелкий шрифт.

Смех. Короткий, но искренний. Директора переглядываются.

- Джош, - говорит один из них, - а что насчет сопротивления? Неужели никто не попытается протестовать?

Джош качает головой:

- Протестовать? Против чего? Против чистой воды? Против безопасных улиц? Против еды, которая не убивает? Мы

даем им всё, что они хотят. У нас есть работа. Есть стабильность. Есть цифровые паспорта, которые упрощают жизнь. Они не будут протестовать. Они будут хлопать. Знаете, почему? Потому что мы дали им иллюзию выбора. И они выбрали нас.

Директор кивает.

Джош смотрит на карту. Зеленые зоны расползаются, как живой организм. Скоро вся карта будет зеленой.

- Через двадцать лет, - говорит он, - люди не будут помнить, что такое государство. Они будут помнить только логотипы. Мы - их правительство. Мы - их закон. Мы - их будущее.

Он поднимает бокал:

- За новый мир. Без границ. Без флагов. Только экономика.

Все поднимают бокалы.

Звон стекла.

ЭТАП 2. «ДОЛГОВАЯ УДАВКА» (2052–2063)

СЦЕНА 1. КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Май 2052 года. Канзас. Великие равнины.

Здесь, где когда-то были бескрайние поля пшеницы, теперь пустыня. Не та пустыня, что в Аризоне - с песком и барханами, с красными скалами и кактусами. Другая. Серая, глинистая, потрескавшаяся. Земля, которая когда-то кормила половину планеты, теперь мертва. Она растрескалась на

шестиугольные плиты, как грязь на дне пересохшего озера. Между плитами - пустота. Только пыль, которая поднимается при каждом дуновении ветра. Никакой жизни. Ни травы, ни кустов, ни насекомых. Только ветер, который гонит тучи пыли, и солнечные лучи, которые падают с безжалостного неба, выжигая всё, до чего могут дотянуться.

Фермер Томас Хендерсон стоит на крыльце своего дома. Дом старый, деревянный, с облупившейся краской. Его построил еще его дед в 1960-х, когда здесь была земля обетованная - чернозем, дожди, урожай. Томас помнит, как в детстве бегал по этим полям. Они были золотыми от колосьев. Воздух пах хлебом и свежей травой. Отец говорил: «Земля нас не подведет. Земля кормит». Земля подвела.

Третий год засухи. Третий год, когда дожди не пришли. Томас пробовал всё - бурил скважины, но вода ушла слишком глубоко. Покупал удобрения, но они не помогали без влаги. Пытался сажать засухоустойчивые сорта, которые рекламировали как «чудо-гены» - они тоже погибали. Земля убивала всё, что в нее сажали. Она была мертва, и никакие молитвы, никакие технологии, никакие надежды не могли ее воскресить.

Он смотрит на поле. Там, где когда-то стояли комбайны, теперь валяются ржавые остовы. Там, где были амбары, теперь пустота, только ветер завывает в щелях. Семья Томаса - жена Марта, трое детей - уже два года живут на государственной помощи. Это немного - синтетические пайки, кото-

рые разносят дроны раз в неделю. Питательно, но безвкусно. Томас помнит, как пахнет свежее испеченный хлеб. Теперь он пахнет только пластиком.

На крыльцо выходит Марта. Она худая, бледная, с темными кругами под глазами. Раньше она была красавицей, с румяными щеками, с улыбкой, которая освещала весь дом. Теперь улыбка исчезла. Её лицо - маска усталости. Она держит коммуникатор.

- Томас, - говорит она тихо, - Новости. По телевизору. Ты должен посмотреть.

Томас поворачивается. Марта протягивает коммуникатор. Экран показывает новостной канал «Глобал-Ньюс» - он принадлежит «Кибер-Фонду», но новости там такие же, как везде. Диктор - женщина с идеальной улыбкой, с зубами, которые светятся белизной, с кожей без единого изъяна. Она говорит:

- Правительство объявляет чрезвычайное положение в восемнадцати штатах. Засуха уничтожила до восьмидесяти процентов урожая. Крупнейшие сельскохозяйственные регионы страны объявлены зонами бедствия. По оценкам экспертов, продовольственный кризис может продлиться до пяти лет. Правительство призывает граждан к экономии и рекомендует использовать синтетические заменители продуктов.

Марта смотрит на Томаса. Её глаза полны отчаяния. Она тихо говорит:

- Пять лет, Томас. Мы не выдержим пять лет. У нас нет денег, нет запасов, нет ничего. Дети уже два месяца не ели нормальной еды. Младший, Бенджамин, он плачет по ночам. Он говорит, что хочет хлеб. Настоящий хлеб. Я не могу ему дать. Я не могу.

Томас молчит. Он смотрит на поле. Там, где когда-то росла пшеница, теперь только пыль. Он чувствует, как в груди поднимается что-то темное. Не гнев. Не отчаяние. Что-то между. Бессилие.

В 2030-х годах ученые предупреждали об этом. Они кричали на всех конференциях, писали статьи, выступали в ООН. Они говорили: «Глобальное потепление изменит климат. Урожай упадут. Будет нехватка воды. Мы должны менять сельское хозяйство, строить системы орошения, разрабатывать новые сорта». Никто не слушал. Политики обещали, что технологии решат все проблемы. Корпорации говорили: «Мы создадим синтетическую еду. Всем хватит». И они создали. Но настоящая еда - та, что выращена на земле, под солнцем, с дождем, с любовью - она умирала. А синтетика требовала энергии, заводов, сырья. И стоила денег. Денег, которых у государства не было.

Томас закрывает глаза. Он вспоминает отца. Отец был высоким, сильным, с мозолистыми руками. Он вставал в четыре утра и шел в поле. Он возвращался только вечером, весь в грязи, но счастливый. Он говорил: «Томас, земля - это наше всё. Пока есть земля, мы выживем». Но земля ушла. Как

вода. Как воздух. Как свобода.

Он садится на ступеньки крыльца. Голова опущена. Марта садится рядом, кладет голову ему на плечо.

- Что мы будем делать? - спрашивает она.

Томас смотрит на горизонт. Там, вдалеке, виднеются силуэты огромных конструкций. Вертикальные фермы «Грин-Матрикс». Они стоят на арендованной земле, которую фермеры продали за бесценок, когда поняли, что не могут прокормить себя. Они работают на синтетическом освещении и гидропонике. Они производят тонны еды каждый день. Они не зависят от дождя, от солнца, от засухи. Они - будущее. Они кормят города.

Но фермеры ненавидят их. Потому что они - символ конца. Символ того, что традиционное сельское хозяйство умерло. Что человек больше не может прокормить себя сам. Что он зависит от корпораций, от их технологий, от их милости.

- Мы будем выживать, - говорит Томас, но голос его звучит неуверенно. - Как всегда. Как наши отцы. Как деды.

- Но они предлагают помощь, - говорит Марта. - «Грин-Матрикс». Они говорят: «Отдайте землю в концессию на девяносто девять лет. Мы построим вертикальные фермы. Мы накормим страну. Мы дадим рабочие места». Томас, я знаю, ты не хочешь этого. Но у нас нет выбора. Дети голодают. Мы голодаем. Если мы не подпишем, мы умрем. Не через пять лет. Через месяцы.

Томас поворачивается к ней. В глазах - злость. Не на жену.

На то, что она сказала. Потому что она сказала правду.

- Марта, если мы отдадим землю, мы станем рабами. Они будут решать, сколько мы едим. Они будут устанавливать цены. Они нас удушат.

- Томас, мы уже умираем. Её голос дрожит. - У нас нет урожая третий год. Семья голодает. Дети ходят в школу в рваной одежде. Чем это отличается от рабства? По крайней мере, рабы получают еду.

Он хочет возразить. Но не может. Потому что она права. Он смотрит на свои руки. Руки, которые когда-то держали плуг, собирали урожай, обнимали детей. Теперь они просто висят, бесполезные.

- Марта, - говорит он тихо. - Если я подпишу - я предаю отца. Он завещал мне эту землю. Он говорил, что земля - это наша свобода.

- Томас, - она берет его за руку. - Твой отец умер бы от голода, если бы увидел, что его внуки не могут есть. Он хотел, чтобы мы жили. Он не хотел, чтобы мы умирали с честью. Мы можем умереть, или мы можем жить и бороться. Выбирай.

Он смотрит на неё долго, очень долго. Потом кивает.

- Хорошо. Завтра я поеду в город. Подпишу.

Август 2052 года. Женева. Штаб-квартира Всемирной продовольственной организации.

Это последнее место, где еще пытаются сохранить иллюзию международного сотрудничества. Здание стареет, как и

всё в этом мире. В большом зале заседаний сидят делегаты из шестидесяти стран. Но большинство из них - не министры сельского хозяйства. Они - представители корпораций. «Грин-Матрикс», «Солар-Сити», «Кибер-Фонд». Они сидят в первых рядах. У них лучшие места. У них - власть.

Председатель - старый дипломат из Швейцарии, седой, с очками на носу, с дрожащими руками. Он пытается сохранить порядок, но голос его срывается. Он помнит 2020-е, когда ООН еще что-то значила. Теперь она - просто декорация.

- Господа, - говорит он, стуча молотком. - Ситуация критическая. Засухи в Северной Америке, наводнения в Южной Азии, ураганы в Центральной Америке. Урожаи сократились на сорок процентов в глобальном масштабе. По прогнозам, к концу года голод может затронуть до двух миллиардов человек. Мы должны объединить усилия. Мы должны...

Его прерывает голос. Громкий, уверенный, с американским акцентом.

- Прошу прощения, господин председатель.

Генри Кларк - генеральный директор «Грин-Матрикс». Ему пятьдесят пять, он высокий, подтянутый, в дорогом костюме. Он не похож на человека, который волнуется о голоде. Он похож на человека, который пришел заключать сделку. Его лицо - каменная маска, за которой не видно эмоций. Только холодный расчет.

- Господа, мы все знаем, что государства не справляются. У них нет ресурсов, нет технологий, нет инфраструкту-

ры. У нас - есть. «Грин-Матрикс» может накормить мир. Мы строим вертикальные фермы. Мы производим синтетическую еду. Мы можем обеспечить стабильное продовольственное снабжение для всех, кто к нам обратится.

Он делает паузу и оглядывает зал. Его взгляд останавливается на делегатах из стран, которые особенно пострадали от климатического кризиса. В их глазах - отчаяние.

- Но это стоит денег. И мы не можем работать бесплатно. Мы предлагаем сделку: государства отдают нам пахотные земли в концессию на девяносто девять лет. Мы строим вертикальные фермы на этих землях. Мы кормим население. Мы создаем рабочие места. Все получают выгоду.

В зале тишина. Потом - гул. Делегаты перешептываются. Кто-то возмущен. Кто-то заинтригован. Кто-то уже готов подписать. Председатель пытается взять слово, но его перебивают снова.

- Господин Кларк, но это же... это же фактически передача национальных ресурсов в частные руки. Это нарушает суверенитет...

- Суверенитет, - усмехается Генри. - Господин председатель, суверенитет - это когда ты можешь накормить свой народ. Если ты не можешь - у тебя нет суверенитета. У вас есть выбор. Или вы подписываете с нами договор. Или вы умираете от голода. Выбирайте.

В зале тишина. Никто не возражает. Потому что он прав. И все это знают.

Октябрь 2052 года. Вашингтон. Овальный кабинет.

Президент Вудс снова сидит за столом. Снова перед ним - министр финансов Марта Кларк. Она выглядит старше, чем пять лет назад. Семь лет назад. Десять. Она постарела на двадцать лет за это время. Её волосы почти полностью седые. Под глазами - синяки от недосыпа.

- Господин президент, - говорит она. - Это последний шанс. «Грин-Матрикс» предлагает концессию на земли. В обмен - продовольственные поставки. Мы сможем накормить население.

- Марта, мы обсуждали это. Если мы отдадим земли - мы умрем медленной смертью. Мы потеряем контроль над продовольствием. Они будут решать, кому дать еду, а кому - нет. Это - конец независимости.

- Если мы не отдадим - мы умрем быстрой смертью. Она кладет папку на стол. - Резервы продовольствия закончатся через три месяца. Синтетическая еда, которую мы производим своими силами, покрывает только двадцать процентов потребностей. Остальное мы покупаем у «Грин-Матрикс». Но они могут в любой момент прекратить поставки. И тогда - голод. Бунты. Хаос. Мы не можем рисковать, господин президент.

Вудс смотрит на нее. Он знает. Он все знает.

- Марта... если я подпишу это... я предаю свою страну. Америка, которая кормила половину мира, Америка - житница планеты. Я отдам это корпорациям.

- Если вы не подпишете, господин президент, вашей страны не станет через полгода. Она умрет тихой, медленной смертью от голода. Хотите, чтобы вас запомнили как президента, который позволил своему народу умереть?

Он смотрит в окно. Снега нет. Зима выдалась теплая. Но на душе холодно. Он думает о своем отце, ветеране Вьетнама. Отец говорил: «Сын, Америка - это свобода. Никогда не отдавай свободу». А теперь он отдает. Не врагам, не террористам - корпорациям.

- Принесите документы, - говорит он.

Она приносит. Он подписывает.

Когда она уходит, он смотрит на свои руки. Они дрожат. Он думает: «Я последний президент Америки. Я тот, кто ее убил».

СЦЕНА 2. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Январь 2055 года. «Нью-Эдем». Центральный продовольственный центр.

Это огромное здание из стекла и бетона, похожее на музей. Внутри - сотни вертикальных ферм. Стеллажи высотой в десять этажей, с рядами емкостей для гидропоники. Под ними - синие и красные лампы, которые светят двадцать четыре часа в сутки, не давая растениям отдыха. Растения растут быстро, без почвы, без солнца. Их корни висят в питательном растворе, который подается через систему трубок. Листья - ярко-зеленые, здоровые, идеальные. Никаких вредителей, никаких болезней. Искусственная красота.

Дэниэл Миллер стоит в очереди. Он похудел, лицо осунулось, глаза ввалились. Он носит старую куртку, которая уже не греет. Прошло тринадцать лет с тех пор, как он подписал ипотеку. Тринадцать лет, за которые он постарел на тридцать. Он пришел за синтетическими пайками. Обычно он получал их дома, через дрона, но в этом месяце дрон не пришел. «Технические неполадки». Дэниэл не верит в неполадки. Он верит в то, что корпорация просто проверяет, насколько сильно они зависят от нее.

В очереди - сотни людей. Они стоят молча. Никто не разговаривает. Только звук шагов по бетонному полу и гул вентиляции. Лица у всех одинаковые - серые, безжизненные, с пустыми глазами. Они похожи на зомби. Они и есть зомби - только ходят, дышат, но внутри уже мертвы.

Дэниэл вспоминает, как раньше он покупал еду в супермаркете. Настоящую еду - овощи, мясо, хлеб. Помнит вкус свежего хлеба, который еще теплый, с хрустящей корочкой. Помнит, как пахнет арбуз, когда его разрезаешь. Помнит запах жареного мяса. Теперь он ест синтетику. Она питательна, но безвкусна. Она - как пластик с витаминами. Жуешь - и чувствуешь только текстуру. Резиновую, однообразную, химическую. Есть можно, но удовольствия нет. И голод не проходит. Внутри - пустота.

Очередь движется медленно. Впереди - женщина с ребенком. Ребенок лет шести, с большими грустными глазами. Он плачет. Он хочет нормальную еду. Он не понимает, почему

мама дает ему эти серые брикеты. Мама пытается успокоить его, но у нее не получается. Она сама на грани слез. Дэниэл слышит, как она шепчет: «Тише, милый. Это всё, что у нас есть. Это хорошо. Это полезно». Ребенок не верит ей.

Дэниэл смотрит на них. Он думает о своей дочери, Эмили. Ей пятнадцать. Она уже привыкла к синтетике. Она не помнит, как пахнет свежий хлеб. Она выросла на этом. Для нее синтетика - норма. Дэниэл пытался объяснить ей, что раньше еда была другой, что люди ели мясо, овощи, фрукты. Она не поняла. Для нее его воспоминания - как сказки. Неправдоподобные. Она говорит: «Пап, ты выдумываешь. Еда не может так пахнуть. Это химия». Он пытается спорить, но потом замолкает. Зачем? Она никогда не узнает вкуса настоящего яблока. Она умрет, так и не попробовав его.

Наконец он подходит к стойке. За ней стоит дрон - серебряная рука, которая выдает пайки. Дэниэл прикладывает запястье к сканеру. Механический голос:

- Дэниэл Миллер. Пользователь DM-77342. Кредитный рейтинг - 389. Уровень доступа - «базовый». Ваш паек - 3.2 килограмма.

Дрон выдает брикет. Серый, безликий, упакованный в прозрачную пленку. Дэниэл берет его. Он тяжелый. 3.2 килограмма - это его паек на неделю. Этого хватит, чтобы не умереть, но чтобы быть сытым - нет. Он всегда голоден. Всегда.

Он выходит из центра. На улице - холодно. Синтетическая

еда в руке почти не греет. Он идет домой, через идеально чистые улицы. Мимо идеальных деревьев. Мимо идеальных фонтанов. Дроны-уборщики снуют туда-сюда, собирая мусор, которого почти нет. Он смотрит на всё это и не чувствует ничего. Только усталость. Глубокая, как океан.

Дома - жена Сара. Она сидит на диване, смотрит в стену. Пустыми глазами. Она уже не работает - уволили, «сокращение штата» два года назад. Теперь они существуют только на пайки и на крошечную пенсию Дэниэла - он все еще работает консультантом по корпоративной этике, но получает меньше трех тысяч. Ирония судьбы: он учит других этике, а сам работает на тех, кто уничтожил этику. Он ненавидит свою работу. Но без нее они умрут.

- Дэн, - говорит она, не поворачивая головы. - У нас кончились запасы. Эмили нужна новая форма для школы. У нас нет денег. На счету - 47 кредитов. Мы не сможем купить даже синтетический хлеб, если дрон не придет.

- Я знаю, - говорит он. Он садится рядом. Кладёт паек на стол. - Мы как-нибудь справимся.

- Как? - голос Сары дрожит. - У нас нет денег. Нет еды. Нет будущего. Корпорация решает всё. Мы не можем уйти. Мы не можем продать дом. Мы не можем даже умереть, потому что похороны - это тоже дорого, а без денег нас просто отправят в крематорий и продадут пепел. Мы - активы, Дэниэл. Не люди. Активы.

Дэниэл смотрит на неё. Он хочет сказать что-то ободря-

ющее. Но не может. Потому что она права. Он берет её за руку. Она холодная, как у мертвеца.

- Мы выживем, - говорит он. - Мы всегда выживали.

Она не отвечает. Она смотрит в стену.

Февраль 2058 года. Штаб-квартира «Грин-Матрикс». Токио.

Генри Кларк сидит в своем кабинете на 120-м этаже. Пол из черного мрамора, стены из стекла, вид на город, который уже не принадлежит Японии. Токио - это зона влияния «Грин-Матрикс». Только половина населения - японцы. Остальные - сотрудники корпораций, их семьи, обслуживающий персонал. Япония как государство еще существует, но она не управляет даже своей столицей. Император живет в своем дворце, но его никто не слушает. Он - символ. Как и все короли, президенты, премьер-министры.

Перед Генри - голографическая карта мира. Зеленым выделены территории, которые контролирует «Грин-Матрикс». Восемьдесят процентов мирового продовольствия. Он улыбается. Не широко, не радостно - холодно, как победитель, который уже устал от побед.

- Докладывайте, - говорит он.

Напротив - аналитический отдел. Главный аналитик - женщина с азиатскими чертами лица, в строгом костюме. Она держит планшет.

- Сэр, мы контролируем восемьдесят процентов мирового продовольственного рынка. Вертикальные фермы работа-

ют в сорока семи странах. Синтетическая еда составляет девяносто пять процентов рациона населения развитых стран. Зависимость полная. Мы можем прекратить поставки в любой стране в любой момент - и через месяц там начнется голод.

Генри кивает:

- А что насчет государств? Они пытаются сопротивляться?

- Единичные попытки. Некоторые страны пытались ввести субсидии на местное сельское хозяйство, чтобы вернуть фермеров на землю. Мы снизили поставки в эти регионы на десять процентов. Через два месяца они вернулись к переговорам. У них нет выбора, сэр. Они могут либо есть нашу еду, либо умереть. Они выбирают нашу еду.

Генри усмехается. «У них нет выбора» - эти слова он слышит каждый день. И каждый день они звучат как музыка.

- А как насчет настоящей еды? - спрашивает он. - Мы контролируем и ее?

- Да, сэр. Настоящая еда - мясо, овощи, фрукты - теперь производится только в корпоративных зонах. Для топ-менеджеров и их семей. Мы установили жесткие квоты. Настоящая еда - это статус. Она стоит дорого. Обычные люди не могут ее позволить. Цена за килограмм настоящего мяса - 500 кредитов. Это месячная зарплата среднего сотрудника. Они едят синтетику.

Генри смотрит в окно. Там, внизу, миллионы людей. Они

едят синтетику. Они не знают вкуса настоящего мяса. Они не знают, что такое свежий хлеб. Они родились и выросли на пластике. Для них это норма. Его внуки - они тоже едят синтетику. Он пытался дать им настоящую еду - они отказались. Они не поняли вкуса. Для них настоящая еда была странной, непривычной, даже отвратительной. «Дедушка, это невкусно», - говорили они. Он смотрел на них и чувствовал одновременно гордость и страх. Он создал поколение, которое не знает, что такое еда. Он создал идеальных потребителей.

- Мы победили, - говорит он тихо. - Мы победили, потому что они сами выбрали нас.

СЦЕНА 3. ЦИФРОВОЙ ПАСПОРТ 2.0

Апрель 2055 года. «Нью-Эдем». Центр идентификации.

Здание похоже на храм. Белый мрамор, высокие колонны, стеклянные двери, которые открываются бесшумно. Внутри - сотни людей, которые пришли за новым паспортом. Не государственным. Цифровым. Государственные удостоверения теперь почти не имеют силы. Без цифрового паспорта ты не можешь работать, покупать еду, пользоваться транспортом, получать медицинскую помощь. Ты - изгой. Ты - невидимка.

Дэниэл Миллер стоит в очереди. Он смотрит на экран, где транслируется реклама. Красивая женщина с улыбкой, идеальной, как все в этом мире, говорит:

- Цифровой Паспорт 2.0 от «Кибер-Фонда» - это ваша жизнь в одном чипе. Налоги, страховка, медицинская исто-

рия, ипотека - всё привязано к вашему профилю. Никаких бумаг, никаких очередей, никаких проблем. Просто приложите запястье к сканеру - и система узнает вас. Безопасно. Удобно. Надежно. Присоединяйтесь к будущему. Присоединяйтесь к нам.

Дэниэл смотрит на экран. Ему не нужен этот паспорт. У него есть государственное удостоверение. Но без цифрового паспорта он не может устроиться на работу. Не может получить кредит. Не может даже купить синтетическую еду - система сканирует запястье при каждой покупке. Без него - ты никто. Просто биомасса.

Очередь двигается. Дэниэл смотрит на людей вокруг. Они все выглядят одинаково. Одинаковые лица. Одинаковые глаза. Одинаковые одежды - практичные, дешевые. Они уже не люди. Они - пользователи. Просто ждут своей очереди стать частью системы.

Наконец он подходит к стойке. За ней - дрон с иглой для вживления чипа. Дрон выглядит как серебряная рука, которая светится голубым светом.

- Ваше имя? - механический голос.
- Дэниэл Миллер.
- Приложите запястье.

Он протягивает руку. Дрон вживляет чип. Короткая боль - игла проникает под кожу, и он чувствует, как маленький кусочек металла ложится на кость. Через секунду - всё. На запястье остается маленькая точка, как родинка.

Экран показывает: «Пользователь DM-77342. Уровень доступа - «стандартный». Кредитный рейтинг - 389. Ипотека - в процессе. Налоги - уплачены частично. Медицинская страховка - базовая».

Дэниэл смотрит на свое запястье. Маленький шрам. Больше он не Дэниэл Миллер, не гражданин США, не человек. Он - DM-77342. Он - пользователь. У него нет прав. Есть только «Условия использования», которые написаны мелким шрифтом и которые он никогда не читал. Теперь он часть системы. И он никогда не сможет выйти из нее.

Он выходит из центра. На улице - солнце. Искусственное солнце, которое сияет над «Нью-Эдемом» двадцать четыре часа в сутки. Идеальное солнце, как в рекламе. Он смотрит на небо, но не видит настоящих звезд. Их заслоняет купол. Он прикладывает запястье к сканеру на входе в метро - система пропускает его с зеленым светом. «Пользователь DM-77342. Доступ разрешен».

Он садится в вагон. Двери закрываются бесшумно. Мимо проносятся идеальные станции. Идеальные лица. Идеальные улыбки. Никто не смотрит друг на друга. Все смотрят в свои коммуникаторы, проверяют счета, проверяют пайки, проверяют свою жизнь. Они уже не живут. Они существуют.

Он закрывает глаза и думает: «Когда я перестал быть человеком?»

Август 2058 года. Штаб-квартира «Кибер-Фонда». Сан-Франциско.

Здесь, в здании, которое когда-то принадлежало гиганту интернет-эпохи, теперь сидят новые боги. Совет директоров «Кибер-Фонда» собрался в большом зале. На стене - огромный экран, который показывает цифры. Цифры, которые говорят о том, что мир изменился. Мир стал их собственностью.

Глава «Кибер-Фонда» - Маркус Вольф. Немец, пятьдесят восемь лет, с холодными глазами, которые не выражают эмоций. Он носит строгий черный костюм, и на его лице нет ни одной морщины - результат работы лучших генетиков. Он смотрит на цифры и позволяет себе легкую улыбку.

- Докладывайте, - говорит он.

Аналитик - женщина с азиатскими чертами, в дорогом костюме, с коммуникатором в руке.

- Сэр, система «Цифровой Паспорт 2.0» охватывает девяносто процентов населения развитых стран. Только в США - двести сорок миллионов активных пользователей. В Европе - триста миллионов. В Азии - четыреста миллионов. Данные по каждому человеку: биометрия, финансы, медицинские записи, поведенческие паттерны, история покупок, история перемещений. Мы знаем всё. Мы знаем, что они едят, с кем спят, что смотрят, что покупают, о чем думают.

- А что насчет государств? Они пытаются вмешиваться?

- Попытки были. В Германии парламент пытался принять закон о защите данных. Мы просто отключили цифровые паспорта депутатов на два дня. Без паспортов они не могли

попасть в здание парламента, не могли голосовать, не могли даже купить еду. Закон не прошел. Депутаты больше не поднимают этот вопрос.

- А в США?

- Президент Вудс попытался ввести национальный токен, чтобы освободить экономику от нашего контроля. Мы продали триллион токенов за три часа. Курс упал на девяносто процентов. Экономика страны рухнула. Вудс отозвал инициативу через неделю. Сейчас он подписывает всё, что мы ему даем. Он - наша марионетка.

Маркус кивает. Он смотрит на цифры. 90% населения. 3.2 миллиарда пользователей. База данных, которая содержит информацию о каждом человеке. Что он ест. С кем спит. Что смотрит. О чем думает. Какие у него тайны. Какие страхи. Какие надежды.

- Мы знаем о них больше, чем они знают о себе, - говорит он. - И это - наша сила. Они не могут спрятаться от нас. Они не могут сбежать. Они не могут даже подумать о чем-то, чего мы не сможем предсказать. Мы знаем их будущее. Потому что мы создаем его.

Он делает паузу:

- Через десять лет государства исчезнут. Они будут мертвы. А мы - останемся. Мы - единственная власть. Мы - будущее.

СЦЕНА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Май 2061 года. Берлин. Здание Бундестага.

Это уже не тот Бундестаг, который помнят по старым голографическим записям начала двадцатых. Здание выглядит уставшим, как и сам город: фасад покрыт паутиной глубоких трещин, сквозь которые прорастает дикий плющ; окна затянуты мутной плёнкой пыли, сквозь которую солнце пробивается тусклыми, болезненными пятнами. Огромный чёрно-красно-золотой флаг всё ещё висит над главным входом, но его давно никто не поднимает по утрам - он обвис на половинной высоте, выцвел и истрепался по краям. Никто не заботится о нём. И, кажется, никто уже не помнит, что эти цвета когда-то означали надежду, единство и свободу. Теперь они просто ткань, которая медленно гниёт под берлинским небом.

Внутри, в просторном зале заседаний, царит гулкая, почти кладбищенская тишина. Ряды кресел, рассчитанные на сотни депутатов, пустуют. Занято лишь несколько мест в первых рядах - человек десять, не больше. Те, кто отсутствует, не больны и не в командировках. У них более важные дела: частные перелёты на личных яхтах к Мальдивам, закрытые встречи с лоббистами из «Кибер-Фонда» в кабинетах небоскрёбов Франкфурта, телефонные переговоры о слиянии активов, интимные ужины с представителями биржевых платформ. Эти люди уже давно не депутаты в классическом смысле. Они - менеджеры собственных состояний, которые используют свои правительственные мандаты как пропуск в мир безналоговых сделок и инсайдерской информации. Их

кресла в Бундестаге - всего лишь удобная витрина.

На трибуне, возвышающейся над пустотой, стоит Председатель - старый политик с серебряными, давно не стриженными волосами, в тяжёлых роговых очках, которые вечно сползают на кончик носа. Его руки, покрытые пигментными пятнами, заметно дрожат, когда он перебирает бумаги. Он один из немногих, кто ещё помнит времена, когда этот зал сотрясали страстные дебаты, когда оппозиция и коалиция спорили до хрипоты, а телекамеры транслировали каждое слово в прямом эфире. Он помнит, как люди следили за голосованиями, верили в обещания и ждали перемен. Теперь же его голос - единственный живой звук в этом каменном мешке, и он звучит как слабое, одинокое эхо.

- Господа... господа, прошу внимания, - начинает он, покашливая и поправляя микрофон, который слегка фонит. - Мы обязаны сегодня обсудить проект закона о введении национального расчётного токена. Это вопрос нашего выживания. Мы должны освободить внутренний рынок от диктата частных цифровых валют, вернуть контроль над денежной массой, восстановить суверенитет фискальной политики. Мы обязаны показать мировым корпорациям, что Германия - не колония, а независимая парламентская республика. Мы не можем больше позволять...

Договорить он не успевает. С глухим, торжественным скрежетом массивная дубовая дверь главного входа распаивается настежь. В проёме, контрастируя с полумраком зала,

появляется молодая фигура: безупречный тёмно-синий костюм с иголочки, галстук-бабочка, блестящие лакированные туфли, идеально зализанные назад светлые волосы и ослепительная голливудская улыбка, которая не отражается в ледяных, немигающих глазах. Этот человек не является членом парламента - у него нет бейджа с трибуны, но он чувствует себя здесь хозяином. Его сопровождает тихий гул невидимых дронов-камер, фиксирующих каждое движение. Это эмиссар «Кибер-Фонда» - главного акционера европейской цифровой экономики.

- Господин Председатель, прошу прощения за вторжение без приглашения, - голос у него бархатный, с едва уловимым трансатлантическим акцентом, но в нём сталь. - Я вынужден прервать это заседание. Наш аналитический отдел настоятельно не рекомендует принимать данный законопроект.

- Это не ваше дело! - Председатель стучит деревянным молотком по трибуне, но удар получается слабым, почти жалким. - Это суверенное решение германского государства! Мы имеем полное право регулировать собственную денежную систему! Мы - независимое демократическое образование!

- Суверенное? - представитель издаёт короткий, тихий смешок, который эхом разносится по рядам. Он медленно идёт по центральному проходу, его шаги гулко отдаются под высокими сводами. - Господин Председатель, позвольте мне напомнить вам свежую статистику. Семьдесят про-

центов вашего ВВП завязано на контракты с нашими дочерними структурами. Девяносто процентов вашего населения использует наши биометрические паспорта для платежей, передвижений и кредитной истории. Ваши ведущие банки больше не выдают кредиты - они управляют нашими портфелями. Вы не суверенны. Вы - наш надёжный, проверенный партнёр. Двадцать лет взаимовыгодного сотрудничества. Вы правда хотите разорвать эту связь в одночасье из-за какой-то устаревшей идеи о «независимости»?

- Я не позволю вам... - Председатель срывается на хрип, его лицо наливается багровым, молоток снова стучит, но уже хаотично, - я не позволю диктовать нам условия! У нас есть Конституция, у нас есть воля народа! Мы проголосуем, мы примем закон, мы... вернём нашу свободу!

Эмиссар останавливается прямо перед трибуной, задирает голову и смотрит на старого политика снизу вверх с почти отеческим состраданием. Улыбка исчезает с его лица, оставляя лишь маску спокойного расчёта.

- Тогда я рекомендую вам через три часа открыть торговый терминал и лично проследить за динамикой вашего «национального токена». С вашего позволения, мы уже начали подготовку к новой конъюнктуре. Увидите, что такое свобода на практике.

Он щёлкает пальцами - и два бесшумных охранника в чёрных комбинезонах занимают позиции у выхода. Эмиссар разворачивается на каблуках, бросает прощальный взгляд на

нескольких присутствующих депутатов, которые прячут глаза, и покидает зал. Дверь захлопывается за ним с тяжёлым, давящим звуком, словно крышка гроба.

Председатель остаётся стоять на трибуне. Его руки дрожат так сильно, что он роняет очки. Он пытается что-то сказать, восстановить кворум, но из горла вырывается лишь сип. Депутаты, сидевшие до этого в оцепенении, начинают нервно перешёптываться, достают коммуникаторы, кто-то уже поднимается и на цыпочках, стараясь не шуметь, покидает зал через боковые двери. Заседание фактически разваливается на глазах, не начавшись.

Ровно через три часа, как и было обещано, мировые биржи всколыхнул мощнейший обвал. «Кибер-Фонд» вывел на продажу многомиллиардные резервы национального токена в течение двух часов, создав искусственный переизбыток и посеяв панику среди держателей. Курс национальной валюты рухнул на девяносто процентов за считанные минуты. Котировки падали так стремительно, что табло на торговых площадках не успевали обновляться - цифры смазывались в сплошную чёрную полосу.

Экономика Германии, ещё утром казавшаяся стабильной, сложилась как карточный домик. Один за другим банки один за другим закрывали свои отделения, блокировали счета, ссылаясь на «технические сбои». Люди, стоявшие в многочасовых очередях у терминалов, видели, как их сбережения - деньги, отложенные на жильё, обучение детей, пенсии, - та-

ют прямо на экранах, превращаясь в ничтожные доли цента. Инфляция взлетела моментально: ещё за обедом буханка хлеба стоила два токена, а к вечеру за ту же буханку просили двести. Цены на продукты, топливо и медикаменты переписывали каждые пять минут, супермаркеты опустели, а по городу прокатились первые стихийные митинги, которые разгоняли уже не полиция, а частные вооружённые контингенты всё того же «Фонда».

Через месяц после этих событий Бундестаг проголосовал за «договор о технической помощи» - фактический акт капитуляции. Германия стала протекторатом «Кибер-Фонда» со всей своей промышленностью, интеллектуальной собственностью и трудовыми ресурсами. Председатель, чьё имя ещё недавно появлялось в заголовках, подал прошение об отставке на следующий день после обвала - его бумагу приняли без обсуждения. Его немедленно исключили из всех партийных реестров, его фотографии и биографию вырезали из архивов, будто его никогда и не существовало. Он превратился в «бывшего», в пустое место. Поговаривают, что сейчас он живёт в ветхом доме где-то в баварской глубинке, заросшем плющом и крапивой, - никто из его коллег, друзей или семьи не навещает его. Почтальон молча оставляет у калитки скудную пенсию, конвертируемую по курсу «Фонда», и уходит. К нему не приходят даже журналисты. О нём перестали говорить даже соседи. И старик часто сидит на крыльце дотемна, глядя на пустую дорогу и слушая, как ветер гуляет в

проводах, которые больше никому не передают сигнала.

СЦЕНА 5. КОНЕЦ ЭТАПА

Ноябрь 2063 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». 87-й этаж.

Здесь, на высоте, куда не проникают ни смог, ни городской шум, воздух кристально чист и пахнет озоном и дорогим деревом. Кабинет залит мягким, ровным светом, который исходит не от ламп, а от самой стеклянной стены, превращённой в панорамный экран, транслирующий восход над туманными крышами Берлина - или того, что от него осталось. Длинный полированный стол из чёрного дуба, инкрустированный тонкими золотыми линиями, занимает центр зала. На столе - ни бумаг, ни терминалов, только графины с водой и девять безупречных бокалов, уже наполненных янтарной жидкостью.

Во главе этого стола, чуть откинувшись на спинку кресла, сидит Джош Холл. Ему пятьдесят, но выглядит он на все семьдесят: густая шевелюра, которую он когда-то гордо носил тёмной, теперь абсолютно белая, словно припорошена пеплом; лицо изборождено глубокими, как каньоны, морщинами - особенно резкие складки залегли вокруг рта и между бровей, придавая ему выражение перманентной жёсткой усталости. Однако глаза - хищные, немигающие, стального оттенка - остались прежними. Это глаза человека, который уже загнал добычу в угол, перерезал все пути к отступлению и теперь позволяет себе минуту тихого торжества пе-

ред финальным ударом. Он смотрит не на присутствующих, а сквозь них, в своё отражение в панорамном стекле, и уголки его губ слегка приподнимаются в подобии улыбки.

Перед ним - Совет директоров. Девять мужчин и женщин в безупречно сидящих костюмах от лучших ателье мира, чьи ткани переливаются микроскопическими волокнами, отражающими цвет их личных корпоративных гербов. У каждого - безукоризненная осанка, идеально уложенные волосы, сдержанные жесты и терпеливые лица. Они здесь не для того, чтобы спорить, возражать или предлагать альтернативы. Они здесь, чтобы засвидетельствовать. И ждать. Их пальцы сцеплены на столешнице, головы чуть склонены - поза внимания, смешанного с благоговением.

- Дамы и господа, - начинает Джош, наконец переводя взгляд на них. Его голос низкий, чуть хриплый, но каждое слово падает как гиря, не терпящее возражений. - Я собрал вас сегодня, чтобы подвести итог. Второй этап нашего плана завершён. Фактически - досрочно, на четырнадцать месяцев раньше расчётного графика.

Он делает паузу, позволяя информации осесть, и слегка проводит пальцем по ободку своего бокала, извлекая едва слышный, чистый звон.

- Государства больше не контролируют продовольствие - наши агро-блоки и вертикальные фермы вырабатывают восемьдесят процентов всей потребляемой пищи. Деньги больше не их - наши токены и кредитные линии стали единствен-

ной ликвидностью на всех континентах, кроме разве что изолированных анклавов, которые умрут от голода в течение года. Идентификация больше не их - каждый человек на планете, даже те, кто прячется в подвалах, имеет хотя бы один наш цифровой след, наш биометрический ключ. Государства продолжают существовать... номинально. У них ещё есть флаги, гимны, конституции, заседающие парламенты и президенты, выступающие с балконов. Но это лишь декорации, театральный реквизит для масс. Реальная власть - отныне и навечно - у нас.

Он щёлкает пальцами, и центральная часть стола оживает, превращаясь в объёмную голографическую карту мира. Континенты больше не раскрашены по привычным национальным границам - теперь они поделены на корпоративные сектора. Огромные зелёные массивы принадлежат «Грин-Матрикс» - это сельскохозяйственные угодья, экосистемы и центры климатического контроля. Синие пятна, густо разбросанные по всем материкам, - это владения «Солар-Сити»: энергетические хабы, аккумуляторные фермы, управляющие сетями, уличным освещением и отоплением. Серебряные нити, опутывающие каждый мегаполис, - это «Кибер-Фонд»: коммуникации, данные, биржи и потоки информации. Границы прежних держав - США, Китая, России, Евросоюза - отмечены бледными, едва заметными пунктирными линиями, и их государственные флаги мерцают тусклыми, выцветшими голограммами, которые то появляются, то

исчезают, будто сигнал с умирающего спутника. Они больше не имеют значения. Они - просто имена на карте, топографические памятники прошлому.

Джош поднимается с кресла, обходит стол и останавливается прямо перед проекцией, его лицо на миг освещается её холодным свечением.

- Теперь - третий этап. Удушение городов, - произносит он, и в голосе появляется металлический, чеканный ритм. - Мы отключим их от наших энергосетей в заранее выбранные даты. Не все сразу - мы не варвары, мы хирурги. Сначала - десять крупнейших агломераций. Мы выключим отопление в декабре, когда морозы сковывают землю. Мы отключим водоснабжение в июле, когда солнце плавит асфальт. Мы отключим транспортные магистрали, блокируем поставки топлива и продовольствия. Мы покажем им, что без нас они - мертвы. Не как аллегория, а в самом буквальном, физическом смысле. Они умрут от холода в собственных спальнях, от жажды в очередях у пересохших фонтанов, от голода в магазинах, где стеллажи будут пусты уже на второй день. Но главное - они умрут от страха. Страх сломает их быстрее, чем любой дефицит. И тогда они сдадутся. Без боя. Без крови. Только экономика. Только наша воля, оформленная как их собственный выбор.

Он поворачивается к совету, и на его лице проступает выражение лёгкого, почти философского удовлетворения.

- Мы не пролили ни капли крови. Мы не развязали ни од-

ной войны. Мы просто перенаправили потоки, закрыли краны, перекрыли вентили. И мир рухнул сам, без единого выстрела.

Джош возвращается к своему креслу, берёт бокал и поднимает его над головой. Сквозь янтарную толщу коньяка, проходящего сквозь призму голографической карты, преломляется свет, и на его лице пляшут цветные блики.

- За новый мир, - говорит он, чуть склонив голову. - Без границ. Без государств. Без сопротивления. За порядок, который мы построили на руинах их иллюзий.

Один за другим советники поднимают свои бокалы. Звон стекла разносится под высоким потолком - чистый, торжественный, почти церковный. Никто не произносит тостов, не смеётся, не улыбается. Лишь лёгкий хруст льда и шёпот дорогого напитка о стенки хрусталя.

Джош смотрит в окно. Внизу, у подножия штаб-квартиры, раскинулся «Нью-Эдем» - первый из корпоративных городов-коробок, построенный по единому модульному принципу. Миллион окон, миллион ячеек, миллион существ, которые считают себя жителями, гражданами, людьми. Они встают по сигналу, едят синтетическую пищу, носят дешёвую униформу, работают на конвейерах, спят под одинаковыми одеялами и не подозревают, что давно перестали быть субъектами. Они - Пользователи. Активы в глобальной системе учёта. Расходный материал для поддержания инфраструктуры. Биомасса, которая производит энергию, данные и при-

быль.

И он, Джош Холл, единственный, кто держит в своих руках ключи от этой огромной, сложно устроенной машины. От его решения зависит, потеплеет ли воздух в их ячейках сегодня вечером, зажгутся ли лампы над их головами, откроются ли двери их модулей завтра утром. Он не чувствует ни жалости, ни вины, ни колебаний. Только лёгкую тяжесть в кончиках пальцев - будто он уже сжимает горло целого мира.

Он делает медленный глоток, чувствуя, как коньяк обжигает горло, и позволяет себе редкую, почти незаметную улыбку. Карта перед ним мерцает, города пульсируют слабыми красными точками, и каждая из них - это миллион сердец, бьющихся в такт его воле.

ЭТАП 3. «ВОЙНА ЗА ВОЗДУХ» (2063–2071)

СЦЕНА 1. ПОДКУП ГЕНЕРАЛОВ

Январь 2063 года. Вашингтон. Пентагон.

Это здание когда-то было символом военной мощи Соединенных Штатов. Пять стен, пять этажей, бесконечные коридоры, где принимались решения, определявшие судьбы мира. Здесь планировали вторжения, разрабатывали стратегии, решали, где и когда применять силу. Теперь Пентагон выглядит иначе. Коридоры полупустые. Сотрудников меньше, чем когда-либо. Бюджет на оборону урезали до минимума - все деньги ушли на выплату долгов корпорациям. Военные базы закрываются одна за другой. Солдаты увольняют-

ся. Те, кто остался, получают зарплату с задержками - иногда на месяц, иногда на три. Они уже не верят в Америку. Они верят только в деньги.

Генерал Роберт Хейз сидит в своем кабинете. Ему пятьдесят девять лет, сорок из которых он отдал армии. Он начинал простым лейтенантом в Ираке, в 2020-х, когда Америка еще воевала за «демократию». Потом были Афганистан, Сирия, Украина - везде, где горел огонь, горел и Роберт Хейз. Он видел смерть, видел победу, видел поражение. Он думал, что его карьера закончится почетной отставкой, с медалями на груди и благодарностью президента. Он ошибался.

Перед ним на столе лежит контракт. Тонкая папка, всего несколько страниц. Но он знает: эти страницы изменят его жизнь. Он перечитывает их в десятый раз.

«Контракт о найме. Частная военная служба «Феникс-Гард». Предлагаемая должность - главный стратегический советник. Зарплата - 2.4 миллиона кредитов в год. Медицинская страховка - полная. Личная охрана - 24/7. Бонусы - в зависимости от выполнения задач. Контракт заключается на пять лет с возможностью продления».

Хейз смотрит на цифры. 2.4 миллиона. Это в двадцать раз больше, чем он получает сейчас. В двадцать раз. Сейчас его зарплата - сто двадцать тысяч в год. Задержки, сокращения, бесконечные обещания, которые не выполняются. Он уже два месяца не видел полной зарплаты. Его жена болеет, и лечение стоит дорого. Его сын учится в университете, и

платить за обучение нечем. Он генерал, но он беден.

Он смотрит на контракт и думает о своей присяге. Он давал клятву защищать Конституцию. Он давал слово служить народу. Он верил в Америку. Но Америка больше не верит в него.

Он берет трубку телефона - старого, проводного, который еще работает, потому что цифровая система часто отключается. Набирает номер, который ему дали.

Голос на том конце - вежливый, спокойный, с легким акцентом:

- Генерал Хейз? Мы ждали вашего звонка.

- Я прочитал контракт, - говорит Хейз. Голос его звучит глухо. - Я согласен. Но у меня есть условия.

- Какие, сэр?

- Моя жена. Ей нужна операция. И мои люди. Те, кто служит под моим началом. Я хочу, чтобы им гарантировали работу. Чтобы их не бросили.

- Конечно, генерал. Мы предусмотрели это. Ваши люди могут перейти в «Феникс-Гард» на тех же условиях. Пенсия, страховка, жилье. Лучшие условия, чем у государства.

Хейз молчит. Он смотрит на стену, где висит флаг. Звезды и полосы. Он помнит, как целовал этот флаг на парадах. Теперь он предает его.

- Когда мне приступить? - спрашивает он.

- Завтра, генерал. Приходите в офис «Кибер-Фонда» в Джорджтауне. Подпишите все документы. Получите первый

аванс. Добро пожаловать в новую жизнь.

Гудки.

Хейз кладет трубку. Он смотрит на свои руки. Они не дрожат. Он думал, что будут. Но нет. Он спокоен. Потому что он уже принял решение. Не сегодня. Год назад. Два года назад. Когда он увидел, что государство умирает, а корпорации - живут.

Он встает. Снимает форму. Аккуратно складывает ее, кладет на стул. Завтра он будет в гражданском. Завтра он станет наемником.

Он выходит из кабинета. Проходит по коридору. Мимо дверей других генералов. Он знает, что многие из них уже подписали подобные контракты. Те, кто не подписал, ушли в отставку. Или исчезли. Говорят, некоторых нашли мертвыми - официально, «самоубийство». Никто не спрашивает, почему. Вопросы опасны.

Он выходит из Пентагона. На улице - холодно, ветрено. Небо серое. Он смотрит на здание, в котором провел двадцать лет своей жизни. Он больше не вернется сюда. Он - предатель. Но он жив. И его семья будет жива. И его люди будут живы.

«Америка мертва, - думает он. - А мы должны выжить».

Февраль 2063 года. Штаб-квартира «Феникс-Гард». Невада.

Это не просто офис. Это военная база, построенная корпорациями. Огромный комплекс в пустыне, с бетонными

стенами, с бункерами, с вертолетными площадками. Здесь тренируют наемников. Здесь их вооружают. Здесь готовят к войне, которая скоро начнется.

Генерал Хейз сидит в кабинете. Теперь он не генерал - он главный стратегический советник. В его подчинении - десять тысяч солдат. Все они перешли из американской армии. Все они получили зарплату в первый же день.

Перед ним - голографический экран. На нем - список генералов, которые уже подписали контракты. Пятьдесят три имени. Пятьдесят три генерала из разных стран. Великобритания, Франция, Германия, Канада, Австралия, Турция, Бразилия. Они все теперь работают на корпорации.

Хейз смотрит на экран и чувствует пустоту. Он знает этих людей. Он воевал с ними. Он пил с ними. Он делил с ними опасность. Теперь они враги. Нет, не враги. Они - конкуренты. Каждая корпорация имеет свою ЧВС. «Феникс-Гард» - это «Кибер-Фонд». «Солар-Сити» создал «Солнечный Легион». «Нейра-Инфра» - «Нейро-Удар». Они все теперь служат разным хозяевам.

Входит его заместитель, полковник Мартинс. Молодой, амбициозный, с холодными глазами. Он тоже перешел из армии.

- Генерал, - говорит он. - Поступил новый приказ от «Кибер-Фонда». Мы должны подготовиться к экономической блокаде. Они хотят отключать города от сетей. Нам нужно обеспечить безопасность объектов. И подавлять возможные

протесты.

Хейз кивает. Он знал, что это придет. Он знал, зачем его наняли. Не для защиты. Для подавления.

- Сколько городов?

- Сначала пять. Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Филадельфия. Потом - остальные. Корпорации хотят показать, что они контролируют всё. Если город не подчиняется - он умирает. Мы будем охранять энергосети, чтобы никто не мог их восстановить.

Хейз молчит. Он помнит Нью-Йорк. Он вырос там. Его мать живет в Бруклине. Она все еще считает себя американкой. Она не знает, что ее сын - предатель.

- Хорошо, - говорит он. - Подготовьте планы.

Мартинс уходит. Хейз остается один. Он смотрит на карту. На зеленые зоны корпораций. На серые пятна государств, которые все меньше и меньше.

«Я помог им убить Америку, - думает он. - Я подписал ей смертный приговор».

Он отворачивается от карты.

Май 2063 года. Женева. Штаб-квартира ООН.

Это здание когда-то было центром дипломатии. Теперь оно пустое. Большинство стран вышли из ООН - они больше не видели смысла. Заседания проходят раз в месяц, и на них приходят только представители корпораций. Им нужно формальное одобрение для своих действий.

В большом зале - пустота. Только несколько делегатов.

Среди них - последний представитель США, старый дипломат, который не хочет сдаваться. Он смотрит на пустые кресла и вспоминает, как здесь кипела жизнь. Как спорили, договаривались, боролись. Теперь - только тишина.

Председатель - швейцарец, который уже работает на корпорации - открывает заседание:

- Господа, мы собрались для обсуждения ситуации с частными вооруженными силами. Как вы знаете, многие страны передают свои военные функции корпорациям. Это вызывает озабоченность...

- Никакой озабоченности, - прерывает его делегат «Кибер-Фонда». - Генералы добровольно подписали контракты. Они получили лучшие условия. Их солдаты получили зарплату. Государства больше не могут содержать армии. Мы можем. Это - вопрос эффективности.

Представитель США встает. Его голос дрожит:

- Вы разваливаете структуру безопасности! Вы создаете частные армии, которые не подчиняются никому! Это - путь к анархии!

- Это - путь к стабильности, - отвечает делегат. - Частные армии более эффективны. У них нет политических амбиций. Они выполняют контракты. Они защищают интересы своих клиентов. Это - бизнес. А бизнес - это мир.

Представитель США садится. Он смотрит на пустые кресла. Он понимает, что его голос - последний голос сопротивления. И он уже не важен.

СЦЕНА 2. ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ КОРПОРАЦИЙ

Март 2070 года. Вашингтон. Капитолий.

Здание Капитолия всё ещё стоит на своём холме, как памятник давно ушедшей эпохе. Его купол, некогда ослепительно белый, теперь покрыт сетью тонких трещин и тёмных потёков от кислотных дождей; колонны фасада облупились, а между мраморными плитами пробиваются пучки сухой, жёсткой травы. Внутри - запах старого дерева, пыли и запустения. Коридоры пусты, эхо шагов теряется в бесконечных галереях, где портреты президентов прошлых веков покрылись мутной плёнкой, и их глаза кажутся потухшими.

Зал заседаний Конгресса всё ещё функционирует - формально. Раз в месяц, по расписанию, здесь собираются несколько десятков человек из пятисот тридцати пяти. Остальные не приходят - у них дела действительно поважнее. Эти отсутствующие давно перестали быть слугами народа; они - акционеры, члены советов директоров, держатели крупных пакетов акций трёх гигантов: «Солар-Сити», «Кибер-Фонда» и «Грин-Матрикс». Их личное благосостояние растёт синхронно с биржевыми индексами, и каждое заседание Конгресса для них - лишь досадная помеха в календаре, которую можно проигнорировать без последствий. Их офисы в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Далласе оборудованы лучше, чем этот старый зал, их яхты бороздят Карибское море, их дети учатся в частных академиях, где не преподают историю демократии. Они уже не принадлежат Америке.

Америка принадлежит им.

Сегодняшнее заседание - редкое событие: на повестке законопроект о принудительной национализации стратегических активов корпораций. Инициатор - сенатор от Огайо, Уильям Коллинз. Ему семьдесят два, он носит старомодные тройные костюмы, которые уже вышли из моды, и говорит с лёгким среднезападным акцентом, который звучит почти архаично среди урбанистического сленга его коллег. Он из тех политиков, чья карьера началась ещё в девяностых, когда слово «лояльность» не было пустым звуком. Он помнит Америку, где президент извинялся перед нацией, где расследования коррупции вели к тюрьмам, где Конгресс спорил днями, а не голосовал по SMS-рассылке. Теперь он видит, как страна умирает медленной смертью - её институты выпотрошены, конституция превращена в декоративный документ, а армия, последний бастион, ещё формально не присягнула корпорациям, но уже получает от них зарплату через субподрядчиков. Он хочет остановить это. Он знает, что шансов почти нет, но он обязан попытаться.

Он поднимается на трибуну - высокий, сутулый, с седыми кустистыми бровями и дрожащими, но всё ещё сильными руками. Его голос, усиленный старой акустической системой, разносится по пустым рядам:

- Господа, коллеги, я обращаюсь к вам как к последнему оплоту нашего суверенитета! - Его слова бьются о спинки пустующих кресел, как горох о стену. - Корпорации захвати-

ли нашу страну не танками, не артиллерией - они сделали это тихо, через банковские счета, алгоритмы и контракты. Они контролируют то, что мы едим, то, чем мы платим, то, кем мы числимся в базах данных. Сегодня они владеют нашим продовольствием, завтра они скажут, кому жить, а кому умереть. И единственное, что ещё не принадлежит им целиком, - это наша армия, наша способность применить физическую силу. Мы обязаны национализировать их инфраструктуру! Мы должны вернуть контроль над энергосетями, водоканалами, зернохранилищами, спутниковыми группировками - немедленно, без отсрочек, без компенсаций, если потребуется! Это не грабёж, это самозащита!

Он замолкает, переводя дух, и оглядывает зал. Из нескольких десятков присутствующих лишь единицы смотрят на него - остальные уткнулись в карманные проекторы и голографические планшеты. Они проверяют котировки акций, читают конфиденциальные отчёты с бирж, переписываются с брокерами. Один из них, молодой сенатор из Техаса, даже не скрывает улыбки, когда на его запястье загораются зелёное уведомление о росте стоимости «Кибер-Токена». Никто не аплодирует, никто не переспрашивает. Все уже знают исход: закон не пройдёт. За него могут проголосовать десять, максимум пятнадцать человек, но кворума не будет, даже если придут все сторонники. Остальные уже договорились с корпорациями неделю назад - на закрытых ужинах, в частных клубах, в саунах элитных отелей. Им пообещали

бонусы, акции, должности в советах после окончания срока полномочий. Они не будут рисковать будущим ради прошлого.

Коллинз заканчивает речь - она длилась сорок минут, но прозвучала как жалкий, одинокий крик в пустыне. Он вытирает пот со лба платком и смотрит на кресла, которые должны быть заполнены, но зияют чёрной пустотой. Он шепчет в микрофон, уже не для протокола, а для себя:

- Если мы не сделаем это сегодня... завтра будет поздно. Навсегда поздно.

Тишина. Ни одного голоса, ни одного вопроса. Спикер, человек с гладким, как пластик, лицом и безупречным галстуком, механически объявляет технический перерыв. Закон автоматически отправлен в архив. Коллинз медленно спускается с трибуны, его ноги дрожат, сердце бьётся где-то в горле. Он знает, что этот день войдёт в историю - если вообще кто-то будет писать историю завтрашнего дня.

Апрель 2070 года. Штаб-квартира «Солар-Сити», 87-й этаж. Тот же кабинет, те же панорамные стены, тот же чёрный дубовый стол.

Джош Холл, ныне уже не просто генеральный директор, а де-факто один из трёх властителей мира, сидит в своём кресле, положив ногу на ногу. Перед ним - прозрачный голографический список всех членов Конгресса США. Каждая строка подсвечена цветом: зелёный - надёжные, уже подписанные; жёлтый - колеблющиеся, но податливые; красный

- оппозиционеры, которых нужно изолировать. Семьдесят процентов списка - зелёные. Сенатор Коллинз - ярко-красный, единственный в своём роде.

Джош не спеша листает данные, изучая личные досье, семейные связи, долги, увлечения, тайные счета. Он знает о каждом из этих людей больше, чем их собственные супруги: кто из них изменяет, кто берёт взятки, кто боится потерять авторитет, кто мечтает о губернаторском кресле. Вся информация собрана и систематизирована нейросетями, которые не упускают ни одного электронного письма, ни одного звонка, ни одной секунды видеонаблюдения.

- Подготовьте приглашения, - говорит он стоящему навытяжку помощнику - молодому, но уже абсолютно безжалостному менеджеру с блокнотом в руках. - Всем депутатам, кто числится в жёлтой и красной зонах и чьи голоса могут быть решающими. Организуйте для них круизы на яхтах по Средиземному морю, экскурсии на наши заводы с бархатными условиями, консультации с нашими финансовыми консультантами. Пусть они будут заняты в день голосования. Чувствуют себя важными. Погружены в комфорт. Отрезаны от связи, если потребуется.

- Да, сэр, - помощник записывает, не поднимая глаз.

- И отдельное задание: в день заседания произведите глобальное обновление протоколов всех правительственных коммуникаторов на восточном побережье. Сбой должен затронуть именно тех, кто решит прийти. Чтобы у них не было

подтверждения кворума, чтобы они не могли передать голос через доверенных лиц. Техническая задержка на четыре часа. Этого достаточно.

- Понял, сэр.

Джош откидывается на спинку и берёт со стола чашку чёрного кофе. Он не улыбается, но в его взгляде - спокойная уверенность механика, который только что закончил регулировать самый сложный двигатель. Закон не пройдёт. Он знает это так же точно, как знает, что завтра солнце взойдёт на востоке. Это не магия, не удача - это чистая математика вероятностей, подкреплённая миллиардами долларов и многолетним планированием.

Май 2070 года. Вашингтон. Капитолий. День голосования.

Зал заседаний выглядит ещё более пустым, чем в прошлый раз. Всего двадцать процентов присутствия - депутаты, пришедшие по привычке или из упрямства. Но даже среди них многие перешептываются, поглядывают на часы, нервно проверяют свои коммуникаторы, которые упорно показывают «нет соединения». Технический сбой, объявленный официально, парализовал системы оповещения и электронного голосования. Бумажные бюллетени, предусмотренные старым регламентом, лежат на столах нетронутыми - никто не помнит, как их заполнять.

Коллинз стоит у трибуны, его кулаки сжаты, лицо серое от бешенства и отчаяния.

- Где все?! - кричит он, в голосе слышится надрыв. - Где мои коллеги, где сенаторы, где народные избранники?! Это заговор! Это переворот!

Спикер, сохраняя идеально невозмутимое выражение, поднимается со своего места и говорит с приторной вежливостью:

- Уважаемый сенатор, многие депутаты уведомили о технических трудностях с подтверждением полномочий. Часть делегаций задержана в аэропортах из-за погодных условий. Это форс-мажор, мы обязаны это учесть. Предлагаю перенести голосование на следующий квартал.

- Следующий квартал?! Мы будем мертвы через следующий квартал! - Коллинз бьёт кулаком по трибуне, и эхо раскатывается по залу, но никто не вздрагивает. Депутаты просто отводят глаза, перебирают бумаги, делают вид, что заняты.

Голосование перенесено. Закон провален де-факто, даже не дойдя до подсчёта голосов. Коллинз собирает свои папки, кладёт их в старый кожаный портфель и идёт к выходу. Каждый шаг даётся ему с трудом - колени подгибаются, спина ноет. Он чувствует себя не просто побеждённым - он чувствует себя последним человеком, который ещё помнит, что такое победа.

В пустом мраморном коридоре, увешанном поблекшими знамёнами штатов, его настигает молодой человек в безупречном тёмно-синем костюме с золотой булавкой на отво-

роте - безликий, вежливый, профессиональный, из тех, кто появляется из ниоткуда и исчезает в никуда.

- Сенатор Коллинз? - говорит он мелодичным, безэмоциональным голосом. - Разрешите представиться, я консультант частной фирмы «Атлантик-Партнёрс». Мы следим за вашей карьерой и вашими инициативами. Мы бы хотели предложить вам долгосрочный контракт. Оплата - два миллиона долларов ежегодно, бонусы за участие в закрытых слушаниях, полный соцпакет, офис в Манхэттене. Вам не придётся больше выступать в этом пустом здании. Вы сможете реально влиять на процессы.

Коллинз смотрит на него так, будто перед ним призрак. Он открывает рот, чтобы ответить резкостью, оскорблением, плевок - но останавливается. Он видит свои руки: морщинистые, покрытые старческими пятнами, с дрожащими пальцами. Он видит своё отражение в стекле витрины - усталый, сломленный старик. Он больше не может бороться. В нём больше нет сил, нет гнева, осталась только пустота.

- Я подумаю, - выдавливает он, едва шевеля губами.

Молодой человек улыбается - механически, одними губами, не глазами:

- Разумеется, сенатор. Мы будем ждать вашего ответа. Вы нам очень нужны - как символ, как голос, как мост между эпохами.

Он разворачивается и уходит, исчезая за поворотом так же бесшумно, как появился.

Коллинз остаётся один. Он смотрит вдоль пустого коридора, где когда-то звучали шаги толп, репортёров, лоббистов, граждан с петициями. Теперь здесь только эхо, да ветер гуляет сквозь щели в окнах, и пыль медленно оседает на плиты пола. Он стоит так несколько минут, потом медленно бредёт к выходу, уже не оглядываясь на Капитолий, который перестал быть его домом.

Он больше никогда не вернётся в этот зал.

СЦЕНА 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УДУШЕНИЕ

Сентябрь 2070 года. Нью-Йорк. Манхэттен.

Город, который когда-то называли «пульсом планеты», теперь напоминает гигантский бетонный мавзолей. Его прославленные небоскрёбы, ещё год назад сиявшие зеркальными фасадами, превратились в тёмные обелиски, чьи очертания едва угадываются на фоне свинцового неба. Отключение началось ровно в полночь, без предупреждения, без объявления чрезвычайного положения - просто щелчок, и мир погрузился в тишину. Сначала погасли назойливые неоновые вывески на Таймс-сквер, потом уличные фонари вдоль Бродвея, потом миллионы окон в жилых башнях, одно за другим, словно кто-то выдыхал свечу за свечой. Последним исчез свет в верхушке Эмпайр-стейт-билдинг, и с тех пор город лежит в крошечной темноте, разрываемой лишь тусклым багровым свечением дежурных аварийных маячков на крышах больниц - и те уже на исходе.

Чарльз Дэвис сидит в своей каморке на шестом этаже об-

ветшало́го многоквартирного дома в Бронксе. Ему семьдесят два года, но он всё ещё работает курьером - правда, теперь он развозит не конверты и посылки, а пятилитровые канистры с технической водой, которые гуманитарные организации сбрасывают с редких грузовых дронов, работающих на солнечных батареях. Дроны-доставщики, когда-то роившиеся над городом, давно молчат - их аккумуляторы разряжены, а зарядных станций нет. Теперь Чарльз носит воду на своих согнутых плечах, спускаясь и поднимаясь по тёмным, заваленным мусором лестницам, каждый раз рискуя оступиться и сломать себе что-нибудь - в таком возрасте кости уже не срастаются как надо.

Он сидит на продавленном стуле у единственного окна, выходящего во внутренний двор. За стеклом - абсолютная, плотная чернота, только кое-где мерцают жёлтые язычки свечей, зажжённых в квартирах напротив. Их свет слаб, нестабилен и каждый вечер убывает - люди жгут их экономно, по минутам, но парафина хватает на три-четыре ночи, а запасов свечей ни у кого нет. На дне двора, где когда-то детвора играла в баскетбол, теперь разбит стихийный лагерь - несколько палаток из полиэтилена, обогреватели на древесном угле, дым от которых стелется низко и едко пахнет гарью. Но даже там людей становится всё меньше: многие просто перестают выходить.

Сейчас - третий день без электричества. Без тепла, без канализации, без связи, без новостей, без надежды. Манхэттен

и прилегающие районы превратились в гигантскую тюрьму без стен - мосты заблокированы автоматическими шлагбаумами, туннели затоплены, паромы не ходят. Люди заперты в своих квартирах, как в клетках, пытаются согреться несколькими одеялами и горячим чаем, который заваривают на газовых горелках - но баллоны с газом тоже пустеют. Паника уже начала просачиваться сквозь запертые двери: где-то слышны крики, плач детей, глухие удары в стены - люди ломают мебель, чтобы разжечь костры прямо в комнатах, рискуя сгореть заживо.

На улицах, на высоте человеческого роста, бесшумно роятся дроны «Саранча» - маленькие, размером с кулак, с пульсирующими красными огоньками, которые сканируют каждое движение. Они патрулируют кварталы по заранее заданным маршрутам, их камеры заглядывают в окна, их динамики транслируют записанные голосовые предупреждения: «Комендантский час. Оставайтесь в помещениях. Выход запрещён. Нарушители будут нейтрализованы». И они действительно нейтрализуют. Чарльз видел это собственными глазами: вчера вечером из подъезда напротив вышел мужчина лет сорока, с пустыми руками, видимо, просто хотел размять ноги. Дрон спикировал, красный огонёк мигнул трижды - предупреждение. Мужчина не остановился, может, не услышал, может, был пьян. Тогда дрон бесшумно отделил от своего корпуса крошечный заряд и бросил его под ноги мужчине. Взрыв был тихим - хлопок, как от петарды, - но

достаточным, чтобы разорвать ему берцовую кость. Мужчина упал и закричал, крик эхом разнёсся по пустым улицам, но никто не вышел к нему, никто не позвал скорую, никто даже не выглянул в окно. Он лежал на асфальте больше часа, пока не перестал двигаться. Утром его тело убрали уборочные машины, подчиняющиеся тем же дронам.

Чарльз думает о стариках, запертых в своих однокомнатных клетушках. О детях, которые просят есть. О больных, которые не могут получить лекарства, потому что аптеки опечатаны, а врачи не выезжают. Больницы работают на резервных генераторах, но дизельное топливо кончается с каждым часом. Инкубаторы для новорождённых уже отключены в большинстве перинатальных центров - младенцы умирают в первые же часы без обогрева и кислорода. Пожилые люди замерзают прямо в кроватях, укрывшись всей одеждой, которую смогли найти, - их находят соседи только по запаху, когда проходят мимо дверей. Чарльз вспоминает Джейкоба, своего друга, который три года назад уехал в «Нью-Эдем», мечтая о работе и стабильности. С тех пор от него не было ни весточки - ни сообщения, ни звонка. Чарльз иногда ловит себя на мысли, что Джейкоб, возможно, мёртв - или его просто «отключили», как отключают бесполезные аккаунты в старых базах данных. Он не знает, что хуже.

Чарльз поднимается, берёт с пола две пустые пятилитровые бутылки из тёмного пластика. Выходит в коридор - там темно, пахнет сырой штукатуркой и плесенью. Электри-

ческие лампочки давно не работают, и он пробирается на ощупь, держась за перила, ступенька за ступенькой, считая пролёты: шестой этаж, пятый, четвёртый. В подвальном помещении, где раньше была прачечная, сохранилась старая водопроводная труба, проржавевшая, но ещё дающая тонкую струю ледяной воды - она поступает из городского резервуара, который пока не отключили, потому что насосная станция работает на механическом приводе. Чарльз подставляет бутылки, ждёт, пока они наполнятся мутной, холодной, пахнущей ржавчиной жидкостью. Пить её можно, если прокипятить, но дров почти нет, так что пьют сырую, рискуя схватить инфекцию.

В подвале он сталкивается с соседом - Мистером Голдбергом, восьмидесятилетним стариком, который живёт на первом этаже и который ещё не потерял способность говорить полными предложениями.

- Чарльз, - говорит Голдберг, кутаясь в несколько шерстяных пледов, его голос срывается на шёпот. - Чарльз, я слышал по рупорам от городской администрации... Они передают на частоте, которую почти никто не ловит. Отключение продлится минимум ещё неделю. Может быть, две. А у меня свечи кончились, я зажигаю только на десять минут в день, чтобы увидеть, жив ли я вообще. И у меня нет тёплой одежды, одна рубашка, пиджак...

Чарльз кивает, не зная, что ответить.

- Слушай, - продолжает Голдберг, - я слышал, что корпо-

рации предлагают сделку. Если город официально признает их власть - передаст им управление коммунальными сетями, полицией, судами, - они включают электричество. Не полностью, но хотя бы отопление и больницы. Мэр думает об этом. Многие уже думают. Нью-Йорк не выдержит ещё одну неделю, Чарльз. Мы не выдержим.

Чарльз молчит долгую минуту, глядя на мутную воду в бутылках. Он слышал эти слухи. Слышал, как власти Бостона и Вашингтона уже ведут закулисные переговоры с представителями «Солар-Сити». Но он также знает, что значит подписать капитуляцию.

- Если мы сдадимся, - наконец говорит он, - они никогда не включают свет. Они будут держать нас на этом поводке вечно. Это будет не помощь, а контроль. Мы станем их собаками, которые получают еду только за послушание.

- А если мы не сдадимся, - перебивает Голдберг, - мы умрём здесь. Я не хочу умирать в темноте, Чарльз. Мне уже восемьдесят. Я хочу увидеть хоть одну лампочку перед смертью.

Чарльз смотрит на старика, и в его груди поднимается тупая, бессильная тоска. Он не может ему возразить, потому что каждое слово - правда. Он просто кивает и идёт обратно, тяжело ступая по бетонным ступеням, неся в каждой руке по канистре с ледяной водой, которая для кого-то в этом доме станет последним глотком.

Октябрь 2070 года. Бостон. Больница «Массачусетс-Дже-

нерал».

Третья неделя тотального отключения. Здание медицинского центра, одно из самых современных в стране, теперь выглядит как прифронтовой госпиталь после артобстрела. Резервные генераторы, питавшие реанимацию и хирургию, заглохли ещё пять дней назад - топливные цистерны опустели, а попытки достать солярку из военных складов провалились из-за дронов, блокирующих все подходы. В операционных темно, стерильные лампы не зажигаются, хирурги проводят операции при свечах и фонариках на батарейках, но батарейки тоже на исходе. Инкубаторы не работают, аппараты ИВЛ молчат, холодильники с медикаментами превратились в тёплые шкафы, и жизненно важные препараты - инсулин, антибиотики, вакцины - испортились за первые сутки.

Доктор Эмили Уилсон, тридцать пять лет, с тёмными кругами под глазами и отросшей чёлкой, стоит на коленях у металлической койки в детском отделении. На ней замызганный белый халат, поверх которого намотан шерстяной платок, чтобы хоть немного согреться. Перед ней - девочка, шесть лет, с огромными карими глазами и белокурыми волосами, заплетёнными в две неровные косички. Диагноз - двусторонняя пневмония, осложнённая дыхательной недостаточностью. Она нуждается в постоянной подаче кислорода, но кислородный баллон, подключённый к ручной маске, почти пуст - осталось на двадцать-тридцать минут, не больше.

Девочка смотрит на Эмили с доверием, которое бывает только у самых маленьких. Она ещё не понимает, что умирает, она просто чувствует, что дышать трудно, что в груди что-то хрипит и не пускает воздух.

- Мама? - шепчет девочка слабым, прерывистым голосом.
- Где моя мама? Она обещала прийти, когда я проснусь.

Эмили сжимает её маленькую, холодную ладошку, пытается передать ей своё тепло. Она знает правду, которую не может сказать: мама девочки умерла позавчера, замерзла в своей квартире, где отключили батареи, - соседи нашли её утром, уже остывшую, в обнимку с подушкой. Девочка осталась одна. Эмили взяла её под свою опеку, но это ничего не изменило.

- Она скоро будет, - врёт Эмили, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Она просто задержалась, дорогая. Ты только дыши, дыши, пожалуйста...

Девочка закрывает глаза, её дыхание становится всё реже и поверхностнее. Эмили прижимает маску плотнее, но баллон издаёт последний шипящий выдох и замолкает. Жизнь уходит из ребёнка на глазах, нить за нитью, пульс слабеет под пальцами.

В палату вбегает старшая медсестра, её лицо искажено паникой.

- Доктор, снаружи огромная толпа. Тысячи людей. Они требуют открыть ворота, говорят, что на улице минус пять, у них нет крыши над головой, многие с детьми. Они хотят

укрыться здесь, в здании. Они начали бить в ворота металлическими прутьями.

- У нас нет свободных мест, - отвечает Эмили, не отрывая взгляда от девочки. - У нас нет топлива, нет отопления, мы еле греем своих пациентов. Если мы откроем ворота, они занесут инфекции, хаос, и тогда умрут все.

- А если мы не откроем, - голос медсестры срывается, - они умрут там. И они всё равно пробьются, рано или поздно. Их слишком много. Сейчас они мирные, но через час они разозлятся.

Эмили закрывает глаза на мгновение. Сквозь старые, запылившиеся стены больницы она слышит нарастающий гул голосов - сотни, если не тысячи людей, скандирующих: «Откройте! Помогите!». Где-то плачет младенец. Где-то мужчина хрипло кричит, что его жена беременна и ей плохо.

Девочка под её рукой перестаёт дышать. Эмили проверяет пульс, прикладывает ухо к груди, пытается сделать непрямой массаж, хотя знает, что бесполезно. Через минуту она откидывается на пятки, закрывает лицо ладонями и сидит так, чувствуя, как слёзы смешиваются с потом и стекают по щекам.

- Откройте ворота, - произносит она глухо. - Пусть входят. Мы сделаем что можем.

Медсестра выбегает. Через десять минут в коридорах больницы начинают завывать сирены, люди вваливаются внутрь, грязные, замёрзшие, напуганные. Врачи и медсест-

ры, которых осталось втрое меньше, пытаются распределять их по коридорам, закутывать в одеяла, давать горячую воду. Но воды почти нет, одеял - на сотню, не больше. Хаос нарастает, крики, плач, ругань. Кто-то начинает толкаться, пробиваясь к регистратуре. Слышен первый звон разбитого стекла.

Эмили остаётся в детской палате, одна, рядом с телом девочки, которую она не смогла спасти. Она берёт её остывшую руку, поправляет косички и тихо, без голоса, плачет в тишине, которую нарушает лишь шум умирающего города за окнами.

Ноябрь 2070 года. Чикаго. Мэрия.

Здание городской администрации - когда-то стеклянный куб, символ современной урбанистики - теперь выглядит как бункер. Внутри темно, холодно, сотрудники сидят в пальто и перчатках, на столах - керосиновые лампы и свечи, дым от которых оседает на потолке тонким слоем копоти. Мэр города, Фрэнк Миллер, человек лет шестидесяти, в потёртом ворсистом костюме, сидит в своём кабинете на верхнем этаже, откуда когда-то открывался вид на озеро Мичиган. Теперь озера не видно - окна запотели, а снаружи лишь мгла и изредка вспыхивающие огоньки дронов «Саранча», которые кружат над площадью, словно стервятники.

Мэр уже семь дней без сна, без связи с внешним миром, без поддержки федералов, которые просто перестали отвечать на вызовы. Он знает по радиоперехватам, что Филадельфия капитулировала две недели назад - её мэр подписал акт

о передаче инфраструктуры «Кибер-Фонду», и в городе за-
жглись первые огни. Хьюстон сдался через неделю после Фи-
ладельфии. Детройт - три дня назад. Теперь очередь Чика-
го. На его столе лежит единственное сообщение, полученное
через спутниковый коммуникатор, работающий на послед-
нем аккумуляторе. Текст короткий, набранный идеальным
шрифтом:

«Его Превосходительству, Мэру города Чикаго. От име-
ни объединённого совета корпораций «Солар-Сити», «Ки-
бер-Фонд» и «Грин-Матрикс». Корпорации готовы восста-
новить энергоснабжение Чикаго в течение двух часов после
подписания договора о передаче контроля над городскими
сетями, портовой инфраструктурой и системой обществен-
ной безопасности. У вас есть двадцать четыре часа для при-
нятия решения. Если ответа не последует - режим полного
отключения продлится до апреля 2071 года. Расчётное ко-
личество жертв: 780 тысяч человек. Надеемся на благополу-
чие.»

Мэр перечитывает это письмо в сотый раз. Он знает, что
это не ультиматум - это прощание. Если он подпишет, он
войдёт в историю как предатель, человек, который сдал го-
род без единого выстрела, отдал его на милость корпораци-
ям. Но если он не подпишет, к апрелю в Чикаго умрёт боль-
ше семисот тысяч человек - от голода, холода, болезней. Он
уже видит списки своих граждан, полученные от гуманитар-
ных организаций: ежедневно умирает около трёх тысяч че-

ловек, по большей части пожилых и детей. В его голове крутится единственная мысль: «Я не могу позволить этому продолжаться. Я должен что-то сделать. Даже если это неправильно».

Он берёт стальную ручку, обмакивает её в чернила - современных стилусов давно нет - и ставит подпись на толстом листе бумаги, которую принёс его помощник. Рука не дрожит. Она просто устала.

Через пятьдесят минут, с небольшой задержкой из-за технических процедур, в окне мэрии загорается первый уличный фонарь на площади. Он горит ровным, белым, холодным светом - слишком ярким после недель темноты. За ним зажигается второй, третий, десяток, сотня - и Чикаго просыпается, но просыпается уже другим городом. Городом, который больше не принадлежит себе.

Мэр смотрит на этот свет и не чувствует ни облегчения, ни гордости. Он чувствует только пустоту, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Он понимает, что только что подписал приговор демократии, но уже не может отличить победу от поражения.

Он кладёт ручку, встаёт из кресла, подходит к окну и долго смотрит на огни, которые возвращаются в его город - не как дар, а как напоминание о том, что он только что продал свою душу за несколько ватт электричества.

СЦЕНА 4. ПРЕЗИДЕНТ НА КОЛЕНЯХ

Февраль 2071 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». Го-

род-спутник «Нью-Эдем».

Воздушный шаттл президента США бесшумно приземлился на посадочной платформе на крыше главного корпуса штаб-квартиры «Солар-Сити» ровно в 9:47 утра по местному времени. Джеймс Харрисон, пятьдесят третий президент Соединённых Штатов, вышел из салона один - без охраны, без секретарей, без советников. Его лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени, а костюм, когда-то безупречный, висел мешковато на похудевшем теле. Он вступил в должность шесть лет назад, в 2065 году, с обещанием вернуть Америке былую мощь, но вместо этого стал свидетелем её медленной, мучительной агонии. Теперь он приехал сюда не как лидер сверхдержавы, а как проситель - последний из длинной череды президентов, которые один за другим уступали власть корпорациям, начиная ещё с 2025 года, когда 47-й президент Дональд Трамп подписал первые контракты о приватизации инфраструктуры.

Коридоры штаб-квартиры встретили его сияющей чистотой, стерильным блеском хромированных панелей и мягким, ровным светом, исходящим от потолочных панелей, имитирующих естественное солнце. Здесь работали увлажнители, кондиционеры и ионизаторы, в воздухе пахло лимоном и свежестью - запахом, который Харрисон не чувствовал уже много месяцев, потому что в Белом доме давно отключили системы климат-контроля, и президент жил в сырости и плесени, закутавшись в армейское одеяло. Он шёл по этим коридорам

дорам, и каждый шаг отдавался в груди тупой болью, потому что он понимал: здесь, в этом идеально выверенном мире, нет места его народу. Здесь решают судьбы. А он пришёл просить.

Его провели в зал переговоров - просторную комнату с панорамным стеклом, выходящим на заснеженные купола «Нью-Эдема», который раскинулся внизу, как гигантский муравейник из одинаковых модульных ячеек. За длинным столом из полированного чёрного камня сидели трое. Посередине - Джош Холл, председатель «Солар-Сити», с полностью седой головой и стальными, немигающими глазами. Справа от него - представитель «Кибер-Фонда», молодая женщина в костюме цвета слоновой кости с холодной, отстранённой улыбкой. Слева - представитель «Нейра-Инфра», корпорации, управляющей глобальными коммуникациями и биометрией, седовласый мужчина с лицом, лишённым каких-либо эмоций. Они не поднялись при входе президента. Они даже не протянули руки для рукопожатия. Они просто сидели, сложив пальцы в замок, и смотрели на него, как на подопытное животное, которое вот-вот перестанет сопротивляться.

Харрисон остановился у стола. Он не сел в предложенное кресло - оно было слишком мягким и удобным для того момента. Он стоял, опершись обеими руками о спинку стула, его плечи ссутулились, голос дрожал, когда он начал говорить:

- Господа... я пришёл не как президент. Я пришёл как человек. Как представитель миллионов людей, которые умирают в своих домах. - Он сделал паузу, проглотил комок в горле. - Прошлой ночью в Нью-Йорке от холода умерли четыре тысячи двести детей. В Чикаго - две тысячи восемьсот. В Далласе - тысяча девятьсот. Дети, господа. Дети, которые не могут согреться, потому что мы отключили им отопление. Старики, которые замерзают в своих кроватях, потому что мы закрыли топливные склады. Больные, которые не могут получить лекарства, потому что наши дроны блокируют гуманитарные конвои. - Его голос сорвался, и он схватился за спинку стула, чтобы не упасть. - Я прошу вас. Я умоляю вас. Включите энергию. Ради домов престарелых. Ради детских больниц. Ради людей, которые не сделали вам ничего плохого. У вас есть власть, у вас есть ресурсы. Пожалуйста.

Он замолчал, тяжело дыша. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь мягким гулом вентиляции. Джош Холл слегка наклонил голову, изучая президента, как доктор изучает рентгеновский снимок безнадёжного пациента. Его голос, когда он заговорил, был ровным, спокойным, почти дружелюбным - и от этого дружелюбия Харрисону стало ещё более жутко.

- Господин президент, - произнёс Джош, - мы внимательно выслушали вас. И мы понимаем вашу боль. Действительно понимаем. Но позвольте мне задать вам один простой вопрос. - Он подался вперёд, его стальные глаза впились в лицо

Харрисона. - Пятьдесят лет назад, когда 47-й президент Дональд Трамп подписывал первые договоры о передаче энергосетей в частные руки, он думал о детях? Четыре десятилетия назад, когда его преемники расширяли эти контракты, они думали о стариках? Двадцать лет назад, когда последний президент, пытавшийся сопротивляться, был отправлен в отставку, думали о больных? Нет, господин президент. Они думали о бюджете, о рейтингах, о лоббистах. Они думали о том, как остаться у власти ещё на один срок. И каждый следующий президент - включая вас, господин Харрисон, - лишь закреплял эту систему, надеясь, что кризис наступит не при нём. Но кризис наступил. И теперь вы приходите к нам с мольбами. Но ваша мольба не имеет веса, господин президент. У неё нет рычагов.

Он замолчал, давая словам осесть. Харрисон почувствовал, как его ноги подгибаются, и он медленно опустился на стул, хотя не собирался этого делать.

Джош Холл взял со стола плотную папку, пододвинул её к президенту. На обложке было вытиснуто золотыми буквами: «Акт о добровольной передаче суверенных полномочий».

- Вот контракт, - сказал Джош. - В нём три пункта. Первое: вы передаёте корпорациям полный контроль над всеми городскими сетями - энергоснабжением, водоснабжением, канализацией, транспортом и связью на всей территории бывших Соединённых Штатов. Второе: вы признаёте, что корпоративный регламент имеет приоритет над государственным

правом во всех вопросах, касающихся экономики, идентификации и безопасности. Третье: вы распускаете федеральное правительство в нынешнем виде и передаёте его функции нашим административным структурам. Вы, как президент, подписываете этот документ, и после этого вам предоставляется почётная пенсия и остров в Карибском море. Вы будете жить в комфорте. Ваша семья будет в безопасности. Ваши внуки смогут учиться в наших академиях.

Харрисон посмотрел на папку, затем на Джоша, затем на пустое место перед собой. Его руки, лежащие на коленях, начали трястись мелкой дрожью.

- Я... я не могу подписать это, - выдавил он, почти шёпотом. - Это конец Америки. Это конец всего, за что мы боролись почти триста лет. Это предательство. Пятьдесят три президента до меня - и я стану тем, кто поставит точку?

Джош Холл медленно поднялся из-за стола. Он обошёл его, остановился прямо перед Харрисоном, нависнув над ним, как монумент из плоти и стали. Его голос стал жёстче, в нём появились стальные нотки, которые уже не пытались скрыть презрение.

- Господин президент, - сказал он, чеканя слова, - позвольте мне быть с вами предельно откровенным. Америка мертва уже пять десятилетий. Она умерла не сегодня и не вчера. Она начала умирать в 2025 году, когда сорок седьмой президент поставил свою подпись под первым корпоративным контрактом. Она умирала все эти годы - медленно, незамет-

но, под аккомпанемент патриотических речей и фальшивых выборов. Каждый ваш предшественник, включая вас, только откладывал неизбежное, надеясь, что финал наступит после его срока. Но финал наступил при вас. И теперь вы стоите здесь, в этой комнате, и просите у нас милости, потому что у вас больше нет ни власти, ни воли, ни даже права называться лидером. - Он нагнулся, приблизив своё лицо к лицу президента, и продолжил шёпотом, который звучал громче любого крика: - Вы либо подписываете этот контракт, и ваши люди получают тепло, еду и шанс выжить, либо вы уходите обратно в Вашингтон, и через две недели от вашего народа останется только пепел и статистика. Выбирайте. Но выбирайте сейчас.

Харрисон поднял голову. По его щекам текли слёзы - тихие, беззвучные, которых он не мог остановить. Он смотрел на Джоша Холла, на его безупречно выбритое лицо, на его белоснежную рубашку, на его руки, которые держали жизнь миллионов людей, как игральные кости. Он хотел сказать «нет», он хотел встать и разорвать контракт, он хотел показать им, что он всё ещё президент, что он всё ещё свободный человек.

Но он не мог. Потому что у него не было сил. Потому что он знал, что если он уйдёт, он вернётся в мёртвый город, где завтра умрёт ещё три тысячи детей. И каждый из них будет умирать с его именем на губах.

Он взял ручку. Его пальцы сжали её так сильно, что ко-

стяжки побелели. Он придвинул папку к себе, открыл её на последней странице, где стояла пустая строка для подписи.

Он подписал. Буква за буквой, не глядя на текст, не читая условий, просто водя ручкой по бумаге, как робот, у которого больше нет выбора. Джеймс Харрисон, пятьдесят третий президент Соединённых Штатов, поставил своё имя под актом о капитуляции.

Когда он закончил, Джош Холл мягко забрал папку, проверил подпись, одобрительно кивнул и протянул Харрисону влажное полотенце, чтобы тот вытер слёзы.

- Вы сделали правильный выбор, господин президент, - сказал он с лёгкой, почти человеческой улыбкой. - Вы спасли свой народ. Пусть ценой гордости. Но гордость не обогреет больничные палаты.

Харрисон ничего не ответил. Он медленно поднялся, развернулся и, шатаясь, вышел из зала. В коридоре его ждал помощник, который проводил его к выходу, не сказав ни слова.

Через час пресс-служба корпораций выпустила официальное заявление: «Президент Харрисон добровольно принял решение уйти на покой, передав управление инфраструктурой стратегическим партнёрам. Он купил частный остров в Карибском бассейне, где проведёт остаток дней в окружении семьи». Новости показали его архивное фото в молодости - улыбающегося, уверенного, стоящего на трибуне Капитолия. Новые фотографии не публиковались.

Никто из журналистов не спросил, где именно этот ост-

ров. Никто не проверил, действительно ли он там поселился. Никто не увидел, как через три дня после подписания акта Харрисона в одиночку вывели из здания штаб-квартиры через чёрный вход и посадили в невзрачный серый фургон без опознавательных знаков. Фургон уехал в неизвестном направлении, и больше его никто не видел. В официальных базах данных имя Джеймса Харрисона было заменено на «исполняющего обязанности», а позже - стёрто из протоколов, как будто его никогда и не существовало. Говорят, он живёт где-то в Центральной Америке, в маленькой деревне без электричества, и никто не знает, что этот седой, молчаливый старик, который носит воду из колодца, когда-то держал в руках судьбу целой нации. Но это только слухи. А слухам, как известно, не верят даже те, кто их распускает.

В архивах корпораций, в засекреченном разделе хронологии, есть короткая строка:

«2065–2071 - Джеймс Харрисон, 53-й президент США. Последний. Подписал Акт о передаче полномочий 14 февраля 2071 года. Дальнейшие записи отсутствуют.»

СЦЕНА 5. КОНЕЦ ЭТАПА

Март 2071 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». 87-й этаж.

За окнами штаб-квартиры медленно таял последний снег, обнажая серый бетон «Нью-Эдема» - города, который никогда не знал весны. Джош Холл стоял у панорамного стекла, сложив руки за спиной, и смотрел на бесконечные ряды мо-

дульных ячеек, где миллионы Пользователей просыпались по сигналу, ели синтетическую пищу и шли на конвейеры, даже не подозревая, что их жизнь - всего лишь строчка в корпоративной базе данных. Он смотрел на этот мир, который создал своими руками, и не чувствовал ничего, кроме глухой, давящей усталости.

За его спиной, над длинным чёрным столом, парила голографическая карта мира. Все континенты горели ровным синим светом - города, транспортные узлы, энергосети, центры управления. Всё было под контролем. Всё было идеально. Кроме одного пятна в Аппалачах, которое мерцало тусклым, почти угасающим красным. Сопротивление. Последняя искра, которую корпорации не смогли погасить. Джош смотрел на это пятно с раздражением, какое испытывает художник, заметивший на законченной картине случайную грязь. Это пятно не имело значения - оно было слишком маленьким, слишком слабым, чтобы угрожать империи. Но оно существовало. И одно его существование было оскорблением.

- Докладывайте, - сказал он, не оборачиваясь. Его голос звучал ровно, почти безразлично, но в нём слышалась сталь - та самая сталь, которая в своё время сломала десятки правительств и сотни армий.

Директор безопасности «Нейра-Инфра», худощавый мужчина лет пятидесяти с лицом, лишённым каких-либо эмоций, шагнул вперёд. Его костюм был безупречен, а движения отточены - он знал, что любая ошибка в этом кабинете

может стоять ему должности, а возможно, и жизни. Он развернул голографический экран, и на нём появились данные - фотографии, схемы, координаты.

- Генерал Майкл Стоун, - начал он, его голос был сухим и деловым. - Шестьдесят два года, бывший командующий сухопутными силами США. После отказа подписать контракт с «Кибер-Фондом» ушёл в подполье в 2068 году. Собрал отряд численностью около ста пятидесяти человек - ветераны, дезертиры, добровольцы. Базируются в старых угольных шахтах Пенсильвании, в районе Аппалачей. У них есть стрелковое оружие образца 2030-х годов, несколько гранатомётов, захваченных на брошенной военной базе. Дронов-разведчиков нет - только самодельные детекторы движения. Никакой связи с городами, никакой поддержки извне. Они не представляют угрозы, сэр. Мы можем уничтожить их в любой момент.

- Почему мы ещё этого не сделали? - спросил Джош, и в его голосе впервые послышалась резкость. Он медленно повернулся от окна и уставился на директора холодным, немигающим взглядом, который заставлял собеседников чувствовать себя насекомыми под увеличительным стеклом.

Директор на мгновение замялся, но быстро взял себя в руки.

- Они изолированы, сэр. У них нет ресурсов, нет каналов связи, нет возможности расширяться. Мы сочли, что они не заслуживают внимания. Более того, их существование может

служить полезным напоминанием - наглядным примером того, что случается с теми, кто пытается сопротивляться. Мы планировали использовать их как демонстрационный материал.

Джош медленно обошёл стол и остановился прямо перед директором, нависая над ним, как хищник. Его голос стал тише, почти шёпотом, но от этого шёпота по спине директора пробежал холод.

- Вы ошибаетесь, - произнёс Джош. - Надежда - это не инструмент. Надежда - это вирус. Она проникает в сознание, размножается, мутирует. Достаточно одной искры, чтобы зажечь пожар. Достаточно одной истории о том, что кто-то выживает, кто-то борется, кто-то не сдаётся, - и миллионы Пользователей начнут задавать вопросы. А вопросы - это начало конца. Мы не можем позволить себе роскошь оставлять им даже иллюзию выбора. Мы должны погасить эту искру раз и навсегда.

Он выпрямился и подошёл к голографической карте. Его пальцы коснулись красного пятна в Аппалачах, и оно начало пульсировать, как живое сердце.

- Подготовьте операцию по уничтожению отряда Стоуна, - приказал он, его голос снова стал ровным и деловым. - Используйте «Саранчу». Полная ликвидация - никаких выживших, никаких свидетелей, никаких следов. Поле боя должно быть очищено так, чтобы через неделю там можно было построить распределительный центр. Вы меня поняли?

Директор кивнул, его лицо оставалось бесстрастным, но внутри он почувствовал облегчение, что разговор закончился.

- Будет исполнено, сэр. Операция «Чистый лист» будет запущена в течение месяца. Мы отследим их перемещения, выберем момент, когда они будут наиболее уязвимы, и нанесём удар.

- Хорошо, - сказал Джош, и его голос потерял жёсткость, вернувшись к привычной усталой интонации. - Вы свободны.

Директор поклонился и бесшумно покинул кабинет. Дверь закрылась за ним с мягким шипением, и Джош снова остался один.

Он повернулся к окну. За стеклом багровый закат окрашивал купола «Нью-Эдема» в цвета запёкшейся крови. Город, который он построил, простирался до самого горизонта - миллиарды долларов, миллионы жизней, десятки лет работы. И всё это было его. Каждый модуль, каждая лампочка, каждый вздох, который делали люди внизу, - всё это подчинялось его воле. Он мог включить отопление в одном квартале и отключить в другом. Он мог дать им еду или оставить их голодными. Он мог стереть их память, переписать их историю, изменить их имена. Он был богом этого мира.

Но глядя на этот идеальный, стерильный порядок, Джош чувствовал только пустоту. Где-то внутри, в той части его души, которую он похоронил много лет назад, жило воспомин-

вание о другом мире - мире, где он был просто мальчишкой с горящими глазами, который мечтал изменить всё к лучшему. Теперь он изменил всё. Но лучше не стало. Только тише. Только пустее.

Его отражение в стекле казалось призраком - старый, седой, уставший, с глазами, которые потеряли всякий свет. Он смотрел на себя и не узнавал. Где тот человек, который когда-то верил в свободу? Кто он теперь? Тюремщик, палач, архитектор собственной клетки?

- Через три месяца мы подпишем Договор 404, - сказал он тихо, почти про себя, обращаясь к своему отражению. - И не останется ни одного государства, ни одной армии, ни одной надежды. Только мы. Только порядок. Только будущее, которое мы построим.

Он замолчал. Ветер за окном гнал редкие снежинки, которые таяли, не долетев до земли. Закат угасал, окрашивая небо в тёмно-фиолетовый цвет - цвет крови, которая уже была пролита и которая ещё будет пролита.

- Это конец этапа, - добавил он. - Следующий - финал.

Он сделал шаг назад от окна и подошёл к столу, где стоял хрустальный графин с водой. Налил себе стакан, поднял его, посмотрел на свет, но не сделал глотка. Поставил обратно. На экране, оставленном директором, всё ещё горели данные об отряде Стоуна - фотографии, схемы, координаты. Джош взглянул на лицо генерала - старое, измождённое, с пронзительными голубыми глазами, в которых горел тот самый

огонь, который Джош давно погасил в себе.

- Ты ничего не изменишь, - прошептал он, глядя на фотографию. - Но я уважаю тебя за то, что ты пытаешься.

Он закрыл экран. В кабинете стало темно - только одинокие огни «Нью-Эдема» мерцали внизу, как погребальные костры.

В тот же вечер в штаб-квартиру «Нейра-Инфра» поступил закодированный приказ из кабинета Джоша Холла:

«Операция «Чистый лист». Код: Саранча-4. Цель: полная ликвидация отряда генерала Стоуна. Срок исполнения: июль 2071 года. Исполнители: рой дронов класса «Саранча». Режим: тотальный.»

Через час все системы роя были переведены в боевой режим. Тысячи серебристых точек замерли в ангарах, ожидая сигнала к запуску. Генерал Стоун и его сто пятьдесят солдат ещё не знали, что их последние дни уже сочтены. Они сидели у костра в глубине старой шахты, пили горячий чай из жестяных кружек и говорили о том, каким будет новый мир - свободный мир, который они вернут.

Они не знали, что свобода умирает быстрее, чем надежда.

ЭТАП 4. «БИТВА ПРИ ВАШИНГТОНЕ» (2071)

СЦЕНА 1. ПОСЛЕДНЯЯ АРМИЯ

Июль 2071 года. Где-то в Аппалачах. Секретный лагерь.

Горные леса Пенсильвании, которые когда-то были заповедниками с чистыми ручьями и маршрутами для тури-

стов, теперь превратились в последний оплот сопротивления. Здесь, в глубине старых угольных шахт, заброшенных ещё в конце XIX века, собираются те, кто ещё помнит, что такое свобода. Те, кто не подписал контрактов с корпорациями. Те, кто не продался за акции и виртуальные токены. Те, для кого слова «присяга», «честь» и «родина» всё ещё имеют вес.

Вход в шахту скрыт за густыми зарослями дикого плюща и бузины. Снаружи - ни одного следа, ни одной тропы. Только если знаешь, где искать, можно заметить едва заметный люк, присыпанный землёй, и провода, уходящие вглубь горы. Внутри - сырость, запах старого угля и машинного масла, но здесь есть свет - тусклые лампы на аккумуляторах, которые заряжают от ручных генераторов. Здесь есть вода - из подземного источника, которую очищают через самодельные фильтры. Здесь есть еда - консервы, захваченные в рейдах на заброшенные склады. Здесь есть оружие, но его мало. Здесь есть люди, но их тоже мало.

Генерал Майкл Стоун стоит у входа в шахту, чуть прищурившись, глядя на первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь кроны деревьев. Ему шестьдесят два, но выглядит он на все семьдесят - лицо изрезано глубокими морщинами, кожа обветрена, седая жёсткая щетина покрывает щёки. Он высокий, худой, сутулый от постоянного напряжения, но его пронзительные голубые глаза, цвета старого льда, всё ещё горят тем огнём, который не погасили годы поражений. Он

из старой школы - из тех генералов, которые присягали Конституции, а не акционерам. Он служил в армии Соединённых Штатов сорок лет, прошёл через три войны, видел, как его товарищи один за другим переходили на сторону корпораций, становясь наёмниками в частных военных компаниях. Он видел, как генералы, которых он уважал, обменивали звёзды на контракты с «Кибер-Фондом». Он видел, как армия США, гордость нации, превращалась в ЧВС, в частную охрану корпоративных интересов.

Он отказался. Он ушёл в подполье, когда ему предложили возглавить одно из подразделений «Солар-Сити» - он плюнул в лицо посланнику и сказал, что скорее умрёт в грязи, чем будет носить их нашивки. С тех пор прошло три года. Он собрал вокруг себя тех, кто остался верен. Тех, кто не забыл, что значит быть солдатом, а не наёмником.

Позади него - сто пятьдесят человек. Мужчины и женщины, от восемнадцати до семидесяти лет. Это всё, что осталось от когда-то великой армии - самой мощной военной машины в истории человечества. У них есть винтовки - старые модели М-27, ещё с 2030-х, с потертыми прикладами и заржавевшими затворами, которые они чистят каждую ночь, чтобы не отказали в нужный момент. У них есть несколько ручных гранатомётов - трофеи с брошенной военной базы в Вирджинии. У них есть дроны-разведчики, собранные из запчастей, которые сканируют окрестности каждые два часа, чтобы обнаружить «Саранчу» раньше, чем та обнаружит их.

И у них есть надежда - та субстанция, которую невозможно измерить, взвесить или продать, но которая держит их здесь, в этой сырой, холодной шахте, когда весь мир уже сдался.

Стоун медленно обводит взглядом своих солдат. Молодые парни и девушки, двадцать-тридцать лет. Они родились уже в эпоху кризиса, когда Америка начала разваливаться на части, когда слово «демократия» стало ругательством. Они не помнят страны, в которой можно было свободно критиковать правительство, не опасаясь, что дрон «Саранча» запишет твой голос и отправит данные в корпоративный архив. Они не помнят, как выглядит настоящий флаг над Капитолием. Но они верят - верят, что можно вернуть всё это, вернуть тот мир, который они знают только по старым фильмам и книгам, которые Стоун приказал сохранить, когда всё остальное было сожжено. Среди них есть и старики - ветераны, которые помнят 2020-е, когда президенты менялись, но страна оставалась прежней. Они носят старые нашивки, которые уже никто не распознаёт, и сжимают оружие с такой яростью, будто оно может вернуть им потерянные годы.

Стоун поднимает руку, и шёпот стихает. Он смотрит на своих людей, на их лица, исхудавшие от недоедания, на их глаза, покрасневшие от недосыпа, на их руки, которые трясутся от холода и адреналина. Он знает, что большинство из них не вернутся. Но он также знает, что это нужно сделать.

- Сегодня мы идём на Вашингтон, - произносит он, и его голос, низкий и хриплый, разносится по тесному коридору

шахты, отражаясь эхом от каменных стен. - Мы идём не для того, чтобы победить. Мы идём не для того, чтобы захватить власть. Мы идём для того, чтобы показать им - показать всем, кто сдался, кто подписал контракты, кто поверил их сладким речам о «новом мире без границ», - что свобода не умерла. Она не умерла. Она просто ждала. Ждала тех, у кого хватит смелости взять оружие и сказать: «Нет. Мы не согласны».

Он замолкает, давая словам пропитать воздух. Солдаты смотрят на него, и в их взглядах смешиваются решимость и страх. Они знают, что идут на верную смерть. Но они не отступают.

- Штаб-квартира «Нейра-Инфра», - продолжает Стоун. - Это сердце корпоративной империи. Центр управления всеми коммуникациями, данными, идентификацией. Если мы ударим туда, если мы покажем, что можем добраться до их нервного центра - другие поднимутся. Города, которые капитулировали, восстанут. Люди, которые работают на их конвейерах, поймут, что хозяева не бессмертны. Пропаганда рухнет, когда в новостях покажут горящее здание «Нейра-Инфра». Мы не победим сегодня, но мы начнём обратный отсчёт. Мы дадим им знать, что их империя - всего лишь картонный домик, и один сильный ветер может его разрушить.

Он делает паузу, переводит дыхание, затем сжимает кулак и поднимает его над головой.

- Мы - последняя армия свободы. И мы идём до конца.

Вперёд!

Сто пятьдесят солдат выступают. Они движутся сквозь лес, по старым дорогам, которые никто не патрулирует, потому что корпорации считают, что сопротивление мертво. Они идут в ночи, под покровом темноты, прячась от редких дронов, которые прочёсывают небо. Они знают, что смерть ждёт их за каждым деревом, но они не останавливаются.

Два дня спустя. Июль 2071 года. Пригороды Вашингтона.

Отряд Стоуна добирается до окраин столицы на вторую ночь. Они двигались без остановок, прячась в руинах заброшенных посёлков, переходя вброд мелкие реки, чтобы сбить с толку тепловизоры. Теперь они стоят на краю города, в тени полуразрушенного торгового центра, который когда-то носил имя какого-то бренда, но вывеска давно обвалилась. Впереди - Вашингтон, но это уже не тот город, который Стоун помнил. Небоскрёбы, которые когда-то сверкали стеклом и сталью, теперь стоят тёмными, безжизненными обелисками. Большинство из них заколочено. Лишь несколько зданий светятся - штаб-квартиры корпораций, которые стали новыми властителями этого места. В центре, там, где когда-то был Капитолий, теперь ровная бетонная площадка - её уже начали заливать новым полимерным покрытием для строительства распределительного центра.

Стоун стоит у карты, развёрнутой на капоте старого бронетранспортёра, который они нашли на заброшенной военной базе. Карта испещрена пометками - синие точки обозна-

чают посты дронов, красные - автоматические турели, чёрные - частные военные компании, которые охраняют периметр. Штаб-квартира «Нейра-Инфра» находится в старом Силиконовом ущелье, в здании, которое когда-то принадлежало крупной технологической компании. Там, за многослойной защитой, скрываются серверы, которые управляют идентификацией, коммуникациями и финансовыми потоками всей Северной Америки. Если они уничтожат этот узел - корпоративная сеть рухнет на несколько часов, а может, и дней. Это будет первый реальный удар по их могуществу.

- У них три линии обороны, - говорит Стоун, водя пальцем по карте. - Первая - дроны «Саранча», которые патрулируют периметр. Они автоматические, но у них ограниченный радиус - если мы подойдём с востока, где старые жилые кварталы, мы сможем проскользнуть через мёртвые зоны. Вторая - автоматические турели на крышах и на земле. Их управляет центральный ИИ, но ИИ не может отличить гражданского от солдата - поэтому мы пойдём группами по два-три человека, как местные жители, пробирающиеся к убежищам. Третья - ЧВС. Там около двухсот наёмников, хорошо обученных, с новейшим оборудованием. Это самая сложная часть. Мы должны прорваться к серверному залу и установить заряды. Пять минут - и всё кончено.

- А если мы не прорвёмся? - спрашивает молодой солдат с автоматом в руках, его голос чуть дрожит.

Стоун поворачивается к нему, и его глаза, холодные и спо-

койные, как лёд, встречаются с глазами парня.

- Тогда мы умрём, - отвечает он без тени колебания. - Но мы умрём как свободные люди. Как люди, которые не сложили головы. Как люди, которые не продались. Это больше, чем могут сказать о себе те, кто остался в городах и подписал контракты.

Солдаты молчат. Они уже знают этот ответ. Они приняли его ещё тогда, когда согласились идти.

Ночь накануне битвы. Лагерь в руинах торгового центра. Костер горит тихо, почти без дыма - они используют специальное топливо, чтобы не привлекать внимание. Стоун сидит на обломке бетонной плиты, смотрит на огонь и думает о том, что никогда не говорил вслух: он не верит, что они победят. Он не верит, что они вообще выживут. Но он верит, что их жертва будет иметь значение. Он верит, что, когда утром новостные каналы корпораций покажут кадры разрушенного центра «Нейра-Инфра», в каждом городе, в каждой ячейке «Нью-Эдема» кто-то прошепчет: «Они ещё здесь. Они борются». И это будет искра, из которой когда-нибудь разгорится пламя.

Рядом с ним садится его заместитель, полковник Гаррисон. Ему тридцать пять, он молод для своего звания, но он прошёл с Стоуном все эти годы - от первого отказа корпорациям до сегодняшнего дня. Его глаза блестят в свете костра, но в них нет страха.

- Генерал, - говорит Гаррисон, - мы знаем, что у них есть

«Саранча». Мы знаем, что у них есть турели. Мы знаем, что они могут уничтожить нас за несколько минут, как только мы войдём в их зону. Почему мы всё равно идём? Не логичнее ли было бы уйти в горы, переждать, набрать силы, дожждаться, пока они ослабнут?

Стоун поворачивается к нему. Его голос тих, но твёрд, как сталь.

- Потому что если мы не пойдём сейчас - они никогда не ослабнут. Каждый день, который мы ждём, они становятся сильнее. Каждый месяц промедления - ещё миллион людей, которые привыкают к их порядку, перестают видеть рабство. Мы должны нанести удар, даже если он последний. Мы должны показать им, что сопротивление возможно. Наши смерти будут сигналом. Сигналом, что не все сдались. Что есть те, кто готов умереть за свободу. И когда этот сигнал будет услышан - другие пойдут за нами.

Гаррисон кивает, его челюсти сжимаются. Он кладёт руку на плечо Стоуна.

- Я с вами до конца, генерал. До самого конца.

Стоун смотрит на огонь.

- Я знаю, сын. Я знаю.

Они сидят в тишине, слушая, как потрескивает костёр и ветер гуляет в обломках стекла. Завтра они умрут. Но сегодня - они свободны.

Рассвет. 23 июля 2071 года.

Стоун стоит во главе отряда, его силуэт чётко выделяет-

ся на фоне серого, ещё полусонного неба. Позади него - сто пятьдесят бойцов. Впереди - Вашингтон, который больше не их столица. Он поднимает руку, делает резкий жест вперёд, и они начинают движение.

Они идут к штаб-квартире «Нейра-Инфра». Они идут, чтобы умереть. Но они идут не как жертвы - они идут как солдаты последней армии свободного мира.

СЦЕНА 2. ДРОНЫ «САРАНЧА»

Июль 2071 года. Штаб-квартира «Нейра-Инфра». Силиконовое ущелье.

Здание, возвышающееся над долиной, выглядит как гигантский монолит из стекла и полированного металла - холодное, сияющее, безупречное. Его фасады отражают серое утреннее небо, делая его почти невидимым на фоне облаков. Внутри - абсолютная стерильность: белые коридоры, мягкий свет, пахнет озоном и антисептиком. Здесь, на двадцати этажах, расположены серверные залы, центры управления данными, коммуникационные узлы, которые связывают все континенты в единую сеть. Это мозг корпоративной империи - если удар будет нанесён сюда, мир на мгновение ослепнет, связь между корпорациями нарушится, и на несколько часов хаос воцарится там, где привыкли к абсолютному порядку. Для сопротивления это единственный шанс. Для корпораций - главная уязвимость.

В центре управления, расположенном на тринадцатом этаже, за широкой панелью из двадцати голографических

экранов, сидит полковник Маркус Вейн. Ему сорок пять, он носит тёмно-серую униформу ЧВС «Нейро-Удар» с серебристыми нашивками, обозначающими его звание. Его лицо - гладкое, выбритое, без единой морщины - ничего не выражает, кроме профессиональной сосредоточенности. Вейн начал свою карьеру в армии США двадцать пять лет назад, ещё до того, как корпорации окончательно взяли власть. Он помнит присягу, которую приносил Конституции. Но он также помнит, как в 2047 году его часть расформировали, а ему предложили контракт с «Кибер-Фондом». Он подписал его, потому что у него была семья и не было выбора. Теперь он командует подразделением наёмников, которое охраняет штаб-квартиру «Нейра-Инфра». Он делает свою работу хорошо и не задаёт лишних вопросов.

Но сегодня он чувствует лёгкое беспокойство. Дроны-разведчики, запущенные ещё на рассвете, засекли движение в старых пригородах - тепловые следы, около сотни пятидесяти точек,двигающихся компактными группами. Они не похожи на гражданских - слишком организованные, слишком быстрые. Они идут прямо сюда. Вейн знает, что это за люди - он слышал слухи о генерале Стоуне и его отряде, последнем осколке старой армии, который отказался сдаваться. Он даже испытывает к ним что-то вроде уважения. Но уважение не мешает ему выполнять приказ.

- Они идут, - говорит Вейн, не оборачиваясь. Его голос - ровный, безэмоциональный, как у робота. - Расстояние -

пятьдесят-семьдесят километров. Скорость передвижения - около восьми километров в час. Будут здесь через шесть-семь часов, если не остановятся на привал.

Директор безопасности «Нейра-Инфра», мужчина лет шестидесяти с безупречно белой рубашкой и неизменным выражением лёгкой брезгливости на лице, стоит у него за спиной. Он не представляет, что такое война, - он финансист, управленец, человек, который привык решать вопросы через контракты и переговоры. Но сейчас он нервничает, потому что его офис, его серверы, его безупречный мир могут оказаться под угрозой.

- Сколько их? - спрашивает он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

- Сто пятьдесят - двести, - отвечает Вейн, изучая данные. - Старое оружие: винтовки М-27, гранатомёты ранних моделей. Несколько бронетранспортёров 2030-х годов, которые работают на дизеле - мы можем засечь их тепловые следы с расстояния в десять километров. Они не угроза в военном смысле.

- Тогда почему я должен беспокоиться? - директор раздражённо поправляет галстук. - Если они не угроза, просто уничтожьте их и доложите о завершении.

Вейн наконец поворачивается к нему. Его взгляд - холодный, острый, как лезвие - на мгновение задерживается на лице директора.

- Угроза есть всегда, - говорит он спокойно. - Даже если

у них только каменные ножи. Они могут добраться до здания, если мы недооценим их. Они могут запустить вирус через физическое подключение к серверу, если проникнут в нижние уровни. Они могут подорвать фундамент, если у них есть достаточно мощные заряды. Недооценка противника - ошибка, которую мы не имеем права совершать. Я рекомендую включить «Саранчу» на полную мощность и уничтожить их до того, как они приблизятся к первому периметру.

Директор колеблется. «Саранча» - это дорогостоящий ресурс, её использование требует разрешения совета директоров. Но в случае прямой угрозы он имеет право принять решение самостоятельно.

- Действуйте, - говорит он. - Полное уничтожение.

Вейн кивает и поворачивается к своему оператору - молодой женщине с короткой стрижкой и наушниками.

- Активируйте рой «Саранча», - приказывает он. - Режим - тотальный. Никаких предупреждений, никаких пленных. Полная ликвидация всех тепловых следов в радиусе двадцати километров от центрального здания.

- Есть, сэр, - отвечает оператор, её пальцы бегут по сенсорной панели. - Рой иницирован. Запуск через тридцать секунд.

На главном экране появляется схема здания - крыша, люки, системы запуска. Тысячи серебристых точек, которые до этого были в режиме ожидания, начинают светиться зелёным. Система управления дронами проводит автомати-

ческую диагностику: заряд батарей, состояние навигации, цельность корпуса. Все показатели в норме.

- Готовы, - докладывает оператор.

- Открыть люки, - командует Вейн. - Запуск.

Над зданием, с металлическим шипением, раздвигаются двадцать алюминиевых панелей. Из них, с едва слышным гулом, начинают вылетать серебристые точки - сначала по одной, потом десятками, потом сотнями, тысячами. Они поднимаются в воздух, формируя плотную, вращающуюся спираль, похожую на торнадо из металла и микросхем. «Саранча» - это миниатюрные убийцы, размером с мужскую ладонь, оснащённые маломощными взрывными зарядами и системой наведения на тепловое излучение. Их программируют на один-единственный алгоритм: найти живое тело и уничтожить его, влетев в область груди, головы или живота. Они не оставляют шанса на спасение. Они не берут пленных.

Рой поднимается на высоту трёхсот метров и замирает, ожидая координат. Весь строй - идеально ровная сетка, без разрывов, без ошибок.

Вейн смотрит на основной экран, где тепловые следы отряда Стоуна уже подсвечены красным. Они движутся по открытой местности, между руинами старых складов, не подозревая, что за ними наблюдают уже несколько часов.

- Атака, - произносит он.

Рой приходит в движение. Тысячи дронов устремляются вперёд, бесшумно, как призраки, рассекая воздух. Их ско-

рость - двести километров в час. Через три минуты они будут на месте.

В поле за старыми складами. Отряд Стоуна.

Генерал первым замечает движение в небе. Сначала это просто серебристое мерцание на горизонте, похожее на стаю птиц, но слишком ровное, слишком синхронное. Затем он слышит тот самый звук - высокочастотный гул, который невозможно спутать ни с чем другим. Он уже знает, что это значит. Его сердце пропускает удар.

- В укрытие! - кричит он, его голос срывается на хрип. - Все в укрытие! Дроны! Саранча!

Солдаты мгновенно реагируют. Они обучены, они знают, что делать - но знание не помогает, когда враг быстрее и точнее. Они разбегаются в разные стороны, пытаясь найти хоть какое-то прикрытие: бетонные блоки, остатки стен, ржавые контейнеры. Но укрытий слишком мало, а их слишком много.

Первый дрон врывается в грудь молодого солдата, который не успел пробежать до стены. Взрыв - тихий, почти не слышимый, но смертельный. Парень падает на спину, его глаза широко открыты, но они уже ничего не видят. Второй дрон находит другого - тот пытается стрелять по рою, но пули проходят сквозь них, не причиняя вреда. Дрон прошивает его плечо, разрывая сухожилия, и он падает на колени, крича от боли.

Стоун видит, как его люди гибнут один за другим. Он пы-

тается стрелять по дронам, но каждый выстрел сбивает только одного, а их тысячи. Они кружат над полем, как саранча, ищут, находят, убивают. Кто-то пытается бежать, но дрон настигает его через пару секунд. Кто-то прячется за металлическим листом, но дрон проникает через щель и взрывается у него за спиной. Поле превращается в кладбище.

- Отступаем! - кричит Стоун, но его голос тонет в гуле. - Отступаем к лесу!

Оставшиеся в живых пытаются отойти назад, к опушке, но лес слишком далеко. Дроны не дают им шанса. Они систематически, методично, с точностью хирурга уничтожают каждого, кто пытается уйти. Взрывы звучат через каждые несколько секунд. Тишина наступает только тогда, когда не остаётся никого.

Стоун падает на колени. Он смотрит на небо, где кружат дроны, проверяя, не осталось ли выживших. Его грудь горит от боли - один из дронов задел его, разорвав бронежилет, и он чувствует, как кровь заливает футболку. Он смотрит на поле, заваленное телами его солдат. Никто не шевелится. Никто не дышит.

Он закрывает глаза и шепчет, почти неслышно:

- Прости. Я не смог. Я не смог вас защитить.

Он ждёт смерти. Она приходит в виде одного из дронов, который нашёл его последний тепловой след. Машина приближается, зависает в паре метров от его лица, сканирует зрачки, сверяет с базой данных, чтобы убедиться, что перед

ней именно тот, кого нужно уничтожить. Затем она разгоняется и врзается ему в грудь.

Стоун не чувствует боли. Он просто падает вперёд, утыкаясь лицом в землю, и перестаёт дышать. Вокруг - только тела, кровь и тишина, нарушаемая лишь отдалённым гулом возвращающегося роя.

Центр управления. Штаб-квартира «Нейра-Инфра».

Через сорок минут после начала атаки рой дронов возвращается в улыи на крыше. Каждая машина докладывает о выполненной задаче - двести восемьдесят семь тепловых следов обнаружено и уничтожено. Ни одного выжившего. Ни одного побега. Всё чисто.

Вейн смотрит на экран. На поле, где ещё час назад двигались люди, теперь видны только неподвижные точки - остывающие тела. Он не чувствует ничего, кроме усталости. Он переключает вид на камеры высокого разрешения, приближает изображение и видит лицо генерала Стоуна. Старый, измождённый, с открытыми глазами, которые всё ещё смотрят в небо. Вейн знает, что мог бы отдать приказ взять его живым, допросить, но он не сделал этого. Потому что боялся услышать то, что сам давно хотел сказать, но никогда не решался.

Директор подходит к нему, одобрительно кивая.

- Отлично сработано, полковник. Доложите совету директоров - угроза нейтрализована. Битва выиграна.

Вейн медленно поднимается из-за стола и смотрит на ди-

ректора. Его глаза - пустые, безжизненные, как у человека, который давно потерял себя.

- Да, - тихо говорит он. - Выиграна.

Он поворачивается к окну и смотрит вниз, на город, который когда-то назывался Вашингтоном. Там, где ещё утром стоял лес, теперь лежит поле, усеянное телами. Сто пятьдесят человек, которые сражались до конца. Сто пятьдесят свободных людей. Он смотрит на них и думает: «Они умерли за то, во что верили. А я? За что умру я?»

Но он не произносит этого вслух. Он просто поднимает бокал с водой, который стоит на столе, и делает глоток. Вода - безвкусная, как и всё в этом мире. Он ставит бокал и возвращается к работе.

СЦЕНА 3. АД НА ЗЕМЛЕ

Июль 2071 года. Силиконовое ущелье. Поле боя.

Когда последний дрон из роя скрывается в люках штаб-квартиры, наступает та особенная тишина, которая бывает только после массовой смерти. Ни птиц, ни ветра, ни стрекота насекомых - только гул остывающих двигателей где-то вдалеке и тяжёлый, металлический запах крови, смешанный с горелым пластиком и озоном. Поле, которое ещё час назад было покрыто пожухлой травой и диким кустарником, теперь превратилось в ландшафт, напоминающий инопланетную пустошь: ни одного живого растения не осталось там, где взрывались дроны, - земля выжжена до серого камня. Сто пятьдесят тел лежат в неестественных, искореженных

позах, разбросанные по площади в несколько сотен квадратных метров, как фигурки, которые кто-то небрежно стряхнул с игровой доски. Сто пятьдесят жизней. Сто пятьдесят смертей. Сто пятьдесят имён, которые никто никогда не запишет в анналы истории.

Генерал Майкл Стоун лежит на спине, раскинув руки в стороны, его глаза широко открыты и устремлены в серое, безоблачное небо. Он выглядит почти спокойным - морщины на лице разгладились, челюсть расслаблена, даже седая щетина больше не кажется жёсткой. В груди, чуть левее центра, зияет рваная рана размером с кулак - дрон влетел в него на полной скорости, разорвав бронежилет, раздробив рёбра и превратив лёгкие в кровавую кашу. Кровь всё ещё сочится из раны тонкой струйкой, пропитывая землю, но Стоун уже не чувствует боли. Он умер так, как хотел - в бою, лицом к врагу, с оружием в руках. Свободным. Он не подписывал контрактов, не просил пощады, не предал свою присягу. Его последнее слово, произнесённое шёпотом, было обращено к своим павшим солдатам: «Простите». И это слово, как и все остальные, растворилось в воздухе, не оставив следа.

Вокруг него - его армия. Они лежат в самых разных позах: кто-то упал ничком, вцепившись пальцами в землю, будто пытался уползти от роя; кто-то застыл на коленях с поднятыми руками, словно пытался защитить лицо; кто-то перевернулся на спину, и его стеклянные глаза смотрят в небо, как у генерала. Дроны не щадили никого - они действовали с хи-

рургической точностью, врезаясь в самые уязвимые места. У большинства солдат пробиты головы - аккуратные отверстия в висках, затылках, лбах, из которых всё ещё сочится тёмная, густая кровь, смешанная с серым веществом. У других - груди: дроны влетали в область сердца или лёгких, оставляя рваные раны, из которых медленно вытекает последнее тепло жизни. У третьих - животы: осколки пластика и металла разорвали внутренности, оставив после себя лишь кровавое месиво и ужас на лицах. Здесь нет массовых взрывов, нет огня, нет столбов дыма. Каждое тело - как отдельное произведение искусства. Искусства смерти, созданного бездушными машинами, которые запрограммированы на уничтожение.

Над полем, через двадцать минут после того, как улетел рой, появляются дроны-уборщики - крупные, громоздкие, с металлическими клешнями и широкими контейнерами. Они работают молча, методично, без эмоций: захватывают тело, грузят в контейнер, переходят к следующему. Их задача - стереть все следы. Через час здесь не останется ни крови, ни осколков, ни даже отпечатков ботинок на земле. Поле будет выглядеть так, будто на нём никогда никого не было. Никаких следов. Никаких доказательств. Никаких имён. Дроны-уборщики не спрашивают, чьи это тела, не записывают их в реестры, не отправляют родственникам извещения. Они просто грузят их в контейнеры, которые затем отвезут в крематорий, где всё превратится в пепел и будет развеян над океаном. Потому что у этих солдат нет семей, которые жда-

ли бы их. У них нет домов, куда можно было бы вернуться. У них нет даже официальных имён - в корпоративных базах данных они числились как «нелегалы», «утратившие идентификацию» или просто «аномальные тепловые следы». Они - последняя армия свободы. И они исчезли, не оставив после себя ничего, кроме пустоты и воспоминаний в головах тех, кто их уничтожил.

Штаб-квартира «Нейра-Инфра». Главный зал заседаний. Два часа спустя.

Совет директоров собрался в полном составе. За длинным столом из чёрного стекла, инкрустированного светящимися золотыми линиями, сидят пятнадцать человек - топ-менеджеры четырёх крупнейших корпораций: «Нейра-Инфра», «Солар-Сити», «Кибер-Фонд» и «Грин-Матрикс». На их лицах - никаких эмоций, только профессиональная сдержанность и лёгкое нетерпение. Они ждут отчёта. Большой голографический экран в центре стола транслирует видео с поля боя - кадры, снятые дронами-разведчиками во время атаки. Видео идёт без звука, потому что звук - это лишнее. На экране - мелькание теней, вспышки взрывов, падающие тела. Никто из директоров не отворачивается. Они смотрят так же, как смотрели бы отчёт о производственных показателях.

Генеральный директор «Нейра-Инфра», старик с острым, как лезвие, лицом и бледно-голубыми глазами, медленно поднимается из своего кресла. Ему за семьдесят, но он выглядит лет на пятьдесят - дорогие процедуры, генная тера-

пия, имплантаты. На нём безупречный тёмно-синий костюм, который стоит больше, чем годовой доход целого квартала «Нью-Эдема». Он обводит взглядом собравшихся и начинает говорить, его голос - сухой, спокойный, безжизненный, как голос диктора в новостях.

- Дамы и господа, - произносит он, слегка коснувшись стола кончиками пальцев. - Как вы можете видеть на представленных кадрах, угроза полностью нейтрализована. Последняя армия лоялистов - остатки бывших вооружённых сил Соединённых Штатов, возглавляемые генералом Майклом Стоуном, - уничтожена в ходе операции «Чистый лист». Сопротивление разбито на всех уровнях: нет больше боевых подразделений, нет координационных центров, нет лидеров, способных организовать новую атаку. Это была последняя капля в сосуде старого мира. Она пролилась, и сосуд опустел.

Он замолкает, давая своим словам осесть в сознании присутствующих. В зале - тишина. Никто не аплодирует, никто не улыбается. Они просто смотрят на него, ожидая дальнейших инструкций. Для них это не победа - это просто этап. Точка в плане, которую нужно отметить и двигаться дальше.

- Это был последний шаг, - продолжает директор, его голос становится чуть тише, почти конфиденциальным. - Государства больше не имеют силы. Армий больше нет. Ресурсов для сопротивления не осталось. Мы можем переходить к финальной стадии проекта «Единство». Договор 404 будет подписан в течение месяца. Все региональные администра-

ции уже уведомлены о своём роспуске. Переходный период продлится не более двух лет, после чего структура управления будет полностью перестроена под наши стандарты. Вопросы нет.

Он обводит взглядом присутствующих. Один из директоров «Кибер-Фонда», женщина лет пятидесяти с короткой платиновой стрижкой, поднимает руку, чтобы задать вопрос. Директор «Нейра-Инфра» кивает ей.

- Я понимаю, что мы обсуждаем практические аспекты, - говорит она. - Но я хотела бы спросить: стоит ли зафиксировать хоть что-то для истории? Мы победили. Это важный момент. Может быть, записать видеообращение, создать архив для будущих поколений? Чтобы они знали, как мы построили этот мир.

Директор «Нейра-Инфра» смотрит на неё в течение долгой секунды, и его глаза становятся ещё холоднее, если это возможно. Он слегка наклоняет голову и отвечает, чуть повысив голос:

- Не нужно, - отрезает он. - История будет написана нами. Мы решим, что помнить, а что забыть. Мы решим, какие события войдут в учебники, а какие исчезнут, как этот отряд, который мы только что уничтожили. Не важно, что было. Важно, что будет. А в нашем будущем нет места для рассказов о тех, кто пытался остановить нас. Они не заслуживают памяти. Они заслуживают забвения.

В зале - молчаливые кивки. Директора одобрительно пе-

реглядываются. Они уже не смотрят на экран, где всё ещё идёт трансляция с поля боя. Они переключают свои взгляды на будущее - на схемы новых городов, на планы перераспределения ресурсов, на графики подписания контрактов. Для них генерал Стоун и его сто пятьдесят солдат - не герои и не мученики. Они просто статистическая погрешность, устаревшие данные, которые были успешно удалены из системы.

Экран гаснет, и на его месте появляется голографическая карта мира - уже знакомая, вся синяя, без единого красного пятна. На ней начинают проступать новые линии - административные границы корпоративных секторов, маршруты логистических цепочек, зоны контроля. Люди, которые когда-то жили в этих городах, теперь просто точки на карте - ресурсы, которые нужно распределить, активы, которые нужно учесть. И никто из них не узнает, что сегодня, на этом поле, погибла последняя надежда на то, что когда-нибудь они снова станут свободными.

Внешний периметр. Через час после уборки.

Поле выглядит так, будто на нём никогда ничего не было. Трава примята, но уже начинает распрямляться. Земля чуть темнее в тех местах, где была кровь, но к завтрашнему дню и это исчезнет. Ветер поднимает пыль, гоняет её по пустому пространству, и единственное, что осталось от последней армии свободы, - это несколько отпечатков подошв, которые быстро заносит песком.

Где-то вдалеке, на вершине холма, стоит старый бакен для

воды, который когда-то использовали фермеры. Его краска облупилась, и сквозь ржавчину проступает надпись, сделанная белой краской много лет назад: «Мы не забудем». Кто и когда её написал - неизвестно. Но теперь она кажется насмешкой. Потому что уже через неделю никто не вспомнит ни имён, ни лиц, ни голосов. Исчезнут не только солдаты - исчезнет сама память о том, что они когда-то существовали.

К сумеркам на поле приходят бездомные собаки. Они обнюхивают землю, ищут еду, но находят только запах смерти. Они скулят и уходят. Ветер становится холоднее. Ночь опускается на Силиконовое ущелье, и ничего не напоминает о том, что утром здесь шёл бой. Только тишина - глубокая, абсолютная, похоронная.

СЦЕНА 4. РЕАКЦИЯ МИРА

Июль 2071 года. Мир смотрит.

В тот день, 23 июля 2071 года, в 14:00 по гринвичскому времени, все экраны мира включились одновременно. Каждый монитор, каждая голографическая панель, каждый коммуникатор, каждый общественный дисплей на площадях и вокзалах - всё переключилось на единый канал корпоративной сети «Нейра-Инфра». Не было предупреждений, не было анонсов, не было голоса диктора, который объяснил бы, что сейчас произойдёт. Просто изображение: поле боя, снятое с высоты птичьего полёта, с десятка разных ракурсов, в сверхвысоком разрешении, которое позволяло разглядеть каждую деталь. И на этом поле - люди. Сто пятьдесят чело-

век, которые бегут, падают, кричат (звука нет, только картинка), и тысячи серебристых дронов, которые кружат над ними, методично уничтожая их одного за другим. Камера не отворачивалась, не сглаживала детали, не ставила цензуру. Всё было показано в мельчайших подробностях: как дрон врежется в грудь солдата, как тот падает, как кровь растекается по земле, как другой дрон находит следующую цель. Операторы корпорации не скрывали жестокости - они демонстрировали силу. Потому что сила не нуждается в оправданиях, она нуждается только в зрителях.

Миллионы людей по всему миру смотрели на это в прямом эфире. В каждом городе, в каждом посёлке, в каждом модуле «Нью-Эдема» экраны транслировали одно и то же. В кафе, где подавали синтетический кофе, посетители замирали с чашками в руках, глядя в стены, превращённые в панорамные дисплеи. В парках, где раньше играли дети, взрослые останавливались, поднимали головы к голографическим экранам, встроенным в фонарные столбы, и молчали. В офисах, где работали с данными, служащие отрывались от своих задач, чтобы посмотреть в окна, которые тоже стали экранами. Никто не произносил ни слова. Тишина была абсолютной, как будто мир задержал дыхание.

В «Нью-Эдеме», городе-коробке, где живут миллионы Пользователей, люди собирались группами у общественных терминалов. Они стояли плотными рядами, плечом к плечу, и смотрели на экран. Лица у всех были одинаковыми - блед-

ные, застывшие, без эмоций. Кто-то сжимал кулаки, кто-то прикрывал рот рукой, кто-то просто смотрел, не моргая. Но никто не кричал, не плакал, не протестовал. Все боялись. Боялись, что если они произнесут хоть слово, если на их лице промелькнёт хоть тень неодобрения, дроны прилетят и к ним. Боялись, что их идентификационные номера будут отмечены как «неблагонадёжные». Боялись, что их выселят из модулей, отключат тепло, заберут синтетическую еду. Страх был сильнее боли, сильнее гнева, сильнее самого желания жить.

Чарльз Дэвис сидит в своей каморке на шестом этаже старого дома в Бронксе. Ему уже семьдесят два, его спина сторблена, руки трясутся от холода и возраста. Он не выходил на улицу уже несколько дней - не было сил. Он смотрит на маленький экран своего коммуникатора, который он когда-то купил на чёрном рынке за три токена. На экране - поле боя, которое он узнаёт: Силиконовое ущелье, те самые склады, где он когда-то работал курьером, разнося посылки в 2040-х. Теперь там лежат тела. Он видит солдат, которые падают один за другим. Он видит, как дрон врежется в грудь человека, который пытается бежать. Он видит, как другой солдат, уже раненный, ползёт по земле, оставляя за собой кровавый след. Чарльз не отворачивается. Он смотрит, потому что не может не смотреть. Это его мир. Это его конец.

Он выключает экран. Кладёт голову на руки. Он не плачет - слёз нет, только сухая, колючая пустота в груди. Он дума-

ет о Джейкобе, о своей дочери, которая умерла в 2068 году от болезни, потому что не было лекарств. Он думает о своей жене, которая ушла от него в 2055-м, потому что он не мог защитить её от корпораций. Он думает о том, что всё, за что он боролся, все его надежды, все его попытки сохранить человеческое достоинство - всё это превратилось в пепел на этом поле.

- Мы проиграли, - шепчет он в пустоту. - Навсегда.

Он сидит так долго, пока свет за окном не начинает угасать. Он не включает экран снова. Он просто смотрит в стену, которая когда-то была белой, а теперь покрылась трещинами и плесенью. Он знает, что завтра утром, когда он выйдет за водой, соседи не поднимут на него глаз. Они будут смотреть вниз, в землю, потому что боятся. И он будет смотреть вниз, потому что он тоже боится.

Берлин. Александерплац. 15:00 по местному времени.

На главной площади, где когда-то стояла телебашня, теперь возвышается гигантский голографический экран, установленный корпорациями в 2065 году. На нём - повторяющиеся кадры: дроны, падающие солдаты, кровь. Люди выходят на площадь десятками, сотнями, тысячами. Они не бегут, не кричат, не держат плакатов. Они просто стоят и смотрят. Пожилые женщины в пальто, которые помнят времена, когда Берлин был разделён стеной и снова объединён, теперь видят, как их мир объединяют в единую корпоративную империю. Молодые парни с опущенными плечами, которые ро-

дились уже в эпоху кризиса, не знают, что можно сделать - они никогда не видели сопротивления, которое бы победило. Дети, которых держат за руки родители, смотрят на экран и не понимают, почему люди падают и не встают.

Некоторые начинают плакать. Тихо, беззвучно, утирая слёзы рукавами. Но никто не присоединяется к ним. Все молчат. Потому что даже тихий плач может быть зафиксирован камерами слежения. Даже движение губ может быть распознано как потенциальная угроза.

Через час площадь пустеет. Люди расходятся по домам, уходят в метро, садятся в поезда. Они не говорят друг с другом. Они не обсуждают увиденное. Они просто делают вид, что ничего не произошло, потому что так легче выжить.

Париж. Набережная Сены. 16:00 по местному времени.

Туристов больше нет, только местные жители, которые выживают в этом новом мире. Они стоят у перил, глядя на экран, встроенный в здание старого музея. На нём - замедленные кадры: как дрон врежется в плечо солдата, как тот падает на землю, как его тело остаётся лежать неподвижно. Старик в берете, который когда-то был художником, вынимает из кармана маленький складной мольберт и начинает рисовать карандашом. Он не смотрит на экран - он смотрит на свою бумагу. На ней появляются контуры поля боя, силуэты падающих тел, рои дронов. Когда он заканчивает, он рвёт листок на мелкие кусочки и бросает их в Сену. Ключки бумаги плывут по тёмной воде, растворяются, исчезают.

Единственный протест, на который он осмелился, был таким тихим, что его никто не заметил.

Лондон. Площадь Пикадилли. 17:00 по местному времени.

Экраны погасли. Трансляция закончилась. Но люди всё ещё стоят, глядя на тёмные панели. Кто-то начинает тихо аплодировать - не победе, а павшим. Этот звук, сначала едва слышный, нарастает. Десятки ладоней хлопают в тишине, как будто провожают героев в последний путь. Но через несколько минут из динамиков на столбах раздаётся записанное предупреждение: «Несанкционированное собрание запрещено. Немедленно разойдитесь. В противном случае будет применена сила». Люди расходятся, как по команде. Аплодисменты стихают. Площадь снова становится пустой.

Токио. Сибуя. 20:00 по местному времени.

Молодёжь, которая когда-то собиралась на перекрёстке, чтобы просто тусоваться, теперь стоит с опущенными головами. На гигантских экранах на зданиях - всё те же кадры. Сотни тысяч людей видят смерть последней армии. Но они не разговаривают друг с другом. Они просто смотрят, а затем расходятся по своим модулям, к своим семьям, к своим рабочим местам. Никто не делает шага, который мог бы быть воспринят как вызов. Никто не рискует. Только один парень, лет двадцати, закрывает глаза и шепчет: «Мы не забудем». Но его голос тонет в шуме города, и никто не слышит его.

Штаб-квартира «Солар-Сити». Спустя два часа после

трансляции.

Джош Холл сидит в своём кабинете на 87-м этаже и смотрит на мониторы, где транслируются сводки из разных городов: Берлин, Париж, Лондон, Токио, Москва, Нью-Йорк. Нигде - ни одного протеста, ни одного выступления, ни одного призыва к бунту. Только молчание и страх. Он смотрит на это и чувствует лёгкое разочарование, смешанное с удовлетворением. Он хотел увидеть хоть какой-то признак жизни, хоть какую-то искру, которую нужно было бы погасить. Но её не было. Мир принял поражение.

Он откидывается на спинку кресла и поднимает бокал с водой.

- Идеально, - шепчет он. - Просто идеально.

Он ставит бокал и закрывает глаза. В его голове - уже планы на завтра. Завтра он начнёт переписывать историю.

СЦЕНА 5. КОНЕЦ ЭТАПА

Июль 2071 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». 87-й этаж.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над «Нью-Эдемом» в багрово-золотые тона, которые отражались в стёклах штаб-квартиры, превращая её в гигантский маяк, горящий над мёртвым городом. В кабинете на 87-м этаже царил полумрак - шторы были опущены, только голографическая карта мира в центре стола излучала ровное синее свечение, освещая лица собравшихся холодным, безжизненным светом. Джош Холл сидел во главе стола, его фигура чётко

выделялась на фоне мерцающей проекции. Он был одет в безупречный тёмный костюм, без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки - единственная уступка усталости, которую он позволял себе в присутствии коллег. Его волосы, полностью седые, были аккуратно зачёсаны назад, лицо, изрезанное глубокими морщинами, не выражало ни триумфа, ни облегчения - только спокойную, выверенную уверенность человека, который привык побеждать и не видит в этом ничего особенного.

Перед ним, по обе стороны длинного чёрного стола, сидели ключевые фигуры корпоративной империи: директора региональных отделений «Солар-Сити», руководители департаментов «Кибер-Фонда», операционные директора «Нейра-Инфра», представители совета «Грин-Матрикс». Всего двадцать три человека - те, кто строил этот новый мир, кто подписывал контракты, кто закрывал глаза на смерть миллионов, кто превратил планету в единую корпоративную сеть. Их лица светились удовлетворением - они знали, что становятся свидетелями исторического момента, который будет записан в анналы, но не как победа демократии, а как начало эры абсолютного контроля. Они переглядывались, обменивались короткими улыбками, поднимали бокалы, но ни один из них не произносил лишнего слова - они ждали, пока заговорит Джош.

Он поднялся из-за стола, опершись ладонями о полированную поверхность, и обвёл взглядом карту, парящую пе-

ред ним. Синие огни городов пульсировали в такт его дыханию, как сердце единого организма. Он провёл пальцем по контуру бывшей Северной Америки, затем по Европе, Азии, Африке, Южной Америке - везде был только синий. Ни одной красной точки, ни одного очага сопротивления, ни одной «серой зоны», где ещё сохранялась неопределённость. Последние искры свободы погасли сегодня утром на поле в Силиконовом ущелье.

- Дамы и господа, - произнёс Джош, и его голос, низкий и ровный, разнёсся по залу, заставляя присутствующих выпрямиться. - Позвольте мне подвести итог. Восемь лет назад мы начали этот путь. Восемь лет мы планомерно, шаг за шагом, отключали города, душили экономики, уничтожали государства. Мы были хирургами, которые удаляли раковую опухоль коллективного безумия, называемого демократией. Сегодня, 23 июля 2071 года, в 14:00 по гринвичскому времени, мы нанесли последний удар по сопротивлению. Битва при Вашингтоне - завершена. Государства мертвы. Не ослаблены, не приостановлены - мертвы. Сопротивления больше нет. Никто не поднимется, никто не восстанет, никто не посмеет бросить нам вызов.

Он сделал паузу, давая словам осесть, и медленно обошёл стол, останавливаясь рядом с картой. Его отражение множилось в полированных стенах, создавая иллюзию, что он повсюду - в каждом углу, в каждом взгляде.

- Мы стоим на пороге нового этапа, - продолжил он, его го-

лос стал чуть тише, почти интимным. - Через две недели, 18 августа, состоится «Великое Подписание». Договор 404 - документ, который навсегда закрепит наш контроль над человечеством. Триста двадцать семь бывших государственных образований, все региональные администрации, все суды, все банки, все военные формирования передадут свои полномочия нам - корпорациям. Не будет больше флагов, гимнов, конституций. Не будет больше выборов, парламентов, политических партий. Будет только одна структура - корпоративный совет, который мы создадим на основе наших интересов. Мы перепишем историю, дамы и господа. Мы создадим новый мир. Наш мир. Мир, где нет места случайностям, ошибкам, бунтам. Мир, где каждый знает своё место и доволен им. Мир, который не знает, что такое голод, война или свобода, потому что свобода - это иллюзия, от которой мы избавили их раз и навсегда.

Он подошёл к столу, взял свой бокал - хрустальный, идеально отполированный, с двумя кубиками льда, которые уже начали таять. В бокале плескался коньяк, выпущенный ещё в 2030-х годах, до того, как виноградники стали собственностью «Грин-Матрикс». Джош поднял его над головой, и свет, преломляясь через янтарную жидкость, окрасил его лицо в тёплый, почти человеческий цвет.

- За свободу, - произнёс он, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка, которую заметили только самые внимательные. - За экономику. За нас. За мир, который мы постро-

или на руинах их иллюзий.

Один за другим директора поднимали свои бокалы. Звон стекла разнёсся под высоким потолком - чистый, торжественный, почти хоральный. Никто не произносил длинных тостов, никто не хлопал в ладоши. Сдержанные кивки, короткие улыбки, быстрые глотки - всё это было ритуалом, формальностью, за которой скрывалась глубокая, почти животная уверенность в собственном величии. За столом сидели те, кто не задавал вопросов, кто не сомневался, кто привык получать желаемое, не оглядываясь назад.

Джош поставил бокал на стол и повернулся к панорамному окну. Внизу, насколько хватало глаз, раскинулся «Нью-Эдем» - его город, его творение, его гордость. Миллион окон, миллион ячеек, миллион существ, которые просыпались по сигналу, ели синтетическую пищу, работали на конвейерах, выполняли задачи, которые им назначали алгоритмы, и ложились спать, не подозревая, что их жизнь - не их собственная. Они называли себя гражданами, жителями, людьми. Но в корпоративных реестрах они значились как «Пользователи» - активы в глобальной системе учёта, расходный материал для поддержания инфраструктуры. Их надежды, их страхи, их воспоминания - всё это было оцифровано, проанализировано, упаковано в дата-центры, где хранилось до тех пор, пока не становилось неактуальным.

Джош смотрел на этот мир, который он создал своими руками, и чувствовал странную пустоту внутри. Он достиг все-

го, чего хотел. Он построил систему, в которой нет места случайностям, ошибкам, человеческой слабости. Он стёр с лица земли всё, что могло ему противостоять. Но внутри, где-то глубоко, в той части его существа, которую он похоронил много лет назад, что-то молчало. Он вспомнил свой первый день в корпорации - тогда, в 2045-м, когда он был просто стажёром, мальчишкой с горящими глазами, который верил, что технологии освободят человечество. Он вспомнил, как сидел в общежитии «Нью-Эдема» в первую ночь и смотрел в потолок, мечтая, что однажды он изменит мир к лучшему. Теперь этот мир лежал у его ног, идеально структурированный, абсолютно предсказуемый - и абсолютно мёртвый внутри, как и он сам.

Он стоял у окна, и его отражение в стекле казалось призраком. Улыбка на его лице постепенно угасала, сменяясь задумчивым, почти меланхоличным выражением. Где-то за спиной раздались голоса - директора обсуждали детали Договора 404, распределение зон влияния, графики подписания. Джош слышал их, но не вслушивался. Он смотрел вниз, на город, который стал его тюрьмой.

- Джош, - раздался голос сбоку. Маргарет, одна из директоров, подошла к нему и встала рядом, её голос был тихим и осторожным. - С вами всё в порядке? Вы выглядите уставшим.

Джош моргнул, возвращаясь в реальность. Он повернулся к ней и выдавил вежливую, почти убедительную улыбку.

- Всё идеально, Маргарет, - ответил он. - Просто я думаю о том, сколько работы нам ещё предстоит. Договор 404 - это только начало. Нам нужно переобучить население, пересформатировать образование, переписать учебники, перезапустить культурные коды. Мы будем создавать человека нового типа - человека, который не будет задавать вопросов. Который будет благодарен за то, что у него есть крыша над головой и синтетический белок на ужин. Это займёт десятилетия.

- Но вы готовы, - сказала Маргарет, не вопрос, а утверждение.

- Всегда готов, - ответил Джош, поворачиваясь спиной к окну и возвращаясь к столу.

Он подошёл к карте, снова коснулся синих точек, и все они начали мерцать, пульсировать, как сердце единого организма. Он смотрел на это сияние и чувствовал, как внутри него разрастается та же пустота, которую он когда-то назвал бы свободой. Теперь он не был уверен, что знает значение этого слова.

Через месяц, 18 августа 2071 года, в зале заседаний штаб-квартиры «Солар-Сити» было подписано «Соглашение 404». Под ним поставили свои подписи 327 представителей бывших государственных образований - те немногие чиновники, которые согласились сохранить свои должности в новой иерархии. Документ был подписан без единой камеры, без репортёров, без свидетелей. Сразу после церемонии

его текст был зашифрован и разослан по всем корпоративным каналам как «новый правовой базис человеческой цивилизации».

На следующий день все новостные порталы корпораций выпустили единый заголовок:

«Эра государств закончена. Добро пожаловать в мир без границ, без конфликтов, без прошлого. Добро пожаловать в будущее.»

И никто из Пользователей не задал вопросов. Потому что вопросов больше не было. Только пустота. И тишина.

ЭТАП 5. «ВЕЛИКОЕ ПОДПИСАНИЕ» (2071–2088)

СЦЕНА 1. ДОГОВОР 404

Сентябрь 2071 года. Нейтральный сектор. Бывшая Швейцария.

Высоко в Альпах, где воздух становится разрежённым, а снег не тает даже летом, стоит здание, которое когда-то было штаб-квартирой Международного банка. Его фасады из серого гранита помнят времена, когда здесь хранились золотые слитки, облигации и секретные счета диктаторов, политиков и олигархов. Теперь золота здесь нет - его вывезли корпорации ещё в 2050-х годах, переплавив в микросхемы и контакты для серверов. Вместо него здесь хранятся документы - контракты, соглашения, акты, которые навсегда меняют ход истории. Самое главное из них - «Договор 404» - лежит на столе из чёрного дерева в главном зале, ожидая подписей.

Джош Холл прибывает первым. Его личный шаттл бесшумно опускается на вертолётную площадку на крыше, и он выходит, накинув на плечи тёплое пальто - даже в сентябре здесь холодно, особенно если привык к климат-контролю в штаб-квартире «Солар-Сити». Он идёт по мраморным коридорам, его шаги гулко отдаются в пустоте. Стены украшены картинами старых мастеров - Рембрандт, Рубенс, Вермеер - всё это куплено корпорациями на аукционах, когда государства распродавали своё культурное наследие, чтобы хоть как-то погасить долги. Джош равнодушно скользит взглядом по полотнам. Для него это всего лишь активы, предметы инвестиций, которые со временем вырастут в цене.

Он входит в главный зал. Это огромное помещение с высокими сводчатыми потолками, когда-то заполненное банкирами, которые решали судьбы целых экономик. Теперь здесь тихо, торжественно и пусто. В центре - длинный стол из чёрного дерева, отполированный до зеркального блеска. За ним три кресла - для трёх главных корпораций: «Солар-Сити», «Кибер-Фонд» и «Нейра-Инфра». Рядом, на более низких ступенях, расположены столы поменьше - для «Грин-Матрикс», «Генезис», «Аврора-Тех» и ещё десятка других корпораций, которые за последние десятилетия выросли до уровня глобальных игроков. Все они - хозяева мира. Все они собрались здесь сегодня, чтобы скрепить свою власть на бумаге.

Джош садится на своё место - центральное, во главе сто-

ла. Перед ним - документ, переплетённый в белую кожу, с золотым тиснением: «Договор 404». Название выбрано иронично. В старых интернет-протоколах код 404 означает «не найдено». Так и здесь: старые законы больше не найдены. Их нет. Они исчезли, как исчезли государства, как исчезла демократия, как исчезла сама идея о том, что люди могут управлять своей судьбой.

Он перечитывает договор, хотя знает его наизусть. Он писал его сам, каждую статью, каждую запятую, каждое слово. Он проверял его с юристами, экономистами, политологами - лучшими умами, которые можно было купить. И он купил их всех. Теперь документ идеален - юридически безупречен, экономически обоснован, политически безжалостен.

Джош начинает перелистывать страницы:

«Договор 404. О создании нового мирового порядка»

Преамбула:

«Мы, нижеподписавшиеся корпорации, осознавая неэффективность государственного управления, невозможность дальнейшего существования национальных суверенитетов в условиях глобального экономического кризиса и экологической катастрофы, руководствуясь принципами экономической эффективности, технологического прогресса и социальной стабильности, постановляем следующее...»

Он улыбается. «Неэффективность государственного управления» - как красиво сформулировано. На самом деле государства были уничтожены систематически, шаг за ша-

гом: сначала их лишили права печатать деньги, затем - контролировать идентификацию, затем - управлять энергией и продовольствием. К тому времени, когда они попытались сопротивляться, у них уже не осталось ресурсов. Только пустые здания парламентов, забытые конституции и президенты, которые просили милостыню у корпоративных директоров.

Он переворачивает страницу:

Статья 1. О роспуске государств

«1.1. Все государства, существующие на момент подписания настоящего Договора, подлежат роспуску в течение пяти лет.

1.2. Активы государств (здания, инфраструктура, военные объекты, природные ресурсы, интеллектуальная собственность) переходят корпорациям в счёт погашения долговых обязательств.

1.3. Государственные институты (парламенты, суды, правительства) упраздняются. Их функции передаются корпоративным структурам.

1.4. Все международные договоры, соглашения и конвенции, заключённые государствами, аннулируются как недействительные».

Джош смотрит на эти строки и чувствует удовлетворение, смешанное с лёгким презрением. Он помнит, как в 2040-х годах государства подписывали кредитные соглашения с корпорациями, не читая мелкий шрифт. Они думали, что

берут деньги на развитие. Они не понимали, что подписывают себе смертный приговор. Теперь они подпишут этот договор. Или не подпишут - их мнение не имеет значения.

Он перелистывает ещё несколько страниц:

Статья 2. О статусе населения

«2.1. Граждане бывших государств переименовываются в Пользователей.

2.2. Пользователи не имеют прав, установленных государственными законами. Их статус определяется Условиями использования, которые принимаются при регистрации в Цифровой системе идентификации.

2.3. Корпорации имеют право изменять Условия использования в одностороннем порядке, уведомляя Пользователей через цифровые системы.

2.4. Нарушение Условий использования является основанием для ограничения доступа Пользователя к корпоративным услугам, включая, но не ограничиваясь: отключение от энергоснабжения, прекращение продовольственного снабжения, лишение цифровой идентификации».

Джош усмехается. «Отключение». Какое простое слово. Оно означает смерть. Но в договоре этого не написано. Только «ограничение доступа». Юридически безупречно. Никакого упоминания о том, что человек, которого «отключили», умирает от холода или голода в течение нескольких дней. Никакой ответственности. Только процедура.

Он перелистывает дальше:

Статья 3. О вооружённых силах

«3.1. Национальные армии подлежат расформированию.

3.2. Корпорации создают Частные Вооружённые Силы (ЧВС) для обеспечения безопасности и правопорядка.

3.3. ЧВС не подчиняются ни одному государству и действуют на основании контрактов с корпорациями.

3.4. Любое сопротивление, направленное против корпоративного порядка, рассматривается как нарушение Условий использования и подлежит пресечению с использованием всех доступных средств».

Джош смотрит на эти строки. «Все доступные средства». Дроны «Саранча». Автоматические турели. Наёмники. Всё, что нужно для подавления сопротивления. И никаких трибуналов, никаких судов, никаких адвокатов. Только мгновенная реакция - и тело убирают дроны-уборщики.

Он закрывает договор. Он идеален. Он - закон нового мира. В нём нет недостатков, нет противоречий, нет лазеек. Всё, что осталось - это подписи.

В зал начинают входить другие директора. Один за другим они занимают свои места за длинным столом. Все в безупречных костюмах, все с одинаковыми выражениями - спокойные, деловые, безэмоциональные. Они не здороваются друг с другом, не обмениваются любезностями. Это не светское мероприятие. Это сделка. Самая крупная сделка в истории человечества.

Когда все усаживаются, Джош поднимается из своего

кресла. Он обводит взглядом собравшихся и начинает говорить - без подготовленной речи, без пафоса, просто констатируя факты:

- Дамы и господа, - говорит он. - Мы собрались здесь, чтобы подписать документ, который положит конец эпохе хаоса и нестабильности. Последние пятьдесят лет мы наблюдали, как государства разрушают экономики, развязывают войны и истощают ресурсы. Мы предлагаем альтернативу. Эффективную. Рациональную. Стабильную. Договор 404 - это не просто соглашение. Это конституция нового мира. Мира, где нет места случайностям, ошибкам, человеческой слабости. Только порядок, только прогнозируемость, только рост.

Он делает паузу, позволяя словам осесть. В зале - абсолютная тишина. Слышно только, как гудит система кондиционирования.

- Я не буду зачитывать договор, - продолжает он. - Вы все знаете его содержание. Мы обсуждали его месяцами, вносили правки, достигли консенсуса. Теперь осталось только поставить подписи. Но прежде чем мы это сделаем, я хочу сказать вам одну вещь. То, что мы создаём сегодня - это не просто власть. Это ответственность. Ответственность за семь миллиардов Пользователей, которые будут жить по нашим правилам. Мы не можем позволить себе ошибок. Мы не можем позволить себе слабости. Мы не можем позволить себе сострадания. Мир, который мы строим, не прощает слабых.

Он замолкает, затем берёт золотую ручку, лежащую пе-

ред ним. На ней выгравировано его имя - «Джош Холл. Солар-Сити».

- Кто готов подписать? - спрашивает он.

Один за другим директора поднимают руки. Джош ставит свою подпись внизу последней страницы - чётко, без помарок, как много лет назад ставил подписи под контрактами на поставку энергии. Затем передаёт ручку дальше. Директор «Кибер-Фонда» подписывает, затем «Нейра-Инфра», затем «Грин-Матрикс», затем все остальные. Процесс длится около часа. Каждая подпись - это ещё один шаг к новому миру. Каждая подпись - это смерть старого.

Когда последняя подпись поставлена, Джош снова поднимается. Он берёт договор в руки, поднимает его над головой, чтобы все видели.

- Дамы и господа, - произносит он. - Поздравляю. Мы создали новый мир. Сегодня - начало новой эры. Эры, где нет государств. Нет границ. Только экономика. Только мы. Только порядок.

В зале раздаются аплодисменты - сдержанные, вежливые, без лишнего энтузиазма. Директора знают, что это не победа - это начало. Теперь начинается самая сложная работа: внедрение договора в реальность. Переобучение населения. Перереформатирование экономики. Переписывание истории.

Джош садится на своё место и смотрит на договор, лежащий перед ним. Он знает, что этот документ войдёт в историю. Но не как «Договор 404». Как «Великое Подписание».

Как момент, когда человечество перестало быть свободным. И никто не заметил.

Он убирает договор в кейс, поднимается из-за стола и идёт к выходу. На пороге он останавливается, бросает последний взгляд на зал, где когда-то вершились судьбы мира. Теперь этот мир принадлежит ему. И всем другим корпорациям, которые стоят за ним. Но если быть честным до конца - мир принадлежит только ему. Потому что он первый. Он автор. Он архитектор.

Он выходит из зала. За его спиной остаётся пустота. Впереди - будущее, которое он создал. И в этом будущем нет места тем, кто не подписал договор. Тем, кто всё ещё верит в свободу. Тем, кто не понял главного: свобода умерла. Её заменили на эффективность.

Через месяц текст «Договора 404» был опубликован во всех цифровых сетях корпораций. Новости называли его «Великим Соглашением». В учебниках, которые начали переписывать, его называли «Хартией Глобальной Стабильности». И никто из Пользователей не прочитал его полностью. Потому что он был слишком длинным. И слишком скучным. И слишком далёким от их жизни.

Только один человек - бывший сенатор Уильям Коллинз, который доживал свои дни в заброшенной деревне в Огайо - прочитал весь текст. Он прочитал его трижды, а потом сжёг бумагу в печке и сказал вслух:

- Они сделали это. Они действительно сделали это.

На следующее утро его нашли мёртвым. В официальном заключении корпорации было сказано: «Смерть по естественным причинам».

Но никто не спросил, какие причины могут быть естественными для человека, который потерял всё, за что боролся.

СЦЕНА 2. РАСПАД ГОСУДАРСТВ

Октябрь 2071 года. Вашингтон. Белый дом.

В Овальном кабинете больше не было президента. Кресло за столом, где когда-то сидели те, кто вершил судьбы величайшей державы мира, пустовало. Его обивка выцвела, на подлокотниках появились потёртости, а сам стол, покрытый слоем серой пыли, уже никто не протирал. На стенах остались только прямоугольники более светлых обоев - портреты прежних президентов были сняты и упакованы в ящики. Их ждала участь антиквариата: частные коллекции, корпоративные архивы или переплавка. Никто не знал точно. Никого это больше не волновало.

За окнами, на лужайке, где когда-то президентские вертолёты взлетали и садились, толпились туристы. Но они больше не щёлкали камерами и не махали флагами. Они просто стояли, глядя на здание, которое когда-то было символом свободы. Теперь это был просто музей. Или скоро станет. Корпорации уже обсуждали планы по его переоборудованию в «выставочный центр корпоративной истории», где будут демонстрироваться достижения «Солар-Сити» и «Ки-

бер-Фонда». Старая Америка должна была стать экспонатом. Наглядным пособием для будущих поколений Пользователей, которые будут изучать «эпоху хаоса и неэффективности».

Внутри здания кипела работа - инвентаризация. Сотрудники корпораций, одетые в одинаковую синюю униформу, ходили по коридорам, открывали шкафы, выдвигали ящики, описывали имущество. Мебель, картины, документы, посуда - всё это теперь имело инвентарные номера и переходило в собственность «Солар-Сити». Всё, начиная от президентского стола и заканчивая кухонной утварью. Даже ковры, по которым ступали ноги Кеннеди, Рейгана, Обамы, скатывали в рулоны и маркировали как «предметы исторического значения». Каждый предмет получал свою цену в корпоративных токенах. Свобода тоже получила бы свою цену, если бы её можно было продать. Но свободу нельзя было продать. Её можно было только забыть.

Чарльз Дэвис стоял на лужайке перед Белым домом, держа в руках потёртую сумку курьера. Ему было семьдесят два года, его спина болела, колени дрожали, но он всё ещё работал - доставлял посылки в этом новом мире, где курьеров заменили дроны, но иногда требовался человек, чтобы обойти ограничения алгоритмов. Он приехал в Вашингтон случайно - заказ был в соседнем квартале, и он решил зайти. Посмотреть в последний раз. Он не знал, что в последний, но чувствовал это всем своим существом.

Он поднял глаза на фасад здания. Когда-то, в 2020-х, он смотрел на него по телевизору, когда президент обращался к нации. Он помнил те моменты - семья собиралась у экрана, все замирали, слушая слова о свободе, о демократии, о том, что Америка - самая великая страна в мире. Он верил в это. Он верил, что его дети будут жить лучше, что страна будет процветать, что будущее будет светлым. Теперь его дети мертвы - один умер от голода в 2053-м, другой пропал без вести в 2060-м, когда его квартал «отключили» за неуплату корпоративных сборов. Внуков у него не было - они так и не родились. И Америка, которую он знал, тоже умерла.

Над Белым домом, там, где когда-то развевался флаг США, теперь висел другой символ - синий шар с белыми кольцами, логотип «Солар-Сити». Он был большим, ярким, подсвеченным с внутренней стороны, чтобы его было видно за несколько километров. Чарльз смотрел на него и не чувствовал гнева. Только пустоту. Таковую же пустоту, как в его груди, как в его квартире, как в этом городе, который когда-то был сердцем мира.

- Прощай, Америка, - сказал он тихо, почти шёпотом. - Ты была хорошей страной. Пока была.

Он постоял ещё минуту, затем повернулся и зашагал прочь. Ему нужно было доставить ещё одну посылку - пластиковый контейнер с синтетическими протеинами для офиса «Кибер-Фонда» в пригороде. Заказ был срочным. У него не было времени на сантименты.

Ноябрь 2071 года. Лондон. Вестминстерский дворец.

Зал заседаний Парламента был пуст. Длинные скамьи из тёмного дуба, на которых когда-то сидели депутаты, споря до хрипоты о судьбах нации, теперь казались безжизненными рядами. В воздухе витал запах пыли и старой бумаги. Кто-то из уборщиков забыл погасить свет, и он горел тусклым жёлтым светом, отбрасывая длинные тени на пустые кресла. На столе спикера лежал деревянный молоток - тот самый, которым он когда-то призывал к порядку. Теперь он просто лежал, как музейный экспонат, забытый и ненужный.

Сам спикер - высокий седой мужчина с усталым, измождённым лицом - стоял у своей кафедры, собирая последние вещи. Папка с документами, несколько фотографий, потёртая ручка. Он работал здесь тридцать лет, прошёл путь от простого депутата до самого высокого поста в британской политике. Он помнил дебаты о Брексите, о климате, о войнах и мире. Он помнил, как зал был полон, как голоса депутатов сливались в гул, как страна жила и дышала. Теперь всё это было в прошлом. А прошлое не имело значения.

Он окинул взглядом пустые ряды. Большинство его коллег уже ушли - перешли на работу в корпорации, получили контракты, стали менеджерами «Кибер-Фонда» или «Грин-Матрикс». Некоторые просто исчезли - их имена вычеркнули из реестров, как будто их никогда не существовало. Несколько стариков, таких же как он, не дожили до этого дня, умерли от болезней и старости в ожидании конца. Он

был последним, кто покидал это здание. Последним избранным народом.

Он взял папку, вышел из зала и пошёл по коридору. Мимо проносились портреты королей и королев, которые висели здесь веками - от Генриха VIII до Елизаветы II. Их лица смотрели на него с высоты, как свидетели уходящей эпохи. Скоро их тоже снимут, упакуют в ящики и отправят на склад - или продадут на аукционе корпоративным коллекционерам. Их заменят логотипы. Портреты менеджеров. Схемы прибыли.

Он вышел на улицу. Солнце, обычное английское, серое, пряталось за облаками. В воздухе пахло дождём и выхлопными газами электромобилей. Он обернулся и посмотрел на здание, в котором провёл тридцать лет своей жизни. Ему казалось, что оно тоже смотрит на него, как старый друг, который прощается навсегда.

- Конец, - сказал он тихо. - Всё кончилось.

Он сел в машину - старую, ещё бензиновую, которую он сохранил вопреки всем правилам - и завёл двигатель. Больше он никогда не вернётся в это здание. И никто не вернётся. Вестминстерский дворец станет офисом корпорации. Или торговым центром. Или просто руинами. В новом мире не было места для старых символов.

Март 2072 года. Токио. Императорский дворец.

Император сидел в своём тронном зале - единственный человек, который сохранил достоинство в этом мире, где

всё продавалось и покупалось. Ему было восемьдесят лет, его лицо было изрезано глубокими морщинами, а глаза, когда-то яркие и внимательные, теперь потускнели от усталости. Он помнил времена, когда Япония была одной из величайших держав мира - её технологии, её культура, её экономика вдохновляли целые поколения. Теперь она была просто зоной влияния «Грин-Матрикс», одной из множества территорий, которые корпорации поделили между собой, как пирог. Император знал, что его роль, его титул, его история - всё это стало просто формальностью.

Перед ним стоял представитель корпорации - молодой мужчина лет тридцати, в идеальном чёрном костюме, с вежливой, отрепетированной улыбкой, которая не касалась глаз. Он держал в руках планшет, на котором, вероятно, был готовый текст заявления - формальное уведомление о том, что дворец переходит в собственность корпорации, а император должен покинуть его в течение месяца.

- Ваше Величество, - начал представитель, его голос был мягким и почтительным, но в нём чувствовалась сталь - та самая сталь, которая сломала не одну династию. - Мы пришли, чтобы сообщить вам о решении совета директоров «Грин-Матрикс». В соответствии со статьёй 1.2 «Договора 404», все активы государства переходят корпорациям в счёт погашения долговых обязательств. Императорский дворец, как государственная собственность, подлежит передаче. Вам будет предоставлено жилье в одном из корпоративных райо-

нов Токио. Условия проживания соответствуют статусу почётного Пользователя.

Император молчал. Он смотрел на представителя и думал о том, что этот человек даже не представляет, что он только что сделал. Он не говорит о конце династии, о конце истории, о конце всего того, что строилось веками. Он говорит о «статусе почётного Пользователя». Как будто это компенсация.

- Я понимаю, - сказал император наконец. Его голос был тихим, но ровным - голос человека, который принял неизбежное. - Когда я должен покинуть дворец?

- В течение месяца, Ваше Величество. Сотрудники корпорации будут сопровождать вас, чтобы обеспечить комфорт и безопасность.

Император кивнул. Он медленно поднялся с трона, опираясь на резную трость, и подошёл к окну, выходящему в сад. Там, среди вековых деревьев, росли сосны и сакуры, которые сажали его предки столетия назад. Их ветви раскинулись под серым небом, и в них ещё сохранилась жизнь - единственная жизнь, которая не была продана корпорациям. Император знал, что эти деревья тоже вырубят. Вместо сада появятся вертикальные фермы, конвейеры, модули. Всё, что не приносит прибыли, будет уничтожено.

- Я уйду, - сказал он тихо, не оборачиваясь. - Но я прошу об одном. Не уничтожайте сад. Пожалуйста. Эти деревья помнят больше, чем мы. Они - память моей страны.

Представитель колебался. Он знал, что совет директоров не станет сохранять сад ради сантиментов - это экономически невыгодно. Но он также знал, что с императором лучше не спорить. По крайней мере, сейчас.

- Мы постараемся сохранить его, Ваше Величество, - ответил он с той же фальшивой улыбкой.

Император не поверил ему. Но он ничего не сказал. Он просто стоял у окна и смотрел на сад, который уже был мёртв, хотя деревья ещё стояли.

К 2076 году большинство государств перестали существовать. Флаги были сняты во всех столицах мира. Парламенты и конгрессы были распущены. Президенты, короли, императоры - все, кто когда-то олицетворял власть, - либо ушли в отставку, либо исчезли без следа. Их место заняли менеджеры корпораций, которые управляли «зонами влияния» - территориями, разделёнными не по национальным или культурным признакам, а по экономической целесообразности.

Люди смотрели на это и не понимали. Большинство из них родились уже после начала кризиса, они привыкли к корпоративным паспортам, к синтетической пище, к тому, что выборы были чем-то из прошлого, а не частью их настоящего. Они уже не помнили, что такое свобода. Они даже не знали, что это слово когда-то имело значение.

Те, кто пытался протестовать, быстро исчезали. Дроны «Саранча» теперь патрулировали улицы всех городов - не только как оружие, но и как полиция. Они следили за по-

рядком, фиксировали каждое неосторожное слово, каждое подозрительное движение. Они уничтожали любого, кто нарушал Условия использования - без суда, без следствия, без предупреждения.

Мир стал тихим. Слишком тихим. В нём не было звуков протеста, не было криков о помощи, не было даже шёпота надежды. Только гул кондиционеров, шум конвейеров и тихий, монотонный голос диктора в новостях, который сообщал о новых достижениях корпораций.

И никто не задавал вопросов. Потому что вопросов больше не было.

СЦЕНА 3. ЧВС И НОВЫЙ ПОРЯДОК

Май 2075 года. База ЧВС «Феникс-Гард». Пустыня Невада.

В самом сердце пустыни Невада, там, где когда-то взрывались ядерные бомбы и испытывались новейшие самолёты, теперь стояла база частной военной компании «Феникс-Гард». Это была не просто база - это был город, вырезанный из камня и металла, спрятанный от спутников слежения и любопытных глаз. Его здания, сложенные из армированного бетона и стали, выглядели как улы - безликие, серые, функциональные. Внутри них жили и тренировались тысячи наёмников, мужчин и женщин, которые продали свои жизни корпорациям за контракты, которые обеспечивали их семьи синтетической едой, жильём и защитой от дронов «Саранча». Они не задавали вопросов. Они не имели

права задавать вопросы. Они просто выполняли приказы.

Генерал Роберт Хейз стоял на смотровой площадке на самом верху главного административного здания, глядя вниз, на тренировочный полигон, раскинувшийся на несколько квадратных километров. Ему было семьдесят один год, его лицо было изрезано глубокими морщинами, как карта старых войн, а глаза, когда-то ясные и пронзительные, теперь потускнели от многолетней усталости. Он всё ещё носил старую армейскую форму - не корпоративную униформу ЧВС, а настоящую форму армии США, которую он носил ещё в 2020-х годах. Она была выцветла, потёрта на локтях, но он отказывался снимать её. Это было его последнее напоминание о том, кем он когда-то был - и кем больше никогда не станет.

Внизу, на полигоне, сотни солдат в чёрной форме отрабатывали тактику подавления восстаний. Они двигались синхронно, как машины, без единого лишнего движения. Они уничтожали манекены, которые были раскрашены так, чтобы выглядеть как гражданские лица - мужчины, женщины, дети. Их обучали не спрашивать, кто прав, а кто виноват. Их обучали уничтожать всех, кто представлял угрозу для корпоративного порядка. Хейз смотрел на них и видел себя молодого - таким же бездумным, таким же послушным. Он тогда верил, что служит добру. Теперь он знал, что служит злу. Но было слишком поздно что-либо менять.

- Генерал, - раздался голос за спиной. Хейз медленно обернулся и увидел своего заместителя, подполковни-

ка Джеймса Харпера - молодого, амбициозного, с таким же стёклянным взглядом, как у всех, кто прослужил в ЧВС больше пяти лет. - Только что поступил новый приказ от «Кибер-Фонда». Нам нужно подавить восстание в Детройте. Группа бывших граждан - около двухсот человек - пытается восстановить энергосеть. Они подключились к старой подстанции и угрожают нарушить стабильность в регионе.

Хейз смотрел на заместителя долгую секунду. Он знал, что ответ должен быть коротким, как и все его приказы в последние годы. Но внутри него что-то сжалось. Детройт. Город, который он помнил с детства. Город, где он родился, где вырос, где его отец работал на заводе, а мать - медсестрой. Город, который теперь стал символом сопротивления. И его уничтожение поручали ему.

- Отправьте рой, - сказал он наконец. Его голос был ровным, как у диктора в новостях. - Отработайте по стандартной схеме. Полная ликвидация. Никаких свидетелей.

- Понял, сэр, - ответил заместитель, записывая что-то в планшет. - Через час дроны будут на месте. Восстание будет подавлено к утру.

- Доложите о результатах, - сказал Хейз, отворачиваясь обратно к окну.

- Будет исполнено, сэр.

Заместитель вышел, и Хейз остался один. Он смотрел вниз, на тренировочную площадку, где солдаты продолжали отрабатывать приёмы рукопашного боя, пробивая мане-

кены с такой точностью, будто те были настоящими врагами. Вдали, на горизонте, он заметил несколько дронов «Саранча», которые взлетали со стартовых платформ, направляясь на восток, к Детройту. Они летели бесшумно, как стая се-ребристых птиц, и вскоре исчезли за облаками.

Хейз закрыл глаза. Его лицо напряглось, но он не плакал. Он давно разучился плакать. Он думал о том, что мог бы остановить это. Мог бы уйти в отставку, когда в 2050-х годах корпорации начали захватывать власть. Мог бы сказать «нет», когда ему предложили контракт с «Кибер-Фондом». Мог бы бежать, как Стоун, как другие офицеры, которые предпочли смерть предательству. Но он не сделал этого. Он продался. Сначала за деньги, чтобы прокормить семью. Потом за власть, чтобы чувствовать себя нужным. Потом просто за то, чтобы выжить. И теперь он был частью системы. Он не мог уйти, даже если бы захотел - потому что система не отпускала своих слуг.

- Прости, - прошептал он, обращаясь к невидимой Америке, к своему отцу, к матери, к городу, который он собирался уничтожить. - Я должен был быть сильнее. Я должен был умереть, как Стоун. Вместо этого я стал тем, кто убивает таких, как он.

Он открыл глаза. На горизонте уже не было дронов - они ушли на задание. Хейз смотрел в пустое небо и чувствовал только пустоту внутри.

Август 2078 года. Детройт. Руины.

Город, который когда-то был символом американской индустриальной мощи, теперь лежал в руинах. Высотные здания, которые когда-то сверкали огнями, стояли с тёмными, пустыми глазницами окон. Улицы, когда-то запруженные машинами и людьми, теперь были пусты - только ветер гнал по асфальту клочки мусора и пыли. Мосты через реку Детройт были частично разрушены, и никто не собирался их восстанавливать. Город умирал, и никто не пытался его спасти.

Корпорации не проводили здесь военной операции. Они просто отключили энергоснабжение на три месяца в наказание за попытку сопротивления. Без света, без тепла, без воды, без еды город начал задыхаться. Те, кто смог, бежали - ушли в другие зоны, сдались корпорациям, согласились стать Пользователями. Те, кто остался, пытались сопротивляться. Они собирались в подвалах, в старых цехах, в заброшенных школах. Они чинили генераторы, собирали воду, распределяли запасы. Они верили, что смогут продержаться до того момента, пока корпорации не отступят. Но корпорации не отступают. Они только наступают.

Когда дроны «Саранча» прибыли в Детройт, они не встретили сопротивления. Люди не могли стрелять по ним - у них не было оружия. Они могли только прятаться, пытаться укрыться в подвалах, за бетонными стенами, в канализации. Но дроны находили их всех - тепловые следы были слишком яркими для машин, которые видели в темноте лучше, чем люди при свете дня. Один за другим они влетали в укрытия,

оставляя после себя мёртвые тела. Через сорок минут в районе, где пытались восстановить энергосеть, не осталось ни одного живого человека.

Теперь Детройт был зоной отчуждения. Никто не жил здесь - только дроны патрулировали улицы, ища тех, кто нарушил Условия использования, тех, кто пытался вернуться, тех, кто не понял, что сопротивление бесполезно. Трупы лежали там, где их настигли дроны - в подвалах, в канализационных люках, на разбитых улицах. Они оставались там, потому что дроны-уборщики не прилетели. Корпорациям было не до уборки. Они оставили Детройт умирать медленной смертью.

Ветры гуляли по пустым улицам, поднимая пыль и мусор. Где-то далеко, в разрушенном здании, тихо падала вода из прорванной трубы, создавая лужи, в которых отражалось серое небо. Никто не приходил сюда, чтобы посмотреть на то, что осталось от города. Никто не вспоминал, что здесь жили люди, что здесь были школы, больницы, парки, дома, где играли дети. Всё это исчезло, как будто никогда не существовало.

Через несколько лет руины Детройта сровняют с землёй бульдозеры корпораций, и на их месте построят новый завод по переработке пластика. Там будут работать Пользователи из соседних зон. Они будут трудиться на конвейерах, не зная, что под их ногами лежат тела тех, кто когда-то пытался бороться за свободу. Они не будут задавать вопросов.

Они не будут помнить. Они будут просто работать, потому что работа - это единственное, что осталось.

Но на развалинах старого торгового центра, где когда-то висела реклама американских автомобилей, кто-то нацарапал на стене ножом короткую надпись:

«Мы помним. Мы ждём.»

Через месяц дроны найдут эту надпись и сотрут её лазером. Но кто-то напишет новую в другом месте. И так будет продолжаться, пока есть те, кто помнит, что такое свобода. Даже если их осталось всего несколько десятков человек, разбросанных по всему миру, спрятанных в подземельях и забытых шахтах. Они будут ждать. Они будут ждать своего часа.

СЦЕНА 4. ПОСЛЕДНИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Март 2088 года. Нью-Йорк. Больница «Маунт-Синай».

В палате на седьмом этаже, в той части больницы, которую корпорации давно перепрофилировали под «хоспис для престарелых Пользователей с низким статусом», лежал человек, о котором почти никто уже не вспоминал. Его звали Джеймс Харрисон. Ему было семьдесят семь лет, но он выглядел на все девяносто - измождённое лицо, впалые щёки, пожелтевшая кожа, тонкая, как пергамент, и руки, покрытые старческими пятнами и синяками от капельниц. Рак лёгких, диагностированный два года назад, пожирал его тело изнутри, оставляя от бывшего величия лишь тень. Врачи говорили, что ему осталось несколько недель. Но Харрисон знал прав-

ду: у него осталось несколько дней. Может быть, часов.

Он лежал на узкой больничной койке, глядя в побеленный потолок, на котором желтели разводы от протекавшей крыши. За окном, через запylённое стекло, был виден силуэт Манхэттена - не тот, каким он запомнил его в молодости, когда небоскрёбы сверкали огнями, а улицы гудели от тысяч машин. Теперь половина зданий стояла тёмными, их окна были заколочены или выбиты. Те немногие, где ещё горел свет, принадлежали корпорациям, и их логотипы - синие, зелёные, серебряные - подсвечивали ночное небо, как рекламные вывески на кладбище.

Харрисон закрыл глаза и позволил воспоминаниям нахлынуть. Он вспомнил свой первый день в Белом доме, когда ему было всего пятьдесят пять, когда он стоял на лужайке перед Капитолием и принимал присягу. Вспомнил, как держал руку на Библии, которая принадлежала его семье три поколения, и обещал защищать Конституцию от всех врагов - внутренних и внешних. Тогда он действительно верил, что сможет что-то изменить. Вспомнил, как через три года после инаугурации Америка начала разваливаться - сначала экономика, потом города, потом армия. Вспомнил, как стоял на коленях перед Джошем Холлом, умоляя о помощи для своего народа, и как Холл смотрел на него сверху вниз, как на умирающую собаку. Вспомнил, как подписывал Договор 404, понимая, что подписывает смертный приговор своей стране. Он не гордился этим. Он ненавидел себя за это.

Но он не мог ничего изменить. Он был слаб. Слишком слаб.

Дверь палаты открылась, и вошла медсестра - молодая женщина в белой униформе с нашивкой корпорации «Нейра-Инфра». Она даже не взглянула на Харрисона. Она посмотрела на мониторы, проверила показатели давления, пульса, уровня кислорода в крови, записала данные в планшет. Для неё он был просто пациентом - ещё одним стариком, который доживает свои дни в этом хосписе. Она не знала, кто он такой. И если бы знала, ей было бы всё равно.

- Сестра, - прошептал Харрисон, его голос был сухим и хриплым, как шорох листьев. - Можно мне поговорить с доктором Уилсоном?

Медсестра оторвалась от планшета и посмотрела на него с лёгким раздражением. У неё была смена, и ей хотелось уйти домой как можно скорее.

- Доктор Уилсон занят, - ответила она сухо. - У него операция. Он будет через несколько часов.

- Пожалуйста, - умоляюще сказал Харрисон. - Это важно. Очень важно.

Медсестра вздохнула. Она знала, что спорить с умирающими бесполезно - они всё равно не успокоятся, пока не получат своё. Она кивнула и вышла из палаты, пообещав передать просьбу.

Час спустя.

В палату вошёл доктор Уилсон - седой мужчина с усталыми глазами и обвисшими плечами. Он проработал в этой

больнице почти сорок лет, с тех самых пор, когда корпорации ещё не полностью контролировали систему здравоохранения. Он помнил времена, когда врачи принимали решения, а не алгоритмы. Он помнил, когда пациент был не просто «пользователем», а человеком. Но это было давно. Слишком давно.

- Господин президент, - сказал он, присаживаясь на край койки. Его голос был мягким, почти отеческим. - Я слушаю. Что вы хотели мне сказать?

Харрисон повернул голову, с трудом фокусируя взгляд на докторе. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и болезненной.

- Доктор, - начал он. - Я умираю. Я знаю это. Вы знаете это. Все знают это. Но я слышал... я слышал, что корпорация «Генезис» разработала экспериментальный препарат. Он может остановить рост опухоли. Может дать мне ещё год. Может быть, два. Я знаю, что он существует. Я слышал, как медсёстры говорили о нём. Пожалуйста, доктор... свяжитесь с ними. Попросите для меня. Я заплачу. У меня есть сбережения. Небольшие, но есть.

Уилсон смотрел на Харрисона с грустью. Он знал, о каком препарате идёт речь - «Регенеракс-7», разработанный «Генезис» в 2085 году. Он действительно мог остановить рост раковых клеток и даже частично восстановить повреждённые ткани. Но он стоил бешеных денег - около трёх миллионов корпоративных кредитов за один курс. Никто из простых

Пользователей не мог позволить себе такое лекарство. Оно предназначалось для директоров корпораций, их семей, их приближённых. Не для бывших президентов, которые подписали свою страну на смерть.

- Господин президент, - сказал Уилсон, стараясь говорить как можно мягче. - Я не могу этого сделать. Препарат экспериментальный. Он не одобрен для общего применения. Даже если бы я связался с «Генезис», они не дали бы его просто так. Вы больше не президент. У вас нет статуса. Вы - обычный Пользователь. Ваши сбережения... простите, но их недостаточно. Даже для одного курса.

Харрисон смотрел на него, и его глаза, мутные от болезни, медленно наполнялись слезами.

- Но я был президентом, - прошептал он. - Я служил своей стране. Я отдал ей всё. Неужели это ничего не значит?

- Это значит, - ответил Уилсон, и его голос дрогнул. - Но корпорации не оценивают людей по их прошлому. Они оценивают их по контрактам. Вы подписали Договор 404, господин президент. Вы согласились с тем, что ваши права ограничены. И теперь вы просто ... вы просто пользователь. Как все.

Харрисон закрыл глаза. Его плечи дрожали, но он не плакал. Он плакал внутри.

- Понятно, - сказал он тихо, почти неслышно. - Спасибо, доктор. Вы можете идти.

Уилсон поднялся, положил руку на плечо Харрисона,

сжал его на мгновение, затем вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. Харрисон снова остался один - один с болью, с воспоминаниями, с пустотой.

Три дня спустя.

Джеймс Харрисон, пятьдесят третий и последний президент Соединённых Штатов Америки, умер в 3:47 утра 17 марта 2088 года. Причина смерти - острая сердечная недостаточность на фоне онкологического заболевания. Рак не убил его. Остановка сердца сделала это быстрее.

В официальном отчёте, составленном корпорацией «Нейра-Инфра», было записано: «Пользователь Харрисон Джеймс, идентификационный номер 446-B-7890, скончался в результате естественных причин. Тело передано в распоряжение корпорации «Генезис» для научных исследований в соответствии с Условиями использования, подписанными пользователем 14 февраля 2071 года».

Никто из его семьи не пришёл попрощаться с ним. Его жена умерла в 2069 году, его дети пропали без вести в 2070-х, его внуки никогда не знали, что их дедушка был президентом - они родились уже в новом мире, где слова «президент» и «Соединённые Штаты» были просто архаизмами из старых книг. Никто из бывших коллег, из тех, кто когда-то работал с ним в Белом доме, не пришёл. Большинство из них давно умерли или исчезли, как и он сам. Только две медсестры пришли забрать его тело - и они сделали это с такой же безэмоциональной аккуратностью, с которой убирали пустую пала-

ту после выписки очередного пациента.

Сентябрь 2088 года. Штаб-квартира «Генезис». Женева.

Тело Джеймса Харрисона было доставлено в лабораторный корпус «Генезис» через шесть месяцев после его смерти. За это время оно хранилось в морозильной камере, завернутое в пластиковый мешок, как тысячи других тел, которые корпорации скупали для исследований. Его купили за двадцать тысяч кредитов - сумма, равная годовому заработку среднего Пользователя. Теперь он был просто образцом № 447-B.

Доктор Марта Стивенсон, главный исследователь лаборатории генетики старения, стояла над телом Харрисона, изучая его через защитное стекло. Ей было тридцать пять лет, она родилась уже после «Великого Подписания» и никогда не видела мира, где существовали президенты и государства. Для неё слово «Америка» было просто названием территории, которая принадлежала корпорациям. Она не знала, кто такой Джеймс Харрисон. Для неё он был просто образцом - ещё одним телом, которое можно разрезать, изучить, измерить и забыть.

- Докладывайте, - сказала она, не отрывая глаз от планшета.

Ассистент - молодой парень в стерильном костюме - открыл данные на экране:

- Тело бывшего президента США. Пятьдесят третий по счёту, если верить архивам. Умер от рака лёгких с метастаза-

ми. Мы взяли образцы всех органов, провели полный генетический анализ. Характерные мутации для человека его возраста. Никаких аномалий, никаких уникальных маркеров. Обычный старик.

Марта кивнула. Её взгляд скользнул по телу - по измождённому лицу, по впалой груди, по рукам, сложенным на животе. Она не видела в нём ничего, кроме сыря.

- Хорошо, - сказала она. - Утилизируйте тело. Кремация по стандартному протоколу. И подготовьте отчёт для архива. Без лишних деталей.

- Да, доктор.

Тело Харрисона убрали. Его вложили в стандартный контейнер и отправили в крематорий, расположенный в подвальном помещении лаборатории. Через час от последнего президента Соединённых Штатов осталась только горстка пепла, которую высыпали в общий контейнер для биологических отходов. Его имя было стёрто из архивов в тот же день, когда система обновляла базы данных. Теперь он числился как «образец № 447-В, утилизирован». Никто не вспомнит его. Никто не напишет о нём книгу. Никто не поставит ему памятник.

Марта Стивенсон стояла у окна, глядя на Женевское озеро, сверкавшее под солнечными лучами. Она думала о своей работе, о своём будущем, о том, как её исследования помогут продлить жизнь тем, кто сможет заплатить за это. Она не думала о прошлом. Ей оно не было интересно. Прошлое

было мертво. Как и последний президент.

СЦЕНА 5. КОНЕЦ ЭТАПА

Октябрь 2088 года. Штаб-квартира «Солар-Сити». 87-й этаж.

Багровый закат медленно угасал за панорамным стеклом, окрашивая небо над «Нью-Эдемом» в оттенки запёкшейся крови и старого золота. Тени от облаков ползли по бесконечным рядам модульных коробок, превращая город-муравейник в подобие гигантской шахматной доски, где каждая клетка была жизнью, а каждая жизнь - просто статистической единицей в корпоративных отчётах. На 87-м этаже штаб-квартиры «Солар-Сити», в кабинете, который за пятьдесят лет стал легендой, царил полумрак - только голографическая карта мира в центре стола излучала ровное синее свечение, освещая лица собравшихся холодным, безжизненным светом.

Джош Холл сидел во главе длинного стола из чёрного полированного дерева, его фигура казалась почти призрачной в этом искусственном сиянии. Ему было девяносто четыре года - возраст, которого редко достигали даже в эпоху корпоративных медицинских технологий. Его тело, когда-то крепкое и уверенное, теперь было согнуто временем: плечи опущены, спина искривлена, руки, покрытые старческими пятнами, лежали на подлокотниках кресла, слегка дрожа. Его лицо, изрезанное сетью глубоких морщин, напоминало старую карту местности, по которой никто уже не путешество-

ет. Кожа пожелтела и истончилась, под глазами залегли тёмные круги - следы бесконечных ночей без сна и постоянного напряжения, которое не отпускало его даже в моменты триумфа. Но его глаза - те самые стальные глаза, которые заставляли дрожать президентов и директоров, - всё ещё горели холодным огнём. Правда, теперь даже в них можно было заметить проблески усталости, которую невозможно скрыть ни медикаментами, ни имплантами, ни силой воли.

За его спиной, на стене, висел портрет «Нового мира» - гигантская голографическая картина, на которой были изображены все корпоративные территории, объединённые в единую сеть. Она была создана в 2071 году, сразу после «Великого Подписания», и с тех пор ни разу не обновлялась - потому что менять было нечего. Мир оставался неизменным, стабильным, мёртвым. Джош иногда смотрел на этот портрет и вспоминал, как создавал его - как рисовал линии, как стирал границы, как перекрашивал континенты в синий цвет. Тогда он чувствовал себя творцом, богом, художником, который создаёт свой идеальный мир. Теперь он смотрел на своё творение и видел только тюрьму - для всех, включая самого себя.

Перед ним сидел совет директоров - новое поколение корпоративных лидеров, те, кто родился уже после «Великого Подписания». Им было по тридцать-сорок лет, они никогда не знали мира без корпораций, без Условий использования, без дронов «Саранча», патрулирующих улицы. Для них сло-

ва «свобода» и «демократия» были просто архаизмами из старых книг, которые им не разрешалось читать. Они были продуктами новой системы - эффективными, амбициозными, безжалостными. Они смотрели на Джоша с уважением, смешанным со страхом, потому что знали: этот старик создал мир, в котором они живут. Но они также знали, что его время подходит к концу. И они ждали, когда он передаст им власть - или когда они возьмут её сами.

Джош смотрел на них и видел себя молодого. Таким же амбициозным, таким же безжалостным, таким же готовым на всё ради достижения цели. Он знал, что они не будут ждать, пока он умрёт естественной смертью - они ускорят процесс, если увидят в этом выгоду. Он сам научил их этому. Он не испытывал к ним ни злобы, ни обиды. Только усталое принятие неизбежного.

- Дамы и господа, - начал он, и его голос, слабый и хриплый, как шорох осенних листьев, тем не менее заставил всех замереть. В зале воцарилась абсолютная тишина - даже система кондиционирования, казалось, перестала гудеть, чтобы дать ему возможность говорить. - Мы собрались здесь в последний раз, чтобы подвести окончательный итог. Хроники Падения закончены. Пятьдесят семь лет назад, в 2031 году, когда я был всего лишь молодым стажёром в «Солар-Сити», я начал этот путь. Я видел, как рушились государства, как умирали президенты, как исчезали флаги. Я видел, как города отключали, как людей переименовывали в Пользова-

телей, как свободу заменяли на стабильность. Сегодня, спустя пять десятилетий, мы можем с уверенностью сказать: мир изменился навсегда. Государства мертвы. Границ больше нет. Корпорации правят всем - от продовольствия до идентификации, от энергии до информации. Люди - активы. Клоны - расходный материал. Это именно то будущее, которое мы строили. И оно наступило.

Он сделал паузу, переводя дыхание. Его грудь тяжело вздымалась под тонкой тканью рубашки, и он почувствовал, как сердце начинает биться быстрее - слишком быстро для его возраста. Он сделал глубокий вдох, подождал, пока ритм восстановится, и продолжил:

- Мы победили. Мы создали новый мир. Наш мир. Мир без хаоса, без войн, без голода, без эпидемий. Мир, где каждый знает своё место и доволен им. Мир, который не знает, что такое свобода, потому что свобода - это иллюзия, от которой мы избавили их раз и навсегда. Они больше не страдают, не сомневаются, не бунтуют. Они просто существуют - как часть системы, как клетки в организме, который мы создали. И это - величайшее достижение человечества. Достижение, которым мы можем гордиться.

Он поднялся из кресла, опираясь на трость из чёрного дерева с серебряным набалдашником, и медленно обошёл стол, останавливаясь перед голографической картой. Его отражение, искажённое поверхностью проекции, казалось призраком - старым, уставшим, почти прозрачным. Он коснулся

пальцем Северной Америки, и она на мгновение вспыхнула ярче, как будто пульсировала в такт его дыханию.

- Но помните, - сказал он, и его голос стал твёрже, в нём зазвучали те самые стальные нотки, которые когда-то заставляли президентов падать на колени. - Сопротивление не умерло. Где-то, в подвалах старых городов, в шахтах Аппалачей, в джунглях Амазонки, в руинах европейских столиц, собираются те, кто помнит свободу. Они называют себя сопротивлением. Они ждут своего часа. Они верят, что могут вернуть прошлое. Мы должны быть готовы. Мы должны уничтожить их, как уничтожили всех остальных. Каждую искру, каждую надежду, каждую мысль о неповиновении. Мы не можем позволить себе роскошь оставлять им даже иллюзию выбора.

Он обвёл взглядом совет директоров. Их лица были серьёзны, но в глазах некоторых он заметил сомнение. Молодые, они считали, что сопротивление мертво. Они считали, что победили окончательно. Но Джош знал лучше. Он знал, что надежда - это вирус, который невозможно убить полностью. Он знал, что рано или поздно появится кто-то, кто поднимет флаг и скажет «нет». И он знал, что это будет не просто кто-то - это будет тот, кто родился уже в новом мире, но кто унаследовал дух старого. Тот, кого он не сможет контролировать, потому что контроль - это иллюзия, как и всё остальное.

- Это не конец, - добавил он. - Это только начало. Наша

задача - сохранить порядок. Наша задача - не дать прошлому вернуться. Пока мы сильны, пока мы едины, пока мы контролируем ресурсы - они не смогут поднять голову. Но как только мы ослабеем, как только появится трещина в нашей системе - они воспользуются этим. Мы не можем позволить себе слабости. Мы не можем позволить себе сострадания. Мы не можем позволить себе ошибок.

Он повернулся к столу, взял хрустальный бокал, наполненный коньяком - тем самым, который он пил на каждом этапе своего пути. Его руки дрожали, когда он поднимал его над головой, и янтарная жидкость слегка колыхалась, отражая свет голографической карты.

- За новый мир, - произнёс он. - За вечный мир. За нас.

Один за другим директора поднимали свои бокалы. Звон стекла разнёсся по залу, как похоронный колокол - чистый, торжественный, холодный. Джош сделал глоток, но не почувствовал вкуса. Внутри него была только пустота - та самая пустота, которая преследовала его на протяжении десятилетий. Он достиг всего, о чём мечтал. Он построил мир, в котором нет места случайностям. Он стёр с лица земли всё, что могло ему противостоять. Но цена, которую он заплатил, была слишком высокой - он потерял себя. И теперь, глядя на этот идеальный, стерильный порядок, он не мог вспомнить, кем был до того, как стал архитектором нового мира.

Он повернулся к панорамному стеклу. Внизу, как и всегда, раскинулся «Нью-Эдем» - его город, его творение, его

тюрьма. Миллионы окон, миллионы ячеек, миллионы жизней, которые двигались по расписанию, как части единого механизма. Он видел, как зажигаются огни в модулях - каждый вечер в одно и то же время, каждый день по одному и тому же сценарию. Люди ели синтетическую пищу, смотрели корпоративные новости, ложились спать, чтобы проснуться и повторить всё заново. Они не задавали вопросов. Они не знали, что такое вопросы.

Джош смотрел на этот мир и чувствовал только пустоту. Но в глубине, где-то в той части его души, которую он похоронил много лет назад, мелькнула мысль - иная, чем все остальные. Он подумал о том, что мог бы сделать что-то другое. Что мог бы сказать «нет» в тот самый момент, когда впервые увидел, как корпорации уничтожают город. Что мог бы стать сопротивлением, а не его палачом. Что мог бы умереть свободным, как Стоун, а не жить в золотой клетке, которую сам построил.

Но мысль угасла так же быстро, как и появилась. Он слишком стар, чтобы менять что-то. Его путь завершён. Его дело сделано.

- Конец этапа, - прошептал он, и его слова растворились в тишине.

Он повернулся к столу, поставил бокал и медленно, опираясь на трость, направился к выходу. Директора провожали его взглядами, но никто не сказал ни слова. Они знали, что это - прощание. Они не знали только одного: когда он выйдет

за дверь, он уже не вернётся.

ЭПИЛОГ. «ХРОНИКИ ПАДЕНИЯ ЗАКОНЧЕНЫ»

Ноябрь 2139 года. Где-то под Нью-Йорком.

Подземный тоннель, забытый и заброшенный, тянулся на километры вглубь земли, как гигантская артерия мёртвого города. Когда-то здесь проходила линия метро, соединявшая Манхэттен с Бруклином, - поезда сновали туда-сюда, перевозя тысячи пассажиров, спешащих на работу, домой, в театры и рестораны. Теперь поезда не ходили. Станции были затоплены грунтовыми водами, рельсы покрылись слоем ржавчины, а платформы заросли чёрной плесенью и диким плющом, пробивающимся сквозь трещины в бетоне. Тишина здесь была абсолютной - только капли воды, падающие с потолка, нарушали вековой покой. Воздух был сырым и тяжёлым, пахло гнилью, плесенью и старой пылью. Ни один дрон «Саранча» не залетал сюда - их сенсоры были настроены на поиск тепла на поверхности, а под землёй они теряли ориентиры. Ни один спутник не мог заглянуть так глубоко. Это место было невидимым для корпораций. Это место было свободным.

Но в одном из ответвлений, в старом техническом помещении, которое когда-то служило складом для инструментов, горел огонь. Не электрический, не газовый - настоящий огонь, живой и трепещущий, отбрасывающий длинные танцующие тени на бетонные стены. Это была свеча, которую

берегли как зеницу ока, потому что свечи стали редкостью в мире, где всё освещалось искусственным светом, управляемым корпорациями. Её пламя колебалось от малейшего движения воздуха, и казалось, что оно вот-вот погаснет - но оно держалось, упрямо и гордо, как и те, кто сидел вокруг него.

Их было двадцать три человека. Мужчины, женщины, подростки, один старик. Они сидели тесным кольцом, плечом к плечу, согревая друг друга дыханием и теплом своих тел. Их одежда превратилась в лохмотья - рваные куртки, протёртые джинсы, старые свитера, которые они находили в руинах. Их лица были испачканы грязью и копотью, волосы спутаны, руки покрыты мозолями от тяжёлой работы. Они не видели солнечного света уже несколько недель - может быть, месяцев. Они питались консервами, которые находили в заброшенных складах, и пили воду, собранную с потолка, где конденсировалась влага. Они спали на бетонном полу, укрываясь рваными одеялами и старыми газетами, которые когда-то были частью другого мира. У них не было оружия - только ножи, которые они выточили из кусков металла. У них не было связи - только старые радиостанции, которые они пытались починить. У них не было ресурсов - только надежда. Та самая искра, которую корпорации пытались погасить, но не смогли.

Лидером этой группы был молодой человек по имени Марк. Ему было двадцать пять лет, он родился уже после «Великого Подписания», после того, как мир перестал быть

миром и превратился в корпоративный концлагерь. Он никогда не видел свободной Америки - только руины, только модули «Нью-Эдема», только равнодушные лица Пользователей, которые брели по улицам, не поднимая глаз. Он вырос среди бетона и металла, среди алгоритмов и Условий использования. Но он слышал рассказы от стариков - тех, кто ещё помнил время до корпораций, кто держал в руках настоящие деньги, кто голосовал на выборах, кто смотрел на флаг США и чувствовал гордость. Его дед, который умер в 2103 году, рассказывал ему о том, как в 2020-х годах люди выходили на улицы, чтобы протестовать против несправедливости. Как они верили, что могут изменить мир. Как они боролись. Марк слушал эти рассказы и чувствовал, что внутри него зажигается огонь - тот самый огонь, который корпорации считали потушенным. Он верил в эти рассказы так же сильно, как верил в то, что солнце взойдёт завтра утром. Он знал, что свобода - это не просто слово из старых книг. Это то, что принадлежит каждому человеку по праву рождения. И он был готов умереть, чтобы вернуть это право.

Он стоял перед своими товарищами, держа в руках старый флаг, найденный в руинах Белого дома. Он нашёл его три года назад, когда вместе с небольшой группой пробирался через Вашингтон, пытаясь найти припасы. Флаг был спрятан в подвале, в герметичном контейнере, который когда-то использовали для хранения документов. Он был выцветшим, рваным, с прорехами от времени, но звёзды и полосы всё ещё

были узнаваемы. Марк хранил его как святыню - как напоминание о том, что когда-то существовала страна, где люди были свободны. Он поднял флаг над головой, и в тусклом свете единственной свечи он казался призраком из прошлого - символом всего, что было потеряно.

- Мы не сдались, - сказал Марк, его голос звенел в бетонной тишине, отражаясь от стен и возвращаясь к нему эхом. - Мы не сдадимся. Они думают, что победили. Они думают, что мы мертвы. Но они ошибаются. Мы ещё вернём свободу. Мы вернём то, что принадлежит нам по праву.

Он обвёл взглядом своих товарищей. В их глазах - уставших, голодных, но горящих - он видел то, что корпорации не могли уничтожить. Человечность. Надежду. Волю. Они смотрели на него так, как когда-то солдаты Стоуна смотрели на своего генерала. Они верили ему. Они верили в то, что он говорил. И эта вера была сильнее любого оружия.

- Сегодня - начало, - сказал он. - Мы - искра. Мы зажжём пожар.

Он опустил флаг, и его товарищи подошли ближе. Один за другим они клали руки друг другу на плечи, образуя круг. Старик, который сидел в углу, поднялся и присоединился к ним. Подросток, который дрожал от холода, вытер слёзы и встал в круг. Женщина с жёстким лицом, которая потеряла всю свою семью во время отключения, сжала зубы и положила руку на плечо Марка. Они стояли в кругу, как их предки стояли в кругу на протяжении тысячелетий - от древних

племён до борцов за гражданские права. Они чувствовали, что они не одни. Что по всему миру есть такие же, как они - в Европе, в Азии, в Австралии, в руинах старых городов и шахтах Аппалачей. Они ждут сигнала. Они ждут, когда кто-то скажет им: «Время пришло».

Марк посмотрел на флаг в своих руках. Звёзды и полосы - символ страны, которой больше не существовало. Но для него это был символ надежды. Символ того, что свобода - это не просто слово. Это право каждого человека жить по своим правилам. И он был готов умереть за это право. Он не боялся смерти. Он боялся только одного - что его жизнь пройдёт зря, что он умрёт, так и не увидев, как мир снова становится свободным.

- Мы вернём всё, - сказал он тихо, но твёрдо. - Мы вернём нашу страну. Мы вернём нашу свободу. Мы вернём себя.

Он повернулся к стене, где были вырезаны имена тех, кто погиб в борьбе. Список был длинным - сотни имён, от генерала Стоуна до безымянных солдат, павших на поле боя в Силиконовом ущелье. Марк знал некоторые из них по рассказам стариков. Другие были просто именами - символами тех, кто отказался сдаваться. Он провёл пальцем по одному из имён, вырезанному глубоко в бетоне, и прошептал:

- Мы продолжим ваше дело. Мы не дадим вам умереть зря.

Он повернулся обратно к товарищам. Его глаза горели тем же огнём, что и глаза его предшественников. Он поднял флаг

ещё раз и произнёс слова, которые его дед сказал ему в последний раз перед смертью:

- Свобода - это не дар. Это право, которое нужно отстаивать. Каждое поколение платит свою цену. Наша цена - сейчас.

Он сделал паузу, глядя на каждого из своих товарищей по очереди.

- Мы заплатим её, - сказал он. - Мы заплатим её, чтобы наши дети и внуки никогда не узнали, что такое жить в клетке. Мы заплатим её, чтобы они могли смотреть на небо и видеть не дронов, а звёзды.

В тоннеле повисла тишина. Слышно было только, как потрескивает свеча, как капает вода с потолка, как бьются сердца двадцати трёх человек, которые решили, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Под землёй, в темноте и тишине, зарождалась новая история. История, которую корпорации не смогут стереть, потому что её будут писать не словами, а делами. История, которая начнётся с одной свечи, одного флага и двадцати трёх человек, которые отказались сдаваться. Потому что пока есть те, кто помнит свободу, свобода не может умереть. Она просто ждёт. Она всегда ждёт.

За стенами подземелья мир продолжал жить - спокойный, упорядоченный, мёртвый. Над «Нью-Эдемом» горели огни, дроны «Саранча» бесшумно патрулировали улицы, фиксируя каждое движение, каждое слово, каждый вздох. Пользо-

ватели вставали по сигналу, ели синтетическую пищу, шли на конвейеры, выполняли алгоритмы и ложились спать, не подозревая, что под их ногами, в глубине земли, бьётся живое сердце сопротивления. Оно было слабым, почти незаметным - всего двадцать три удара в минуту. Но оно билось. И оно было готово к бою.

Где-то далеко, в штаб-квартире «Солар-Сити», новый директор смотрел на мониторы, где мелькали данные о стабильности. Он видел только цифры: уровень потребления, индекс удовлетворённости, показатели контроля. Он не видел свечи в подzemелье. Не видел флага. Не видел глаз двадцати трёх человек, которые смотрели в будущее и не боялись.

Но он узнает. Рано или поздно. Потому что искра уже заглась. И пожар неизбежен.

ГЛАВА 1. «Утро чистильщика»

Элиас Холл не просыпался - его вырывали. Не было мягкого перехода из сна в явь, не было той драгоценной секунды, когда разум еще дрейфует в тёплых водах забытья, цепляясь за обрывки снов, которые никогда не запоминались. Вместо этого - удар. Короткий, болезненный импульс, который нейроинтерфейс посылал прямо в височную долю, минуя все естественные барьеры и защиты, которые природа предусмотрела для человеческого организма. Это было похоже на то, как если бы кто-то щёлкнул резинкой по ого-

лённому нерву, только сильнее - в сотню раз сильнее, потому что резинка была сделана из чистого электричества. Каждое утро, без права на отсрочку, без кнопки «отложить», без снисхождения к усталости или болезни. Система не терпела опозданий. Система не знала слова «завтра». Система требовала здесь и сейчас.

Элиас дернулся. Его тело, ещё не успевшее проснуться, инстинктивно сжалось, мышцы спины свело судорогой. Веки распахнулись, но перед глазами была только белая крышка капсулы - гладкая, стерильная, с едва заметными микротрещинами от времени. Он смотрел на неё уже четыре года. Тысяча четыреста шестьдесят дней. Тысяча четыреста шестьдесят утренних импульсов. Тысяча четыреста шестьдесят раз, когда его вырывали из сна. Он знал каждый изгиб пластика, каждую царапину, оставшуюся от предыдущих пользователей, которых он никогда не видел. Иногда ему казалось, что он может различить на поверхности капсулы следы чужих пальцев - тех, кто лежал здесь до него, кто тоже просыпался под этот импульс, кто тоже ненавидел этот белый потолок. Он не знал, что с ними случилось. Может быть, они ушли на повышение. Может быть, их понизили до «Расходного материала». Может быть, они умерли прямо здесь, в этой капсуле, и система просто стёрла их данные и загрузила новые. Ему не говорили. Ему не нужно было знать.

Капсула была его гробом по ночам и его тюрьмой по утрам. Она пахла дезинфекцией и холодным металлом, с ед-

ва уловимым привкусом озона, который вырабатывали очистители воздуха. Этот запах вьелся в его одежду, в его кожу, в его лёгкие. Он не чувствовал его по-настоящему - просто знал, что он есть, как знал о собственном сердцебиении. Запах стал частью его, как и белые стены, и синтезированный воздух, и звук собственного сердца.

Нейроинтерфейс снова пульсировал, на этот раз тише, но настойчивее, заставляя его сфокусироваться на внутренней поверхности крышки. Там, на встроенном дисплее, загоралась привычная голограмма. Яркий, неестественный синий цвет резал глаза. Элиас щурился каждое утро, но системный протокол не имел настроек яркости. «Для вашей же безопасности», - гласила инструкция. Он и не пытался оспаривать. Оспаривание системы было зафиксировано как «нелояльное поведение» и вело к понижению Коэффициента Чистоты. Он уже проверял.

Голограмма сложилась в слова, и голос, синтезированный до такой степени, что в нём не осталось ничего человеческого, начал монотонное вещание. В этом голосе не было интонаций, не было эмоций, не было даже намёка на то, что его создатель когда-либо испытывал усталость, боль или страх. Он был просто механизмом, который произносил заранее подготовленный текст. Каждое утро один и тот же текст. Каждое утро одни и те же слова. И каждое утро Элиас чувствовал, как его желудок сжимается от тошноты.

«Доброе утро, Элиас Холл. Идентификационный номер:

ЕН-4492-Гамма. Статус: активный сотрудник, категория «Чистильщик», 3-й уровень. Ваш Коэффициент Чистоты: 68%. Предупреждение: критический уровень Коэффициента Чистоты составляет 65%. Снижение показателя ниже допустимой нормы в течение 72 часов приведёт к автоматической переклассификации в категорию «Расходный материал» с аннулированием всех социальных гарантий, медицинской страховки и права на проживание в зоне «Бета-7». Дополнительное уведомление: аннулирование страховки влечёт за собой отключение всех неэкстренных медицинских функций, включая обслуживание имплантированных устройств. Отказ от обслуживания имплантированных устройств в течение 30 дней классифицируется как «добровольная эвтаназия».

Элиас моргнул. Шестьдесят восемь процентов. Вчера было шестьдесят девять. Месяц назад - семьдесят два. Год назад, когда он только начал работать, было восемьдесят три. Он падал. Медленно, неумолимо, как ртуть в старом термометре, сантиметр за сантиметром приближаясь к красной отметке, за которой начиналась смерть. Ещё немного, и он станет таким же, как те, кого он «чистил». Расходный материал. Слово, которое в устах системы звучало как приговор, но в устах его коллег - как мрачная шутка. «Расходник», - говорили они в баре, поднимая стаканы с синтезированным алкоголем. «Мы все когда-нибудь станем расходниками. Вопрос времени». Они смеялись, но в их смехе не было весе-

лья. Только страх, замаскированный под цинизм.

Он знал, почему падает его КЧ. Не из-за стресса, не из-за работы, не из-за бессонницы. А из-за того, что он продолжал чувствовать. Каждое утро, просыпаясь, он видел перед собой белый потолок и слышал звук своего сердца. И в эти секунды, между импульсом и голограммой, он позволял себе быть человеком. Он позволял себе думать о том, что делает. Он позволял себе чувствовать боль. И система фиксировала это как «эмпатический сдвиг». Эмпатия была роскошью, которую он не мог себе позволить. Она снижала его эффективность. Она делала его слабым. Она приближала его к смерти.

«Рекомендуемый протокол действий: снизить уровень кортизола до 30 нг/мл. Увеличить физическую активность на 15% в течение утреннего сеанса. Избегать несанкционированных контактов с бракованными активами. Психологический профиль указывает на риск эмпатического сдвига. Настоятельно рекомендуется посетить сеанс коррекции ценностей. Отказ от выполнения рекомендаций в течение 14 дней классифицируется как нарушение пункта 7.4 Трудового Кодекса Корпорации, что влечёт за собой штраф в размере 2000 кредитов и понижение уровня доступа. Повторное нарушение пункта 7.4 в течение 6 месяцев влечёт за собой автоматический перевод в категорию «Расходный материал».

Элиас не шевелился. Он лежал неподвижно, глядя в белый потолок капсулы, и слушал, как его искусственное серд-

це отбивает ритм. Оно делало это с механической точностью, с той безупречной синхронностью, которую могли обеспечить только заводские настройки, и этот ритм был единственной неизменной константой в его жизни. *Вжс-вжс-вжс*. Низкий, вибрирующий звук, который его собственное тело издавало каждую секунду. Звук, который он ненавидел больше, чем голографические напоминания, больше, чем синтезированную еду, больше, чем саму корпорацию. Звук, который напоминал ему о том, что он больше не принадлежит себе. Что его сердце - это продукт, который можно заменить, как старую батарейку. Что его тело - это просто контейнер для деталей.

Он помнил, что в детстве у него было настоящее сердце. Или ему казалось, что помнит. Воспоминания о «до» были размытыми, похожими на старые видеозаписи, записанные на дешёвый носитель и несколько раз переписанные поверх. Он помнил тепло. Он помнил, как бегал по траве - настоящей траве, которая пахла землёй и дождём, а не синтезированным запахом, который имитировал зелень. Он помнил запах хлеба. Настоящего хлеба, который пекла его мать. Он помнил её руки - тёплые, шершавые от работы, но такие живые. Он помнил её улыбку. Она улыбалась редко, но когда улыбалась, он чувствовал, что мир не такой уж плохой. А потом появились долги. Или болезнь. Или просто система решила, что его биологическое сердце больше неэффективно. Ему было восемь лет, когда они пришли за ним. «Медицин-

ский осмотр», - сказали они матери. «Рутинная процедура». Она не спорила. Она не могла спорить. Она уже была должна корпорации больше, чем могла бы заработать за три жизни.

Он не помнил, как его везли в клинику. Не помнил, как ему делали операцию. Не помнил лица врачей. Он помнил только, как проснулся в белой комнате, похожей на ту, в которой он жил сейчас, и понял, что в груди у него что-то изменилось. Что-то гудело. *Вжс-вжс-вжс*. Он испугался. Он заплакал. Но медсестра, стоявшая рядом, просто погладила его по голове и сказала: «Не плачь, маленький. Теперь ты будешь жить дольше. Корпорация позаботится о тебе». Она улыбнулась ему, но в её улыбке не было тепла. Она была такой же механической, как его новое сердце. Он не знал тогда, что эта механическая улыбка будет преследовать его всю жизнь.

Сейчас он смотрел на свои пальцы. Они лежали поверх тонкого, почти прозрачного одеяла, которое выдавала капсула вместе с утренним протоколом. Одеяло было тёплым, но он не чувствовал этого тепла. Его кожа потеряла чувствительность несколько лет назад, когда он начал работать в секторах с низкой температурой. Пальцы были его собственными, но казались чужими - бледные, с синеватыми прожилками под тонкой кожей, с мозолями на подушечках, которые не проходили даже после выходных. Он медленно сжал их в кулак, чувствуя, как суставы издают лёгкий хруст. Тело требовало движения, но разум отчаянно цеплялся за неподвижность, пытаясь продлить те несколько секунд, когда он ещё

не был частью системы. Те несколько секунд, когда он мог просто быть собой - уставшим, разбитым, испуганным человеком, который не хотел вставать. Который хотел просто лежать и смотреть в белый потолок, пока его сердце будет биться в такт с тишиной.

«Сегодня я попрошу заменить его», - привычно подумал он, в тысячный раз повторяя себе эту ложь. Он представил, как заходит в медицинский блок, как показывает на своё сердце. «Мне нужно новое. Это издает звук. Это раздражает. Это влияет на мою производительность». Он даже представил реакцию врача. Тот посмотрит на него с механическим безразличием, сверится с базой данных и выдаст свою коронную фразу: *«Замена сердечного модуля 5-й модели не входит в страховой пакет вашего уровня. Стоимость процедуры составляет 45 000 кредитов. Рекомендуем пересмотреть приоритеты и подать заявку на повышение до 2-го уровня»*. А как повыситься до второго уровня, если для этого нужно работать на 30% эффективнее, а сердце фонит и отнимает эти самые 30%? Замкнутый круг. Умный, продуманный, абсолютно безжалостный, как все, что создала корпорация.

И он знал, что в этом круге нет выхода. Он читал истории других - таких же, как он, чистильщиков, которые пытались бороться. Они писали жалобы, они подавали заявки, они обращались к корпоративным адвокатам. Все бесполезно. Система всегда находила способ сказать «нет». «Ваш Коэффициент Чистоты недостаточно высок». «Ваша трудовая дис-

циплина оставляет желать лучшего». «Вы не соответствуете требованиям для данной процедуры». И каждый раз, когда они слышали эти слова, они сдавались. Они переставали бороться, потому что борьба требовала энергии, а энергии у них не было. Они просто продолжали работать, продолжали убивать, продолжали падать, пока их КЧ не достигало критической отметки, и они сами не становились «Расходным материалом».

Он глубоко вздохнул. Синтезированный воздух пах озоном и пластиком. Он снова посмотрел на свои пальцы. Они всё ещё дрожали. Он сжал их в кулак, сильнее, чтобы боль от ногтей, впивающихся в ладони, заглушила этот механический гул в груди.

- Я не хочу умирать, - прошептал он в пустоту.

Но комната не ответила. И он начал открывать крышку капсулы.

Крышка капсулы поднялась с тихим шипением, и в лицо Элиасу ударил холодный синтезированный воздух. Он медленно сел, чувствуя, как его тело протестует против каждого движения. Мышцы болели - привычная боль, которая стала его постоянным спутником. Он не помнил, когда в последний раз просыпался без ощущения, что его избili. Может быть, год назад. Может быть, пять лет назад. Он давно перестал считать.

Элиас поставил ноги на пол - теплый, гладкий, синтетический. Пол был одним из тех, что никогда не остывали, пото-

му что система подогрева работала круглосуточно. Замёрзший актив - неэффективный актив. Он встал, и его колени издали хруст, который эхом разнёсся по маленькой комнате. Он был голым. Кожа его была бледной, почти белой, с голубоватым оттенком, который появляется у людей, которые годами не видят солнечного света. Его тело было худым - рёбра проступали сквозь кожу, плечи были узкими, мышцы - слабыми. Это было тело человека, который никогда не ел досыта. Тело актива, которого кормили ровно настолько, чтобы он мог работать.

Элиас повернулся к зеркалу. Зеркало было не простым стеклом - оно было экраном. Встроенный в стену сенсорный дисплей, который показывал не его отражение, а его данные. Он подошёл ближе, и экран тут же активировался, сканируя его лицо, его тело, его биометрические показатели. На поверхности экрана загорелась привычная голограмма:

«Элиас Холл. Идентификационный номер: ЕН-4492-Гамма. Возраст: 34 года (биологический). Хронологический возраст: 44 года (с учётом криоконсервации в возрасте 10 лет). Ожидаемая продолжительность жизни: 51 год. Рекомендуется: замена печени через 6 лет. Стоимость процедуры: 450 000 кредитов. Текущий баланс: 12 000 кредитов. Рекомендуемый уровень дохода для покрытия процедуры: повышение до 2-го уровня через 8 лет при условии сохранения текущего темпа работы. Альтернативный вариант: кредитование под 24% годовых с погашением в течение 15 лет. Пожалуй-

ста, ознакомьтесь с условиями в ближайшем финансовом терминале.»

Элиас ухмыльнулся. Ухмылка была кривой, усталой, без капли веселья. Четыреста пятьдесят тысяч кредитов. У него было двенадцать тысяч. Ему нужно было прожить ещё восемь лет, чтобы накопить на новую печень. Но его КЧ падал, и через восемь лет он либо станет расходным материалом, либо умрёт от отказа сердца. Система давала ему цель, которую он никогда не сможет достичь. И он знал это. Он знал это так же хорошо, как звук своего сердца.

- Спасибо за информацию, - сказал он зеркалу. Голос был хриплым, и он кашлянул, прочищая горло. Голограмма не ответила. Зеркало было экраном, а не человеком.

Он отошёл от зеркала и встал по центру комнаты. Здесь, в его капсуле-квартире, было тесно. Три на три метра. Белые стены, белый пол, белый потолок. Кровать-капсула, стол, зеркало и окно. Всё остальное - пустота. Место, в котором можно жить, но невозможно чувствовать себя живым.

Элиас посмотрел на окно. Оно было маленьким, узким, расположенным под самым потолком. Через него был виден город «Новый-Токио-3». Небо было серым - не от туч, а от смога, который синтезировала «Техно-Сфера». Это был не естественный смог, а искусственный. Специально созданный климат-контроль, который регулировал температуру, осадки и даже освещение. «Техно-Сфера» называла это «оптимизацией жизненного пространства». Элиас называл это клеткой.

Потому что именно так это выглядело - клетка, в которой заперты все пользователи.

Внизу, на бесконечных уровнях города, мелькали рекламные голограммы. Яркие, кричащие, проецирующиеся прямо на стекла небоскрёбов. «Генезис - ваша жизнь в наших руках!», «Агро-Континент - мы кормим мир!», «Кибер-Фонд - ваш путь к бессмертию!». Дроны-патрули - чёрные, с красными огоньками - бесшумно скользили между зданиями, высматривая нарушения. Они были повсюду. Они были частью этого мира, как и сам воздух, которым он дышал.

Над городом висел гигантский экран - один из тех, что транслировали корпоративные новости на весь город. Элиас часто смотрел на него по утрам. Не потому что ему было интересно, а потому что его взгляд автоматически тянулся к этому яркому пятну в сером небе. Сегодня на экране появлялось лицо пожилого мужчины - седые волосы, жёсткие черты лица, холодные голубые глаза. Элиас узнал его. Маркус Вос. Глава корпорации «Генезис». Тот, кто создал это сердце, которое гудит у него в груди.

Голос диктора разносился по городу:

- Внимание, пользователи! Глава корпорации «Генезис» Маркус Вос объявляет о запуске новой партии клонов-сотрудников. Срок годности - 8 лет. Контракт можно подписать в любом терминале в течение следующих 72 часов. Помните: клон - это ваш актив. Работайте эффективно, управляйте им правильно, и он принесёт вам прибыль. Не дайте ему обес-

цениться. Каждый клон - это инвестиция. Каждый клон - это ваше будущее.

Элиас отвернулся от окна. Он слышал эту новость уже в десятый раз за последние дни. Корпорация постоянно запускала новые партии клонов. Они были дешёвой рабочей силой, идеальными активами, которые не жаловались, не бунтовали, не просили повышения зарплаты. Они просто работали, пока не истекал их срок годности. А потом их утилизировали. Как мусор.

Он подошёл к центру комнаты. Система в его голове уже запустила программу «Утренняя активация». Он чувствовал это по лёгкому покалыванию в затылке - нейроинтерфейс подключался к его моторной коре, начиная синхронизировать его движения с протоколом. Он не мог этому сопротивляться. Даже если бы он попытался, нейроинтерфейс просто принудительно активировал бы его мышцы. Он уже пробовал. Один раз, в первый месяц работы. Он отказался делать зарядку, и система просто «взяла управление» на себя. Его тело начало двигаться само. Это было страшно. Он чувствовал, как его руки поднимаются, как ноги сгибаются, как мышцы напрягаются - и он не мог это контролировать. Тогда он понял, что его тело больше не принадлежит ему. Что оно - просто инструмент, который система использует, когда хочет.

Он начал делать приседания. Нейроинтерфейс считал каждое движение, каждую секунду, каждый градус сгибания

коленей. Если он отклонялся от протокола хотя бы на миллиметр, система посылала короткий предупреждающий импульс - электрический разряд, который бил по его нервным окончаниям. Это было больно. Не сильно, но достаточно, чтобы он запомнил.

Десять приседаний. Двадцать. Тридцать. Мышцы болели. Он чувствовал, как его колени скрипят с каждым разом, как спина начинает ныть, как его искусственное сердце ускоряется. *Вж-вж-вж*. Звук стал громче, быстрее. Элиас закрыл глаза и попытался сосредоточиться на дыхании, но вместо этого он слышал только этот механический ритм, который бился у него в груди. Он ненавидел этот звук. Он ненавидел всё, что с ним связано. Но он продолжал приседать.

После приседаний - отжимания. Он лёг на пол, чувствуя, как белая поверхность давит на его ладони. Пол был тёплым, но это было единственное ощущение, которое он мог различить. Он начал опускаться вниз. Медленно, плавно, как учили. Его локти сгибались, мышцы груди напрягались, плечи начинали гореть. Система показывала его показатели на внутреннем экране - прямо перед его глазами, в углу обзора. Пульс, дыхание, уровень кортизола. Всё в зелёной зоне. Всё «нормально». Элиас не верил этим цифрам. Он знал, что они сфальсифицированы. Что система корректирует их, чтобы он не волновался. Но это его уже не волновало.

После отжиманий - растяжка. Нейроинтерфейс заставил его наклониться вперёд, дотянуться до пальцев ног. Его по-

звоночник хрустнул, и он почувствовал лёгкую боль в пояснице. Он задержался в этом положении, чувствуя, как кровь приливает к голове. Комната качнулась перед его глазами. Он прикрыл веки, пытаясь удержать равновесие.

«Сколько ещё таких утр?» - спросил он себя. - «Сколько ещё дней? Сколько ещё лет?»

Ответа не было. И он знал, что не хочет его знать.

Он выпрямился и подошёл к окну. Снова посмотрел на город. Внизу, где-то на нижних уровнях, люди спешили на работу. Такие же активы, как он. Они не смотрели вверх. Они не смотрели друг на друга. Они просто шли, опустив головы, выполняя свои протоколы.

Над головой снова зажужжал экран с новостями. На этот раз появилось лицо молодой женщины. Рыжие волосы, зелёные глаза, широкая улыбка. Элиас остановился. Он смотрел на это лицо, и в груди у него что-то дрогнуло. Красивая. Очень красивая. Но не в том смысле, в каком красивыми бывают актрисы на голограммах. В ней было что-то живое. Что-то, что он не видел уже много лет. Она улыбалась, как будто знала что-то, чего он не знал.

«Айрис Вос», - прочитал он на экране. - «Внучка главы «Генезиса». Она помогла беглому клону. Она - предатель».

Элиас смотрел на неё и чувствовал странное волнение. Предатель. Это слово звучало как что-то опасное, запретное. И в то же время - как что-то притягательное. Она сделала то, о чём он сам мечтал все эти годы. Она сказала «нет». Она

рискнула всем. Зачем? Ради клона. Ради кого-то, кто не был даже человеком в глазах системы.

«Зачем?» - спросил он её мысленно. Но экран уже переключился на другую новость. Айрис Вос исчезла, и вместо неё появилась реклама синтезированной еды.

Элиас отвернулся от окна. Его тело закончило зарядку. Нейроинтерфейс отключился, и он почувствовал, как мышцы расслабляются, как дыхание приходит в норму. Зарядка закончилась. Теперь - одевание. Ещё один шаг к его рабочему дню.

Элиас повернулся к шкафу. Шкаф - это была не мебель, а функциональная стена, которая открывалась по его жесту. Он поднял руку, и белая панель бесшумно сдвинулась в сторону, открывая три одинаковых серых комбинезона. Они висели на одинаковых пластиковых плечиках, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Всё одинаковое. Никакого выбора. Никакой индивидуальности.

Элиас взял первый комбинезон. Ткань была синтетической, плотной, с едва заметной текстурой. Она пахла пластиком - тем же синтетическим запахом, который был везде в этом мире. Он надел его, чувствуя, как материал холодно прилипает к его коже. Комбинезон был обтягивающим, но не стеснял движений - он был создан, чтобы актив мог работать эффективно. На груди, на левой стороне, был нашит значок: «Корректор. Отдел утилизации. Класс С». Это была его идентификация. Его статус. Его место в иерархии.

Он провёл пальцем по значку. Вышивка была грубой, пластиковой, с тиснёными буквами, которые не стирались даже после сотен стирок. «Класс С». Третий уровень. Не самый низкий, но и не высокий. Есть класс D - «Расходный материал». Есть класс B - «Старший Корректор». Есть класс A - «Инспектор». Он был где-то посередине. Достаточно высоко, чтобы иметь право на страховку, но недостаточно высоко, чтобы иметь право на жизнь.

На поясе у комбинезона были крепления. Стандартный набор: терминал, тазер, дозатор успокоительного. Терминал - маленький прямоугольник чёрного пластика, который подключался к его нейроинтерфейсу. Он показывал время, его КЧ, его рабочее расписание и баланс кредитов. Тазер - оружие, которое он использовал для «чистки». Он был лёгким, почти невесомым, и всегда лежал на своём месте. Дозатор - маленький цилиндр с жидкостью. ««Успокоительное»», - гласила инструкция. «Для снижения стресса у пользователей с высоким уровнем кортизола». Элиас никогда не использовал его. Он предпочитал держать свои демоны в голове, а не в кармане.

Он проверил терминал. Экран загорелся, показывая двенадцать уведомлений. Одиннадцать из них были системными - отчёты, квитанции, уведомления об оплате счетов. Он пролистал их, не читая. Он знал их содержание наизусть: «Вы потратили X кредитов на Y. Ваш баланс составляет Z». Ему было всё равно. Деньги приходили и уходили, как и всё

в его жизни.

Одно уведомление выделялось. Оно было от начальника отдела - Дж. С. Человек, который управлял его работой, его графиком, его жизнью. Элиас никогда не видел его лица. Он знал только его голос - резкий, сухой, безэмоциональный - и его подпись в конце каждого сообщения. «Начальник отдела Дж. С.». Буквы без имени. Только инициалы. Как будто он сам был активом. Или как будто он не хотел, чтобы Элиас знал, кто он на самом деле.

Элиас открыл сообщение. Текст был коротким, прямым, без лишних слов:

«Холл. Сегодня 12 дефектов в секторе D-7. Время: 09:00. Не опаздывай. Твой КЧ падает. Я не хочу списывать тебя как актив. Ты пока полезен. Исполни свою работу эффективно, и я сохраню тебе место. Начальник отдела Дж. С.»

Элиас прочитал сообщение дважды. Потом третий раз. В нём не было угрозы - только констатация фактов. Но он знал, что за этими словами скрывается предупреждение. «Ты пока полезен». Слово «пока» было ключевым. Оно означало, что его полезность может закончиться в любой момент. Что если он не справится с работой - или если его КЧ упадёт ещё на пару процентов - его заменят. Кем-то другим. Кем-то более эффективным. Кем-то молодым, у кого сердце ещё не гудит.

Он закрыл сообщение и убрал терминал на пояс. Его руки не дрожали. Он уже привык к таким предупреждениям. Они приходили к нему каждые несколько недель - напоминания

о том, что он - не человек, а актив. Что его существование зависит от его эффективности. Что если он перестанет быть полезным - его просто выбросят.

Он посмотрел на себя в зеркало. Серый комбинезон, бледное лицо, тёмные круги под глазами. Он выглядел как актив. Он выглядел как часть системы. И он чувствовал себя так же.

- Ты не человек, - сказал он своему отражению. - Ты - расходный материал.

Слова повисли в воздухе. Зеркало не ответило. Оно продолжало показывать его лицо - уставшее, бледное, безжизненное. Элиас отвернулся и направился к двери.

Он вышел из капсулы-квартиры в коридор. Коридор был длинным, белым, без окон. Напоминал туннель - прямой, бесконечный, однообразный. По обеим сторонам тянулись двери. Такие же белые, как и его дверь. За каждой из них жил такой же актив, как и он. Мужчины и женщины, которые просыпались от импульса, делали зарядку, одевались и шли на работу. Они не общались друг с другом. Они не смотрели друг на друга. Они были одиноки в этом белом туннеле, как и он.

Элиас шёл медленно, слыша эхо своих шагов. Синтезированный воздух пах озоном. Где-то вдали гудела вентиляция - монотонный звук, который никогда не прекращался. Он слышал этот гул каждый день, каждую ночь. Он стал частью его, как звук собственного сердца.

Он остановился на мгновение. За стеной справа он услы-

шал кашель - сухой, надрывный, долгий. Это кашлял его сосед. Старый мужчина, который работал в шахтах «Агро-Континента». Элиас не знал его имени. Он никогда не спрашивал. Он знал только, что сосед кашлял каждое утро. Иногда кашель длился несколько минут - сухой, рвущий, как будто он пытался выкашлять свои лёгкие. Элиас слышал это и не мог ничего сделать. Он просто проходил мимо.

«Его срок годности - 2 месяца», - вспомнил он. Система объявила это две недели назад. «Сотрудник Б.В. из отдела добычи. Срок годности: истекает через 2 месяца. Рекомендуется подготовить замену». Элиас тогда читал это уведомление и думал: «Через два месяца он умрёт. А через два месяца после этого его заменят кем-то другим. И так будет всегда. Пока кто-нибудь не умрёт раньше».

Он пошёл дальше. Кашель стих за его спиной, но он продолжал звучать у него в голове. Он знал, что этот кашель будет преследовать его весь день. Как и все другие звуки, которые он слышал в коридорах. Звуки чужих смертей, чужих болезней, чужих страданий. Он не хотел их слышать, но он не мог закрыть уши. Они были частью его мира. Они были частью его жизни.

Он вспомнил свой первый день в этой квартире. Десять лет назад. Тогда он был другим - молодым, глупым, полным надежд. Он пришёл сюда с одной сумкой, в которой лежали его вещи - немного одежды, старый терминал, фотография матери, которую он так и не решился выбросить. Он смотрел

на эту комнату, на это белое пространство, и думал: «Это временно. Я поработаю пару лет, накоплю денег, уеду в зелёную зону. Я буду жить по-настоящему».

Он был идиотом. Он не знал, что система создана так, чтобы не выпускать тебя. Он не знал, что чем больше ты работаешь, тем больше ты должен корпорациям. Он не знал, что каждый кредит, который он зарабатывал, был уже потрачен - на обслуживание его сердца, на его жильё, на его питание, на его страховку. Он работал, чтобы платить долги, которые росли с каждым днём. Он был в ловушке, и он даже не заметил, как она захлопнулась.

Элиас остановился у выхода в общий коридор. Там, на стене, висел большой экран. Такие экраны висели в каждом коридоре, на каждой станции, в каждом общественном месте. Они транслировали новости, рекламу, объявления. И сегодня экран снова показывал ей. Айрис Вос. Её лицо заполнило весь экран - красивое, улыбающееся, с ярко-рыжими волосами, которые падали на плечи.

«РОЗЫСК!» - гласил заголовок. — *«Айрис Вос, внучка главы корпорации «Генезис», объявлена в розыск за государственную измену и пособничество беглому клону Кейн-39. Награда за информацию, которая приведёт к её поимке: 10 миллионов кредитов. Сдайте её - и вы свободны навсегда. Помните: предатели не заслуживают пощады. Коэффициент Чистоты - это наше общее будущее».*

Элиас смотрел на её лицо. Она улыбалась на фотографии

- широкая, искренняя улыбка, которую он не видел ни у кого за последние десять лет. Она выглядела свободной. Она выглядела живой. Она выглядела так, как будто знала, что правильно.

«Зачем ты это сделала?» - спросил он её мысленно. - «Зачем тебе помогать клону? Ты - внучка главы корпорации. У тебя всё есть. У тебя зелёная зона, настоящая еда, настоящее сердце. Зачем ты рискнула всем?»

Экран не ответил. Он продолжал показывать её лицо, её улыбку, её рыжие волосы. Элиас смотрел на неё и чувствовал странное волнение. Это было глупо. Это было безумно. Она была предателем. Она была врагом системы. Она была врагом всего, что он знал. И в то же время - она была единственным, что он видел за последние годы, что выглядело как свобода.

«Она сбежала с ним», - подумал он. - «Она сбежала с клоном. Она рискнула жизнью ради того, кого даже не считают человеком. Она сделала то, о чём я мечтаю каждое утро».

Он отвёл взгляд. Он не мог смотреть на неё больше. Она была слишком яркой для этого серого мира. Она была слишком живой. Она напоминала ему о том, кем он когда-то был. Или о том, кем он никогда не станет.

Он пошёл к лифту. Ему нужно было на работу. У него было двенадцать клонов в секторе D-7. Ему нужно было убить их. И он знал, что когда он нажмёт на спуск, он будет думать о ней. О её улыбке. О её рыжих волосах. О свободе, которую

он никогда не сможет получить.

Лифт ждал его в конце коридора. Элиас подошёл к дверям, и они с тихим шипением открылись, приглашая его внутрь. Кабина лифта была такой же белой, как и всё остальное - стерильной, безликой, с гладкими стенами, в которых отражалось его лицо. Он шагнул внутрь, и двери закрылись за ним, отрезая его от коридора.

Лифт начал движение вниз. Элиас стоял неподвижно, глядя на своё отражение в металлической стене. Металл был отполирован до зеркального блеска - настолько, что он мог видеть каждую морщину на своём лице, каждый тёмный круг под глазами, каждую седую прядь на висках. Это лицо было ему знакомо, но оно казалось чужим. Как будто он смотрел на кого-то другого.

«Кто я?» - подумал он. - «Я - Элиас Холл. Мне 34 года. У меня искусственное сердце, которое гудит. У меня КЧ 68%. Я убиваю клонов. Я ненавижу свою работу. Я боюсь умереть. Это всё, что я знаю о себе».

Лифт продолжал опускаться. Цифры на панели мелькали одна за другой - 27, 26, 25. Он считал их машинально, как считал каждое утро. Это был его ритуал. Его личный способ сохранять контроль над временем. Даже здесь, в лифте, в этой белой кабине, он пытался чувствовать, что он ещё что-то контролирует.

«Сегодня я убью 12 человек», - думал он. - «Не человек. Клонов. У них нет имен. У них нет лиц. У них есть только

срок годности. Но когда я смотрю в их глаза, я вижу себя. Я вижу то, чем я стану. Я вижу то, что меня ждёт».

Лифт остановился на первом уровне. Двери открылись, выпуская свет и звуки города. Элиас шагнул наружу, в большой вестибюль, где уже толпились другие активы, спешащие на работу. Никто не смотрел на него. Он был просто ещё одним серым комбинезоном, ещё одним лицом в толпе.

Он направился к выходу. Экран над входом снова показывал новости - на этот раз о клонах, о новом контракте, о том, как эффективно использовать их ресурс. Элиас не слушал. Он думал о своём дне. О двенадцати клонах. О своей зарплате. О своём КЧ. О том, как он купит синтетический виски, когда вернётся домой.

«Потом я получу 200 кредитов», - продолжал он думать. - «Потом я куплю виски. Потом я усну. И завтра я проснусь и сделаю то же самое. Это моя жизнь. Это моя работа. Это всё, что у меня есть».

Он вышел на улицу. Город встретил его серым небом, голографическими вывесками и дронами, которые бесшумно скользили над головой. Элиас сделал глубокий вдох. Синтезированный воздух пах озоном. Он закрыл глаза на секунду и представил, что дышит настоящим воздухом. Что он стоит в зелёной зоне. Что ветер касается его лица.

Но когда он открыл глаза, он всё ещё был здесь. В «Новом-Токио-3». В мире, где он был активом. Где его существование определялось цифрами на экране. Где его жизнь

была не его собственной.

«Но, возможно, - подумал он, - если я буду делать это достаточно долго, я накоплю на новое сердце. Или на новый КЧ. Или просто на то, чтобы не просыпаться однажды. Может быть, однажды я просто не проснусь. И это будет лучше, чем всё, что я делаю сейчас».

Он пошёл по улице. Шаги были ровными, уверенными, механическими. Как у актива, который знает свой путь. Он шёл к сектору D-7, к своим двенадцати клонам, к своей работе. И на его лице не было никакого выражения. Только усталость. Только принятие. Только пустота.

Элиас вошёл в столовую для персонала. Большое, белое помещение с длинными пластиковыми столами, встроенными в пол, и такими же пластиковыми стульями, которые не двигались - они были частью конструкции. На стенах - голограммы с рекламой корпоративных продуктов, которые сменяли друг друга с интервалом в тридцать секунд. «Генезис - забота о вашей жизни», «Агро-Континент - еда для будущего», «Кибер-Фонд - ваш цифровой паспорт в новую эру». Элиас не смотрел на них. Он уже знал эти слоганы наизусть. Они были частью его утра, как звук его сердца.

В столовой былолюдно. Очередь перед раздаточной стойкой тянулась на десять человек. Элиас встал в конец очереди, чувствуя, как его мышцы ноют после зарядки. Он смотрел прямо перед собой, не встречаясь глазами с другими пользователями. Это было негласное правило: не смотреть. Не

задавать вопросов. Не проявлять интереса. Каждый был сам по себе, даже когда стоял в очереди рядом с другими.

Перед ним стояла женщина - средних лет, с короткими рыжими волосами и таким же шрамом на груди, как у него. Он узнал её. Линн. Работала в соседнем секторе. Они иногда пересекались в баре по вечерам, но никогда не говорили о работе. Это было табу. Ты не говоришь о своей работе, потому что твоя работа - это убийство. Ты не говоришь о смерти, потому что она повсюду.

- Холл, - сказала она, не поворачивая головы. - Ты сегодня выглядишь хреново.

- Утро доброе, Линн, - ответил он с той же усталой иронией, которая стала его привычкой. - Ты тоже выглядишь бодрее, чем обычно. Прямо цветёшь.

Она усмехнулась - коротко, без тепла.

- Я не цвету, Холл. Я просто показываю системе то, что она хочет видеть. Если ты делаешь вид, что ты счастлив, система считает, что ты эффективен. Это работает. Попробуй.

- Я уже пробовал. У меня не получается.

- Значит, ты недостаточно стараешься.

Они замолчали. Очередь медленно продвигалась вперёд. Элиас смотрел на раздаточную стойку, где стояли безликие автоматы. Пластиковые тарелки, пластиковые стаканы, пластиковые столовые приборы. Всё синтезированное. Всё безжизненное. Еда, которая пахла пластиком и не имела вкуса.

- Как думаешь, - сказала Линн, всё так же глядя прямо

перед собой, - что будет, когда мы станем расходниками?

Элиас помолчал. Он думал об этом часто. Каждую ночь, ложась в свою капсулу, он задавал себе этот вопрос. Что будет, когда его КЧ упадёт ниже критической отметки? Отключит ли его сердце? Отправят ли его в утилизатор? Заставят ли его смотреть, как его разбирают на запчасти?

- Я не знаю, - ответил он честно. - Но я знаю, что это случится раньше, чем я хочу. У всех это случается раньше, чем они хотят.

- Мы - активы, - сказала Линн. - Активы не имеют права хотеть.

Они подошли к раздаточной стойке. Автомат засветился зелёным, и перед ними возникли две пластиковые тарелки. На каждой - порция синтезированной каши, серой и безвкусной, и стакан воды. Той же синтезированной воды, которая была просто жидкостью, но не была мокрой.

Элиас взял свою тарелку и пошёл к свободному столу. Линн села напротив него. Они начали есть молча. Каша была безвкусной, как и вчера, как и позавчера, как и год назад. Она была едой, но она не была пищей. Она была просто топливом для его тела. Топливом, которое позволяло ему продолжать работу.

Элиас жевал медленно, чувствуя, как синтезированная масса превращается в его рту в серую слизь. Он глотал её, потому что должен был. Потому что если он не будет есть, его КЧ упадёт. И тогда он станет расходным материалом.

- Сегодня у меня двенадцать, - сказал он, глядя в тарелку.
- В секторе D-7.

- У меня одиннадцать, - ответила Линн. - В секторе D-5.
Дети.

Элиас поднял на неё глаза. Она смотрела в свою тарелку, и её лицо ничего не выражало. Но в голосе, когда она сказала «дети», он услышал то же самое эхо, которое каждый день слышал в себе. Эхо, которое не могло заглушить никакое железо.

- Просто делай свою работу, - сказал он. - Не думай о них.
Это единственный способ выжить.

- Я знаю, - ответила Линн. - Я и так не думаю. Я просто констатирую факты.

Они снова замолчали. Еда на тарелках постепенно исчезала. Элиас чувствовал, как его желудок заполняется этим синтезированным топливом. Это было не вкусно, не приятно, не питательно в том смысле, в каком питательна настоящая пища. Это просто утоляло голод. Как вода утоляет жажду, но не даёт жизни.

«Я хочу настоящей еды», - подумал он. - «Я хочу хлеба. Я хочу мяса. Я хочу почувствовать вкус. Хотя бы раз в жизни».

Но он знал, что настоящая еда - только для топ-менеджеров. Для тех, у кого КЧ выше девяноста процентов. Для тех, у кого настоящее сердце. Для тех, кто живёт в зелёных зонах. Для тех, кто не убивает людей по утрам.

Линн доела и отодвинула тарелку. Она посмотрела на

Элиаса, и в её глазах мелькнула тень той же усталости, которую он чувствовал.

- Как думаешь, - спросила она тихо, - они чувствуют боль?

Элиас замер. Он знал, что она говорит о клонах.

- Система говорит, что нет, - ответил он. - Система говорит, что их нервная система модифицирована. Что они не чувствуют ничего. Но я видел их лица, Линн. Я видел их глаза. Они чувствуют.

Линн кивнула, не говоря ни слова. Она встала и направилась к выходу.

Элиас остался сидеть за столом, глядя на пустую тарелку. Он думал о двенадцати клонах в секторе D-7. О том, как они смотрят на него, когда он входит. О том, что они чувствуют, когда он поднимает пистолет. О том, что они думают, когда он нажимает на спуск.

«Они такие же, как я», - подумал он. - «Они тоже активы. Они тоже выполняют протоколы. Разница только в том, что их срок годности истёк. А мой - ещё нет. Пока что».

Элиас медленно доедал кашу, пытаясь не думать о том, что он ест. Каша была серой, однородной, с лёгким химическим привкусом, который оставался на языке ещё долго после того, как он проглатывал. Это был вкус пластика. Вкус синтезированной еды, которую производил «Агро-Континент» в своих лабораториях. Еда для активов. Еда, которая не была едой.

Он вспомнил, как в детстве мать давала ему хлеб. Настоя-

щий хлеб. Тёплый, с хрустящей корочкой, которая ломалась в пальцах, оставляя крошки на столе. Он помнил запах - глухой, насыщенный, который заполнял всю кухню. Он помнил, как отламывал кусок и чувствовал, как мякиш тает во рту. Это было живое. Это было настоящее.

Теперь он ел серую массу, которая не имела ни запаха, ни вкуса, ни формы. Он глотал её, не чувствуя ничего, кроме пустоты. И он знал, что так будет всегда. Пока он не умрёт. Пока его не заменят.

«Помню, как мама пекла хлеб, - подумал он. - Она вставала рано утром, когда ещё было темно. Я слышал, как она возится на кухне, как звенят миски, как шуршит мука. Я просыпался от запаха. Тёплый запах хлеба, который витал по всему дому. Я вставал, шёл на кухню и садился за стол. Мама смотрела на меня и улыбалась. «Доброе утро, мой маленький», - говорила она. И она давала мне кусок хлеба. Горячий, мягкий, с маслом. Я помню этот вкус. Я помню его до сих пор».

Он закрыл глаза. На мгновение он почувствовал, как запах хлеба заполняет его сознание. Он почти мог его попробовать. Почти мог почувствовать, как тёплый мякиш касается его языка. Но это был только мираж. Когда он открыл глаза, он смотрел на свою серую тарелку, и в ней была только синтезированная каша.

- Вкус пластика, - сказал он вслух, ни к кому не обращаясь.

Рядом с ним сидел мужчина, которого он не заметил. Пожилой, с редкими седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Он смотрел на Элиаса с тем же усталым выражением, которое было у всех в этой столовой.

- Ты что-то сказал? - спросил мужчина.

- Нет, - ответил Элиас. - Ничего важного.

Мужчина кивнул и вернулся к своей тарелке. Элиас посмотрел на его руки - они дрожали. Лёгкая дрожь, которую он сам чувствовал каждое утро. Мужчина был стар. Ему было лет шестьдесят - или больше. Он был активом, который давно превысил свой срок годности. Но почему-то его ещё не списали.

- Ты долго работаешь? - спросил Элиас, нарушая молчание.

Мужчина поднял на него глаза. В них была та же пустота, что и у всех.

- Тридцать лет, - ответил он. - Тридцать лет я работаю на корпорацию. Мне обещали зелёную зону. Мне обещали настоящую еду. Мне обещали пенсию. Ничего не дали.

- Почему ты всё ещё здесь? - спросил Элиас.

Мужчина усмехнулся - криво, безрадостно.

- А куда мне идти? - спросил он. - В Серые Зоны? Там я умру через неделю. Здесь я умру через месяц. Разница только в том, что здесь я могу умереть в тепле. И есть эту кашу. Он поднял свою тарелку.

- Знаешь, - сказал он, - когда я был молодым, я думал,

что смогу всё изменить. Я думал, что если я буду хорошо работать, система наградит меня. Я был идиотом. Система не награждает. Система берёт. Она берёт твою жизнь, твои силы, твоё время. И когда ты ничего не можешь дать - она выбрасывает тебя. Как мусор.

Он положил ложку на тарелку и встал.

- Мой совет тебе, парень, - сказал он, глядя на Элиаса сверху вниз. - Не надейся. Надежда убивает. Если ты перестанешь надеяться, тебе будет легче. Ты станешь частью системы. Ты станешь как все. И ты не будешь страдать.

Он повернулся и ушёл, оставив Элиаса одного за столом. Элиас смотрел на его удаляющуюся спину - сутулую, медленную, старую. И он думал: «Я не хочу стать таким. Я не хочу дожить до шестидесяти и всё ещё есть эту кашу. Я не хочу умирать в тепле, зная, что моя жизнь была пустой. Я хочу что-то изменить. Я хочу вырваться».

Но он знал, что это невозможно. Что это просто мечта. Ещё одна ложь, которую он сам себе рассказывает, чтобы продолжать вставать по утрам.

Он доел кашу и отодвинул тарелку. Голограмма на стене снова показала лицо Айрис Вос. Она улыбалась, и её рыжие волосы сияли на фоне серой столовой. «Предательница», - гласила подпись. «Беглый клон». Элиас смотрел на неё и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Не от страха. Не от тревоги. От чего-то другого. От того, что он не мог объяснить.

«Ты - предательница, - подумал он. - Ты рискнула всем ради клона. Ты сделала то, что я не могу сделать. Ты сказала системе «нет». Ты ушла. Ты сбежала. Ты свободна».

Он смотрел на её улыбку и думал: «Я никогда не буду свободным. Я умру здесь. В этой столовой. С этой кашей. С этим пластиковым вкусом во рту. И никто не вспомнит меня».

Он встал и вышел из столовой. Коридор встретил его белизной и тишиной. Он шёл к выходу, к своему рабочему месту, к своим двенадцати клонам. И на его лице не было никакого выражения. Только усталость. Только принятие. Только пустота.

Элиас шёл по коридору, когда услышал голоса. Они доносились из бокового прохода, где находились подсобные помещения. Он замедлил шаг, прислушиваясь. Это был не разговор - это был прощальный ритуал. Тот, который он слышал уже много раз. Тот, который всегда заканчивался тишиной.

Он завернул за угол и увидел их. Трое клонов-уборщиков стояли у входа в техническую комнату. Их униформа была старой, потёртой, с выцветшими логотипами «Агро-Континента». Они были похожи друг на друга - бледные, худые, с пустыми глазами и одинаковыми шрамами на запястьях. Но один из них выделялся. Он стоял в центре, и его руки дрожали. На его шее красовалась повязка - не медицинская, а маркировочная. Жёлтая. Цвет, который означал «истёкший срок годности».

Элиас остановился. Он не должен был вмешиваться. Это

не было его делом. Клоны - это расходный материал. Когда их срок заканчивается, их утилизируют. Это работа кого-то другого, не его. Но он не мог уйти. Он смотрел на них и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

- Прощай, Рудольф, - сказал один из клонов, молодой парень с редкой щетиной на лице. - Ты был хорошим напарником.

- Спасибо, - ответил Рудольф. Его голос был тихим, хриплым, с лёгкой дрожью. - Я всегда буду помнить вас.

- Куда ты пойдёшь? - спросил третий клон, женщина с короткими тёмными волосами.

Рудольф усмехнулся.

- В утилизатор, - сказал он. - Куда же ещё?

Они замолчали. Никто не знал, что сказать. Слова были бесполезны. Как и надежда. Как и сожаления. Как и всё остальное в этом мире.

Элиас смотрел на них и чувствовал, как его тело начинает напрягаться. Он знал, что должен уйти. Что не имеет права на это смотреть. Что это слишком личное, слишком болезненное. Но он не мог отвести взгляд.

- Ты тоже когда-нибудь будешь на его месте, - сказал тихий голос у него за спиной.

Он обернулся. Рядом с ним стояла Линн. Она смотрела на клонов с тем же выражением, что и он - смесь усталости и боли.

- Я знаю, - ответил он. - Я каждый день об этом думаю.

- Мы все об этом думаем, - сказала Линн. - Мы просто не говорим вслух.

Они стояли и смотрели, как клоны прощаются. Рудольф обнял каждого из них - долго, крепко, как будто хотел запомнить их тепло. Потом он отошёл и направился к выходу, где уже ждали два охранника в чёрной униформе.

Они забрали его. Один из них взял Рудольфа за руку, другой - за плечо. Они не были жестокими - они были механическими. Они делали свою работу. Как и все остальные.

- Скажите моей семье, - сказал Рудольф, когда его вели мимо, - что я умер быстро. Без боли. И что я любил их.

- Мы скажем, - ответил один из клонов.

Рудольф посмотрел на них в последний раз. В его глазах мелькнула улыбка - последняя искра жизни, которая оставалась в нём.

- Удачи вам, - сказал он. - Живите.

Он исчез за углом. Охранники увели его к лифту, который вёз в утилизатор. Элиас стоял и смотрел, как закрываются двери.

- Сколько ему было? - спросил он.

- Восемь лет, - ответила Линн. - Он был клоном. Восемь лет - стандартный срок для уборщиков.

Элиас промолчал. Восемь лет. Он работал в корпорации десять лет. Он был старше Рудольфа. Он был эффективнее. Но он знал, что однажды он будет на его месте. Что однажды за ним придёт охрана, и его коллеги будут стоять и смотреть,

как его уводят.

- Я не хочу умирать в утилизаторе, - сказал он.

- Никто не хочет, - ответила Линн. - Но мы все там будем.

Они разошлись. Линн пошла в сторону своего сектора, а Элиас остался стоять в коридоре. Он смотрел на дверь, за которой исчез Рудольф. Он думал о том, как клоны прощались друг с другом. Как они обнимали его. Как они говорили ему, что он был хорошим напарником. Он думал о том, что у него нет таких отношений. Что у него нет никого, кто скажет ему: «Ты был хорошим напарником». Что он умрёт в одиночестве, как и жил.

- Я не хочу умирать один, - прошептал он.

Но его слова потонули в шуме вентиляции. Никто не услышал их. И никто не ответил.

Он пошёл дальше. К своему рабочему месту. К своим двенадцати клонам. К своей смерти, которая ждала его в конце этого пути.

Элиас вышел из столовой и направился к транспортной станции. Его шаги были ровными, уверенными, как у акти-ва, который знает свой путь. Но внутри него всё дрожало. Воспоминание о Рудольфе, о его прощании, о его улыбке - всё это застряло в его голове, не давая покоя.

«Восемь лет», - думал он. - «Он жил восемь лет. Он работал уборщиком. Он не знал, что такое настоящая еда. Он не знал, что такое свобода. Он просто существовал, пока его срок не истёк. И теперь он в утилизаторе. Как мусор».

Он остановился у входа на станцию. Над ним висел экран, который транслировал новости. На этот раз на нём было лицо Маркуса Воса - старого человека с холодными голубыми глазами и седыми волосами.

«Дорогие пользователи, - говорил Маркус. - Мы строим будущее для всех. Наша корпорация - это ваша безопасность, ваше благополучие, ваша жизнь. Следуйте протоколам, и вы будете защищены. Нарушайте правила - и вы станете расходным материалом. Выбор за вами».

Элиас смотрел на его лицо и чувствовал, как в груди закипает гнев. Впервые за много лет он почувствовал настоящую злость. Не на систему. Не на протоколы. На себя. За то, что он позволил этому случиться. За то, что он не сопротивлялся. За то, что он был таким же, как все.

«Я не хочу быть активом, - подумал он. - Я не хочу быть расходным материалом. Я хочу быть человеком».

Но он знал, что это невозможно. Что система не позволит ему вырваться. Что он умрёт здесь, в «Новом-Токио-3», как и все остальные.

Он зашёл в вакуумный поезд. Вагон был почти пустым - только несколько пассажиров сидели в углах, уставившись в свои терминалы. Элиас сел на свободное место и закрыл глаза. Поезд плавно тронулся, и он почувствовал, как его тело погружается в полузабытьё.

Сердце билось ровно. *Вжж-вжж-вжж*. Этот звук стал его колыбельной. Каждое утро он слышал его, когда ехал на рабо-

ту. И каждое утро он чувствовал, как ненависть к этому звуку становится всё сильнее.

«Я ненавижу своё сердце, - подумал он. - Я ненавижу это тело. Я ненавижу эту жизнь. Я ненавижу всё».

Но он знал, что ненависть не спасёт его. Она только делает его слабее. Она только снизит его КЧ. Она только приблизит его к смерти.

Он открыл глаза и посмотрел в окно. Город «Новый-Токио-3» проносился мимо - небоскрёбы, голограммы, дроны. Всё было серым. Всё было мёртвым. Всё было одинаковым.

«Кейн-39, - вспомнил он. - Айрис Вос. Они сбежали. Они рискнули. Они сделали то, что я не могу сделать».

Он подумал о том, что было бы, если бы он оказался на их месте. Если бы он встретил кого-то, ради кого стоило рискнуть. Если бы он нашёл свободу.

«Но я не найду её, - сказал он себе. - Я слишком устал. Я слишком слаб. Я просто актив».

Поезд остановился на станции. Элиас вышел из вагона на платформу станции «Центральная-3». Платформа была огромной - десятки путей, сотни пассажиров, которые спешили в разные стороны. Все в серых комбинезонах, все с одинаковыми лицами, все с одинаковым выражением пустоты. Никто не смотрел друг на друга. Никто не разговаривал. Каждый был занят своим делом - или притворялся, что занят.

Элиас направился к выходу, но на полпути замедлил шаг.

Над платформой висел огромный экран - один из тех, которые транслировали корпоративные новости. Он обычно не смотрел на них. Но сегодня что-то заставило его поднять глаза.

На экране, в ярких голубых тонах, мелькал заголовок: «ВНИМАНИЕ! РОЗЫСК ПРЕДАТЕЛЕЙ». И ниже - две фотографии. Мужчина и женщина. Мужчина был высоким, мускулистым, с короткими тёмными волосами и жёсткими чертами лица. На его груди, чуть ниже ключицы, была татуировка - цифра «39» и сердце с женским именем внутри. Женщина была другой - хрупкой, с яркими рыжими волосами, которые выделялись на фоне серого мира. Её глаза были большими и зелёными, с той отчаянной решимостью, которая появляется у людей, которым нечего терять.

Элиас замер. Он смотрел на фотографии, не веря своим глазам. Он никогда не видел этих людей. Но он чувствовал, что он должен знать их. Что их судьба связана с его судьбой. Что они - часть чего-то большего, чем просто новости.

Голос диктора продолжал вещать:

- Граждане-пользователи! Корпорация «Генезис» объявляет в розыск двух опасных преступников. Первый - Кейн-39, беглый клон-солдат, который покинул корпоративное содержание без разрешения. Второй - Айрис Вос, внучка главы корпорации, которая помогла ему сбежать и скрывается вместе с ним. За информацию о местонахождении Кейна-39 объявлена награда в размере 50 000 кредитов. За ин-

формацию о местонахождении Айрис Вос - 10 миллионов кредитов при условии захвата живой. Желающие сотрудничать должны обратиться в ближайший центр безопасности «Генезиса». Помните: предатели не заслуживают пощады. Коэффициент Чистоты - это наше общее будущее.

Элиас продолжал смотреть на экран. Фотографии исчезли, и на их месте появилась новая реклама - «Агро-Континент» рекламировал новый синтезированный завтрак с «натуральным вкусом ягод». Он не слушал её. Он смотрел туда, где только что были лица этих двух людей.

Кейн-39. Беглый клон. Айрис Вос. Внучка главы корпорации. Они сбежали вместе. За ними была объявлена охота. И он, Элиас, - чистильщик, который убивает таких же клонов каждое утро, - теперь должен был искать их, если хотел выжить.

- Ты слышал? - раздался голос за его спиной.

Элиас обернулся. Рядом с ним стоял коллега - мужчина по имени Дэниел, с которым он иногда пересекался в баре. Дэниел был старше, с седой щетиной и стеклянным глазом, который ему поставили после неудачной операции. Он смотрел на экран с той же смесью страха и любопытства, что и Элиас.

- Слышал, - ответил Элиас. - Кейн-39. Айрис Вос. Предатели.

- Говорят, они влюблены, - сказал Дэниел, понижая голос. - Клон и внучка босса. Представляешь? Они целовались под

камерами. Пять минут. Прямо в лаборатории. Им удалось отключить систему слежения на целых пять минут. Идиоты. Зачем рисковать ради такого?

Элиас промолчал. Он не знал, что ответить. Любовь. Это слово звучало в его голове странно, почти чужеродно. Любовь - это роскошь. Для клонов - запрещена. Для таких, как он, - недостижима. Он уже давно перестал думать о чувствах. Они были просто ещё одной функцией, которая снижала его КЧ.

- Зачем им это было нужно? - спросил он наконец.

- Понятия не имею, - ответил Дэниел. - Может быть, они были безумны. Или просто не думали. Но теперь их ищут. И если они попадутся, их ждёт утилизация. Обоих.

Они замолчали. На экране снова появились фотографии, но на этот раз крупным планом. Лицо Кейна-39 было жёстким, но в его глазах Элиас увидел ту же боль, которую чувствовал каждый день. А глаза Айрис Вос - они смотрели на него с экрана с такой мольбой, что у него сжалось сердце.

«Я знаю тебя», - подумал он, глядя на её фотографию. - «Я не знаю, откуда я тебя знаю. Но я знаю».

Он не мог объяснить это чувство. Оно было иррациональным, нелогичным, опасным. Эмпатия. Та самая эмпатия, которая снижала его КЧ. Та самая эмпатия, которая убивала его каждый день. Он должен был забыть её лицо. Должен был сосредоточиться на своей работе. На двенадцати клонах в секторе D-7. На своём КЧ, который падал с каждым днём.

Но он не мог.

- Ты идёшь? - спросил Дэниел, уже отходя от него. - Нам нужно на брифинг.

- Иду, - ответил Элиас, но его ноги не двигались. Он стоял и смотрел на экран, пока фотографии не исчезли, а их место не заняла очередная реклама «Кибер-Фонда». «Цифровой Паспорт 2.0 - ваша безопасность в наших руках», - гласил слоган. Элиас не верил этому. Он не верил ничему, что было написано на этих экранах.

Он повернулся и пошёл вслед за Дэниелом. Шаги были тяжёлыми, как будто он нёс на плечах груз, который становился всё тяжелее с каждым шагом. Он думал о Кейне-39 и Айрис Вос. О том, как они целовались под камерами. О том, как они рискнули всем ради пяти минут счастья.

«Они идиоты», - сказал он себе. - «Они погубили себя. Они не выживут. Никто из нас не выживает».

Но внутри него, где-то глубоко под слоем усталости и цинизма, шевельнулось что-то тёплое. Что-то, что он не чувствовал уже много лет. Надежда. Глупая, иррациональная, опасная надежда на то, что ещё можно что-то изменить. Что ещё не всё потеряно.

Он подавил это чувство. Он не мог позволить себе надежду. Надежда снижала КЧ. Надежда убивала. Он знал это. Он знал это лучше, чем кто-либо другой.

Элиас и Дэниел вышли на улицу. Город «Новый-Токио-3» встретил их серым небом, голографическими вывесками и

дронами, которые бесшумно скользили над головой. Воздух был синтезированным, пах озоном и пластиком. Настоящий воздух только в зелёных зонах. Элиас никогда там не был.

- Ты выглядишь озабоченным, - сказал Дэниел, когда они шли по улице. - Что-то случилось?

- Ничего, - ответил Элиас. - Я просто думал. О работе.

- О работе, значит, - Дэниел усмехнулся. - Ты слишком много думаешь, Холл. Это плохо для твоего КЧ. Просто делай свою работу и не задавай вопросов. Так все выживают.

- Я знаю, - сказал Элиас. - Я знаю, Дэниел. Спасибо за совет.

Они разошлись на перекрёстке. Дэниел пошёл в сторону сектора D-5, а Элиас - в сторону D-7. Город вокруг них был заполнен людьми, но каждый из них был одинок. Каждый был активом. Каждый выполнял свою функцию. Никто не говорил друг другу правду.

Элиас шёл по улице, и его сердце билось в такт шагам. *Вжс-вжс-вжс*. Он смотрел на дронов, которые пролетали над его головой. На их красные огоньки, которые вспыхивали и гасли. На стены зданий, покрытые голограммами корпораций.

Над его головой снова зажужжал экран. На этот раз на нём было лицо Маркуса Веса - старого человека с холодными голубыми глазами и седыми волосами. Элиас смотрел на него и чувствовал, как его желудок сжимается от тошноты.

«Дорогие пользователи, - говорил Маркус. - Сегодня я хо-

чу поговорить с вами о предательстве. О том, как один человек может разрушить всё, что мы построили. Моя внучка, Айрис Вос, выбрала путь предательства. Она помогла беглому клону сбежать. Она предала свою семью, свою корпорацию, свои ценности. Но мы найдём её. Мы найдём их обоих. И они заплатят за свои преступления. Помните: предательство - это не просто нарушение правил. Это нарушение вашей природы. Это отказ от вашей сущности. Не позволяйте эмоциям управлять вами. Следуйте протоколам, и вы будете защищены. Нарушайте правила - и вы станете расходным материалом. Выбор за вами».

Элиас смотрел на лицо Маркуса Воса и чувствовал, как его руки сжимаются в кулаки. Он ненавидел этого человека. Он ненавидел его холодные глаза, его механическую улыбку, его слова, которые звучали как приговор. Но он ничего не мог сделать. Он был просто активом. Он был просто шестерёнкой в этой машине.

- Ты видел новости? - спросил кто-то за его спиной.

Элиас обернулся. Рядом с ним стояла женщина - молодая, с короткими тёмными волосами и бледным лицом. Она смотрела на экран с тем же выражением, что и он.

- Видел, - ответил он.

- Она красивая, - сказала женщина. - Айрис Вос. Я видела её фотографию. Она выглядит как человек, у которого есть сердце. Настоящее сердце.

- У неё оно есть, - сказал Элиас. - Она внучка босса. У

таких людей есть всё. Настоящие сердца, настоящая еда, настоящая жизнь.

Женщина усмехнулась.

- А ты думаешь, она счастлива? - спросила она. - Ты думаешь, она рада, что родилась в этой семье? Что она смотрит на своего деда и видит в нём монстра? Она сбежала, потому что не хотела быть частью этого. Она рискнула всем ради любви. Это делает её слабой. Или это делает её человеком?

Элиас промолчал. Он не знал ответа. Он думал о том, что такое быть человеком. Что значит чувствовать. Что значит любить. Он не чувствовал ничего уже много лет. Он был пустым. Он был мёртвым внутри. Но когда он смотрел на фотографию Айрис Вос, он чувствовал, как что-то шевелится у него в груди. Что-то, что он не мог объяснить.

- Я не знаю, - сказал он наконец. - Я просто не знаю.

- Может быть, - сказала женщина, - мы все когда-нибудь станем такими, как она. Людьми, у которых есть сердце. Или умрём, пытаюсь.

Она повернулась и ушла. Элиас остался стоять на улице, глядя на экран, который показывал лицо Маркуса Воса. Он думал о том, что сказала женщина. Он думал о том, что такое быть человеком. Он думал о том, что он потерял свою человечность много лет назад.

«Я хочу быть человеком, - подумал он. - Я хочу чувствовать. Я хочу любить. Я хочу быть свободным».

Но он знал, что это невозможно. Что система не позволит

ему вырваться. Что он умрёт здесь, в этом сером городе, как и все остальные.

Он пошёл дальше. К своему рабочему месту. К своим двенадцати клонам. К своей смерти, которая ждала его в конце этого пути.

Элиас подошёл к зданию, где находился его отдел. Белое, стеклянное, стерильное. Как и всё в этом городе. Он остановился перед входом и глубоко вздохнул. Синтезированный воздух пах озоном. Он закрыл глаза и представил, что стоит в лесу. Что ветер касается его лица. Что его сердце бьётся ровно, без этого проклятого звука.

Но когда он открыл глаза, он всё ещё был здесь. В «Новом-Токио-3». В центре корпоративного ада. С двенадцатью клонами, которые ждали его в секторе D-7. С фотографиями Кейна-39 и Айрис Вос, которые навсегда запечатлелись в его памяти.

Он зашёл в здание. В вестибюле былолюдно - десятки чистильщиков, которые спешили на свои участки. Они не обменивались улыбками. Они не говорили друг с другом. Они были похожи на призраков - серые, молчаливые, безликие.

Элиас направился к лифту. На стене висел экран, который транслировал новости. На этот раз он показывал фотографию Айрис Вос крупным планом. Её рыжие волосы, зелёные глаза, широкая улыбка. Она выглядела как человек, у которого есть будущее. Как человек, который может всё изменить.

«Сдайте её - и вы свободны навсегда», - гласил заголовок.

Элиас смотрел на её лицо и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он не хотел сдавать её. Он хотел помочь ей. Он хотел быть частью чего-то большего. Он хотел быть свободным.

«Я не могу, - подумал он. - Я слишком слаб. Я слишком устал. Я просто актив».

Но внутри него, где-то глубоко, голос шептал: «Ты можешь. Ты должен попытаться. Даже если это ничего не изменит. Даже если ты умрёшь. Ты должен попытаться».

Он отвёл взгляд от экрана и вошёл в лифт. Двери закрылись за ним, и он остался один в белой кабине. Он смотрел на своё отражение в металлической стене и думал о том, что он только что видел.

«Она сбежала, - думал он. - Она рискнула всем ради любви. Она сделала то, что я не могу сделать. Она сказала системе «нет». Она ушла. Она свободна».

Он закрыл глаза. Перед ним снова возникло её лицо. Её улыбка. Её рыжие волосы. Он хотел быть рядом с ней. Он хотел быть таким же смелым. Он хотел быть человеком.

Лифт остановился. Двери открылись, впуская свет и звуки коридора. Элиас вышел и направился к своему кабинету. Он знал, что его ждёт работа. Его ждали двенадцать клонов. Его ждала смерть. Но сейчас, в этот момент, он думал только об одном: о свободе.

«Я должен найти её, - подумал он. - Я должен найти Ай-

рис Вос. Я должен помочь ей. Не для того, чтобы получить награду. А для того, чтобы изменить что-то. Чтобы доказать, что я ещё человек».

Он шагнул в свой кабинет. На столе лежал план работы на день. Двенадцать клонов в секторе D-7. Время: 09:00. Он посмотрел на план и улыбнулся. Впервые за много лет он улыбнулся по-настоящему.

«Сегодня я не убью их, - подумал он. - Сегодня я сделаю что-то другое. Сегодня я изменю свою жизнь».

Он вышел из кабинета и направился к лифту. Ему нужно было в сектор D-7. Но он не собирался убивать. Он собирался говорить. Он собирался помогать. Он собирался быть человеком.

Элиас вошёл в лифт, который вёз его на нижние уровни, туда, где находился сектор D-7. Лифт был старым, с металлическими стенами, покрытыми слоями краски, которая облезала в некоторых местах. Здесь, на нижних уровнях, система была не такой идеальной. Здесь были трещины в стенах, грязь в углах, запах сырости и химикатов. Это был мир, который корпорация не показывала в своих голограммах. Мир, где жили клоны.

Элиас стоял в углу лифта, смотрел на своё отражение в металлической стене и думал о том, что он собирается сделать. Он собирался нарушить правила. Он собирался отказаться от своей работы. Он собирался стать предателем. Как Айрис Вос. Как Кейн-39.

«Я хочу быть предателем, - подумал он. - Я хочу быть свободным».

Лифт остановился. Двери открылись, и он шагнул в коридор. Коридор был длинным, тёмным, с тусклыми лампами, которые мерцали в такт гулу вентиляции. Стены были грязными, с пятнами, которые могли быть чем угодно - ржавчиной, плесенью, кровью.

Элиас шёл по коридору. За каждой дверью были клоны. Он знал их - они были его работой. Но сегодня он не собирался убивать их. Сегодня он собирался говорить с ними.

Он остановился у первой двери. На ней была табличка: «Клон № 1. Срок годности: истёк». Элиас поднял руку и постучал.

- Кто там? - раздался голос изнутри.

- Элиас Холл, - ответил он. - Корректор.

- Я знаю, кто ты, - сказал голос. - Ты пришёл убить меня?

Элиас помолчал.

- Нет, - сказал он. - Я пришёл поговорить.

- Зачем?

- Потому что я хочу изменить свою жизнь, - сказал он. -

Я хочу быть человеком.

Внутри повисла тишина. Потом дверь открылась. На пороге стоял мужчина - молодой, бледный, с чёрными волосами и тёмными глазами. Он был клоном. Он был расходным материалом. Но он смотрел на Элиаса с такой же смесью страха и надежды, которую Элиас чувствовал сам.

- Поговорим, - сказал клон.

Элиас вышел из лифта на уровень, где находился кабинет начальника отдела. Этот уровень отличался от всех остальных - здесь было чисто, светло, стерильно. Белые стены, белый пол, белый потолок. Никаких трещин, никакой грязи, никаких пятен. Здесь пахло не озоном и химикатами, а чем-то другим - искусственной свежестью, которую распыляли очистители воздуха. Это был уровень для начальников. Для тех, кто стоял на ступеньку выше таких, как он.

Элиас шёл по коридору, и его шаги эхом разносились в тишине. Здесь не было толп пользователей, не было шума вентиляции, не было гула лифтов. Только тишина. Такая тишина, которая давила на уши. Он чувствовал себя чужим в этом месте. Как будто он зашёл в святилище, где ему не место.

Он остановился перед массивной стеклянной дверью. За ней - кабинет начальника отдела. Дж. С. Человек, который управлял его жизнью, его работой, его судьбой. Человек, который решал, жить ему или умереть.

Элиас поднял руку, чтобы постучать, но дверь открылась сама. Стеклянная панель бесшумно сдвинулась в сторону, и он шагнул внутрь. Кабинет был огромным - метров пятьдесят, не меньше. Белые стены, белый пол, белый потолок. Огромный стол из стекла, за которым сидел начальник. За его спиной - панорамное окно, выходящее на город. Отсюда, с этого уровня, «Новый-Токио-3» выглядел красивым.

Небоскрёбы сияли, голограммы переливались, дроны казались маленькими блестящими точками. Элиас никогда не видел этот вид. И он знал, что никогда не увидит его снова.

- Холл, - раздался голос. Резкий, сухой, безэмоциональный. - Ты опоздал на три минуты.

Элиас перевёл взгляд на начальника. Дж. С. сидел за стеклянным столом, глядя на него сквозь прозрачную поверхность. Он был мужчиной лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и такими же седыми глазами. На его лице не было никакого выражения - только лёгкая усмешка, которая появлялась у людей, привыкших к власти. Его кожа была неестественно гладкой - модифицированной. Элиас заметил это сразу. Глаза, чуть более яркие, чем у обычных людей. Кожа, лишённая морщин. Тело, которое выглядело слишком сильным для его возраста. Дж. С. был модифицированным человеком. Он был тем, кто мог позволить себе улучшения.

- Простите, сэр, - сказал Элиас, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Задержался в столовой.

- Столовая, - повторил Дж. С. - Ты задерживаешься в столовой, пока твой КЧ падает. Это умно? Нет. Это глупо. Ты не можешь позволить себе быть глупым, Холл. У тебя нет ресурса на глупость.

Элиас промолчал. Он знал, что спорить бесполезно. Дж. С. никогда не слушал оправданий. Он смотрел только на цифры. Только на эффективность. Только на протоколы.

- Садись, - сказал начальник, указывая на стул перед сто-

лом.

Элиас сел. Стул был мягким - слишком мягким для такого места. Он чувствовал себя неудобно, как будто сидел на облаке, которое могло исчезнуть в любой момент.

Дж. С. взял планшет со стола и пробежал пальцем по экрану.

- Сегодня у тебя двенадцать дефектов в секторе D-7, - сказал он. - Ты видел план работы?

- Да, сэр.

- И что ты думаешь?

Элиас помолчал. Он не знал, что ответить. Обычно он просто кивал и соглашался. Но сегодня что-то изменилось. Сегодня он не хотел быть послушным.

- Я думаю, сэр, - сказал он медленно, - что двенадцать - это много.

Дж. С. поднял бровь. Его лицо осталось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

- Много? - переспросил он. - Ты хочешь сказать, что не справишься?

- Я хочу сказать, сэр, - ответил Элиас, - что двенадцать клонов - это слишком много для одного человека. Даже если они бракованные. Даже если их срок годности истёк.

Дж. С. усмехнулся. Коротко, без тепла.

- Холл, - сказал он, - ты работаешь в корпорации десять лет. Ты знаешь правила. Ты знаешь протоколы. Ты знаешь, что от тебя требуется. Двенадцать - это норма. Ты справлял-

ся с большим. Помнишь? В прошлом году у тебя было пятнадцать. И ничего. Ты выжил.

- В прошлом году я был моложе, - сказал Элиас.

- Все мы становимся старше, - ответил Дж. С. - Это не оправдание.

Он положил планшет на стол и посмотрел на Элиаса в упор. Его седые глаза были холодными, как лёд.

- Холл, - сказал он, - твой КЧ падает. Ты знаешь это? Ты знаешь, что критический уровень - 65%? И ты знаешь, что если ты упадёшь ниже, ты станешь расходным материалом?

- Знаю, сэр.

- Тогда зачем ты споришь? Зачем ты теряешь время? Если ты не справишься с работой, твой КЧ упадёт ещё быстрее. Ты хочешь стать расходным материалом?

Элиас промолчал. Он хотел сказать «нет», но слова застряли в горле. Потому что он не знал, хочет ли он жить. Потому что жизнь, которую он жил, не была жизнью. Это было существование. И он не знал, что хуже - умереть сейчас или продолжать это бесконечное мучение.

- Я не хочу становиться расходным материалом, - сказал он наконец.

- Тогда делай свою работу, - ответил Дж. С. - Не задавай вопросов. Не сомневайся. Просто делай. Это единственный способ выжить.

Он протянул руку и нажал кнопку на столе. В комнате загорелась голограмма - трёхмерное изображение сектора D-7.

Элиас увидел коридоры, комнаты, капсулы с клонами. Каждая капсула была отмечена красной точкой - «дефект. Утилизация».

- Вот твои двенадцать, - сказал Дж. С. - Клоны. Срок годности истёк. Они не нужны корпорации. Твоя задача - утилизировать их. Быстро, чисто, эффективно. Без эмоций. Без сострадания. Просто работа.

Элиас смотрел на голограмму. Он видел капсулы. Он видел клонов внутри. Они были похожи на людей. На таких же людей, как он. Но система говорила, что они - не люди. Что они - активы. Что их можно утилизировать, как мусор.

- Я понял, сэр, - сказал он.

- Хорошо, - ответил Дж. С. - Тогда иди. У тебя есть два часа. Если не уложишься - я запишу это как нарушение протокола. И твой КЧ упадёт ещё на два процента.

Он отключил голограмму. Комната снова стала пустой и белой. Элиас встал и направился к выходу.

- Холл, - сказал Дж. С. у него за спиной.

Элиас обернулся.

- Помни, - сказал начальник, - твоё сердце принадлежит корпорации. Если ты не справишься - мы его заберём. И отдадим кому-то более эффективному.

Элиас посмотрел на него. На его седые глаза. На его модифицированную кожу. На его холодную улыбку.

- Я помню, сэр, - сказал он.

Он вышел из кабинета. Стеклопанная дверь бесшумно за-

крылась за ним. Элиас остался стоять в коридоре, глядя на белые стены. Его сердце билось ровно. *Вжс-вжс-вжс*. И он думал о том, что только что сказал начальник.

«Твоё сердце принадлежит корпорации», - вспомнил он. - «Если ты не справишься - мы его заберём».

Элиас посмотрел на свою грудь. Под комбинезоном, под кожей, скрывался механический модуль. Пятая модель. Произведена «Генезисом». Срок годности - десять лет. Он работал уже девять. Остался один год. Один год до того, как его сердце износится. Один год до того, как он станет расходным материалом.

- Сегодня я попрошу заменить его, - сказал он себе автоматически.

Но он знал, что не попросит. Потому что замена стоила полгода его зарплаты. Потому что его КЧ был слишком низким, чтобы подавать заявку. Потому что он был слишком усталым, чтобы бороться.

Он пошёл к лифту. К сектору D-7. К своим двенадцати клонам. К своей работе. И на его лице не было никакого выражения. Только усталость. Только принятие. Только пустота.

Лифт спускался на нижние уровни. Элиас стоял в углу и смотрел на цифры, которые мелькали на панели: 15, 14, 13. С каждым уровнем воздух становился тяжелее, запах сырости - сильнее. Здесь, на нижних уровнях, система была другой. Здесь не было голограмм, не было рекламы, не было идеаль-

ной чистоты. Здесь были грязь, ржавчина и запах смерти.

Он вышел из лифта. Коридор был тёмным, с тусклыми лампами, которые мерцали в такт гулу вентиляции. Стены были покрыты слоями старой краски, которая облезала, открывая ржавый металл под ней. Пол был липким от чего-то, что он не хотел идентифицировать.

Элиас шёл по коридору, и его шаги эхом разносились в тишине. Он достал свой терминал и открыл файл с заданием. Двенадцать клонов. Имена, сроки годности, координаты. Он пролистал список, чувствуя, как его желудок сжимается.

«Клон № 1. Имя: неизвестно. Срок годности: истёк 3 дня назад. Причина: биологический износ. Координаты: комната 4».

«Клон № 2. Имя: неизвестно. Срок годности: истёк 5 дней назад. Причина: системный сбой. Координаты: комната 7».

Он продолжал читать. Каждый клон - это человек. Кто-то, у кого были надежды, мечты, чувства. Но система называла их «дефектами». Система говорила, что их нужно утилизировать. И он выполнял это задание каждый день, даже не задумываясь.

«Клон № 12. Имя: неизвестно. Срок годности: истёк 2 дня назад. Причина: отказ органов. Координаты: комната 39».

Элиас остановился. Номер комнаты - 39. Кейн-39. То же число. Совпадение? Или система издевается над ним?

Он закрыл файл и убрал терминал. Его руки дрожали. Он не знал, почему. Может быть, из-за холода. Может быть, из-

за страха. Может быть, из-за того, что он чувствовал.

- Просто сделай это, - сказал он себе. - Просто сделай это, Холл. Это твоя работа. Это твоя жизнь. Просто сделай это.

Он пошёл дальше. К комнате 4. К своему первому клону.

Он открыл дверь. Комната была маленькой - метра три на три. Белые стены, белый пол, белый потолок. Такая же, как его капсула-квартира. В углу стояла капсула сна. Такая же, как его. Внутри лежал клон.

Элиас подошёл ближе. Клон был мужчиной - молодым, с бледной кожей и короткими тёмными волосами. Он был худым, почти прозрачным, с синеватыми венами, проступавшими сквозь кожу. Его глаза были закрыты. Он был без сознания - или мёртв. Элиас проверил терминал. «Статус: активен. Состояние: критическое. Срок годности: истёк. Рекомендуются: утилизация».

Элиас поднял свой тазер. Он смотрел на лицо клона. На его спокойное выражение. На его закрытые глаза. Он думал о том, что этот человек когда-то был таким же, как он. Что у него были надежды, мечты, чувства. Что он тоже хотел жить.

«Я не могу, - подумал он. - Я не могу убить его. Я не могу сделать это снова».

Но он знал, что должен. Что если он откажется, его КЧ упадёт. Что если он откажется, он станет расходным материалом. Что если он откажется, его сердце отключат.

Он поднял тазер. Его рука дрожала. Он смотрел на клона и чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он не плакал

уже много лет. Но сейчас, глядя на это незащитное лицо, он почувствовал, как его глаза наполняются влагой.

- Прости, - сказал он. - Прости, что я не могу спасти тебя. Прости, что я слаб.

Он нажал на спуск. Тазер издал тихий звук, и клон вздрогнул. Потом его тело обмякло. Он был мёртв.

Элиас отвернулся. Он не мог смотреть на него. Он не мог смотреть на то, что только что сделал.

«Двенадцать, - подумал он. - Двенадцать таких, как он. Двенадцать жизней, которые я должен забрать. Это моя работа. Это моя жизнь. Это всё, что у меня есть».

Он вышел из комнаты и пошёл к следующей. Его шаги были тяжёлыми, как будто он нёс на себе груз, который становился всё тяжелее с каждым шагом.

«Я хочу быть человеком, - думал он. - Я хочу чувствовать. Я хочу любить. Я хочу быть свободным».

Но он знал, что это невозможно. Что он слишком слаб. Что он слишком устал. Что он просто актив.

Он открыл следующую дверь.

Элиас вошёл в следующую комнату. Она была такой же, как первая - белой, пустой, с капсулой сна в углу. Внутри лежал второй клон. Женщина. Молодая, с короткими тёмными волосами и бледной кожей. Она была жива - её грудь медленно поднималась и опускалась. Она смотрела на него, и в её глазах был страх.

- Ты пришёл убить меня? - спросила она.

Элиас замер. Он не ожидал, что она будет говорить. Он не ожидал, что она будет смотреть на него. Он не ожидал, что она будет бояться.

- Я... - начал он, но слова застряли в горле.

- Ты чистильщик, - сказала она. - Я знаю, кто ты. Ты пришёл убить меня, потому что мой срок годности истёк. Потому что я бракованная. Потому что я не нужна системе.

- Прости, - сказал он. - Я не хочу...

- Никто не хочет, - ответила она. - Но все делают. Это твоя работа. Это моя смерть. Так устроен мир.

Элиас смотрел на неё. Он видел её страх. Он видел её боль. И он чувствовал, как его собственное сердце бьётся быстрее, как его руки начинают дрожать.

- Я не хочу убивать тебя, - сказал он. - Я не хочу.

- Тогда не убивай, - сказала она. - Но ты же знаешь, что будет, если ты откажешься. Твой КЧ упадёт. Тебя списали бы. Ты стал бы таким же, как я. Расходным материалом.

Он смотрел на неё. Она была права. Он знал это. Но он не мог заставить себя нажать на спуск. Он не мог убить её. Она была такой же, как он. Она была человеком.

- Я не могу, - сказал он. - Я не могу сделать это снова.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула искра надежды.

- Тогда помоги мне, - сказала она. - Помоги мне сбежать. Помоги мне выжить.

Элиас замер. Он не знал, что ответить. Он не знал, что

делать. Он не знал, как помочь ей.

- Я не могу, - сказал он. - Мне некуда идти. Мне некуда бежать.

- Тогда умри со мной, - сказала она. - Умри, как человек. А не как актив.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он чувствовал, как страх и надежда борются в его душе.

«Я хочу быть человеком», - подумал он. - «Я хочу быть свободным. Я хочу жить».

Он подошёл к капсуле. Он протянул руку и коснулся её плеча. Она вздрогнула, но не отстранилась.

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я помогу тебе сбежать.

Она посмотрела на него. В её глазах была благодарность.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо тебе.

Элиас открыл капсулу. Он помог ей встать. Она была слабой, но она держалась на ногах. Он взял её за руку.

- Идём, - сказал он. - Я выведу тебя отсюда.

Они пошли по коридору. Элиас вёл её к выходу. Он знал, что это безумно. Он знал, что это может стоить ему жизни. Но он не мог остановиться. Он хотел быть человеком. И человек не убивает других людей.

«Я стану предателем», - подумал он. - «Как Айрис Вос. Как Кейн-39. Я рискну всем ради неё».

Он шёл, и его шаги были уверенными. Он не знал, что будет дальше. Но он знал, что делает правильно.

Элиас вывел клона в коридор. Они шли вдвоём, быстро и тихо, стараясь не привлекать внимания. Женщина была слаба - она опиралась на его плечо, её дыхание было прерывистым, ноги подкашивались. Но она шла. Она хотела жить. И это желание, эта искра жизни в её глазах, напоминала ему о том, что он сам когда-то чувствовал. Много лет назад. До того, как стал активом.

- Куда мы идём? - спросила она, её голос был тихим, хриплым, с лёгкой дрожью. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах было доверие. Доверие, которого он не заслуживал. Доверие, которое он мог разрушить в любой момент.

- Вниз, - ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - На нижние уровни. Туда, где система не видит. Туда, где ты сможешь спрятаться. Там есть старые туннели, которые ведут в Серые Зоны. Я слышал о них от других чистильщиков. Они не охраняются. Система забыла о них.

- А ты? - спросила она, её рука сжала его плечо сильнее. - Что будет с тобой?

Элиас промолчал. Он не знал, что будет с ним. Он знал только, что он нарушил правила. Что он стал предателем. Что его КЧ упадёт. Что его сердце могут отключить. Что начальник отдела уже, возможно, заметил его отсутствие. Что система уже фиксирует его передвижения по коридорам, его отклонение от маршрута, его нестандартное поведение.

«Они уже знают», - подумал он. - «Они уже видят меня. Они уже готовят моё наказание».

Он посмотрел на женщину. Она была молода - лет двадцать, не больше. Её лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками под кожей. Её глаза - большие, тёмные, с той отчаянной надеждой, которую он видел только у тех, кому нечего терять. Она была клоном. Она была расходным материалом. Но сейчас она была для него чем-то большим. Она была напоминанием о том, что он ещё человек. Что он ещё может чувствовать. Что он ещё может выживать.

«Я умру, - подумал он. - Я умру за неё. И это будет лучшая смерть, чем я мог себе представить. Я не умру в утилизаторе, как мусор. Я умру, спасая кого-то. Я умру, как человек».

Они остановились у лифта. Элиас нажал кнопку. Лифт был старым - металлические двери были покрыты ржавчиной, панель управления потрескалась, некоторые кнопки не работали. Но он работал. Он спускался на нижние уровни, туда, где система была слабее, где камеры не работали, где можно было спрятаться.

- Спасибо тебе, - сказала она, и её голос дрогнул. - Спасибо, что спас меня. Я не знаю, зачем ты это делаешь. Но я благодарна тебе. Я не хотела умирать. Я не хотела, чтобы меня утилизировали, как мусор. Я хотела жить. Я хотела увидеть солнце. Настоящее солнце. Не голограмму.

- Не благодари, - сказал он, не глядя на неё. - Я делаю это для себя. Я хочу быть человеком. Я хочу доказать себе, что я ещё не стал машиной. Что я ещё могу чувствовать. Что я

ещё могу выбирать.

Она посмотрела на него. В её глазах была благодарность и страх. Но было и что-то ещё. Что-то, что он не мог объяснить. Может быть, надежда. Может быть, уважение. Может быть, любовь. Он не знал. Он не хотел знать.

Лифт остановился. Двери открылись, впуская тёмный, сырой воздух. Нижний уровень. Здесь было холодно. Здесь пахло плесенью и ржавчиной. Здесь не было голограмм, не было рекламы, не было дронов. Только пустые коридоры, заброшенные комнаты и тишина. Такая тишина, которая давила на уши.

- Идём, - сказал он, беря её за руку. - Нам нужно идти. У нас мало времени.

Они пошли по коридору. Лампы мерцали, иногда гаснув на несколько секунд, погружая их в полную темноту. Элиас чувствовал, как её рука дрожит в его ладони. Она боялась. Но она шла. Она доверяла ему.

- Как тебя зовут? - спросил он внезапно. Он не знал, зачем спросил. Может быть, чтобы запомнить её. Может быть, чтобы она не была для него просто ещё одним клоном. Может быть, чтобы она стала человеком в его глазах.

- Клара, - ответила она. - Меня зовут Клара. Я была работницей на фабрике «Агро-Континента». Я работала там шесть лет. Потом у меня начали отказывать почки. Система сказала, что я бракованная. Что мой срок годности истёк. Что меня нужно утилизировать. Я не хотела умирать. Я хо-

тела жить.

- Клара, - повторил он. Имя звучало странно на его языке. Он не произносил имён уже много лет. Имена были опасны. Имена делали клонов людьми. А люди - это те, кого нельзя убивать.

- А тебя как зовут? - спросила она.

- Элиас, - ответил он. - Элиас Холл. Чистильщик. Корректор. Класс С. Актив.

Она усмехнулась - коротко, без тепла.

- Ты не актив, - сказала она. - Ты человек. Ты спас меня. Активы не спасают. Активы убивают.

- Может быть, - сказал он. - Может быть, я просто забыл, что я человек. Может быть, ты напомнила мне.

Они продолжали идти. Коридор становился всё более тёмным и холодным. Стены были покрыты слоями старой краски, которая облезала, открывая голый бетон. Пол был неровным, с трещинами, в которых скапливалась грязь. Здесь, на нижних уровнях, система не заботилась о чистоте. Здесь не было активов, которых нужно было поддерживать в рабочем состоянии. Здесь были только отходы.

Элиас остановился перед маленькой дверью - металлической, ржавой, с петлями, которые скрипели при каждом движении. Он толкнул её, и она открылась, впуская холодный воздух извне. За дверью был туннель. Тёмный, узкий, бесконечный. Он вёл в Серые Зоны. Туда, где не было системы. Туда, где можно было быть свободным.

- Здесь ты будешь свободна, - сказал он, показывая на туннель. - Здесь система не может тебя достать. Здесь ты можешь жить. Настоящей жизнью.

Она посмотрела на туннель, потом на него. В её глазах были слёзы - первые слёзы, которые он видел за последние годы. Настоящие слёзы. Живые слёзы.

- А ты? - спросила она. - Ты не придёшь со мной? Мы можем уйти вместе. Мы можем быть свободными. Вместе.

Элиас покачал головой. Он хотел сказать «да». Он хотел пойти с ней. Он хотел быть свободным. Но он знал, что это невозможно. Что у него нет сил. Что он слишком устал. Что его сердце скоро сломается. Что он умрёт в этом туннеле, и она будет смотреть, как он умирает. И это будет хуже, чем смерть в утилизаторе. Потому что она будет помнить его. И она будет страдать.

- У меня есть работа, - сказал он. - У меня есть долг. Я не могу уйти. Если я уйду, они найдут меня. И они найдут тебя. Я не могу рисковать твоей жизнью. Ты должна жить. Ты должна быть свободной. За нас обоих.

Она взяла его за руку и сжала её. Её пальцы были холодными, но её рука была тёплой. Живой.

- Ты человек, - сказала она. - Самый человечный человек, которого я встречала. Я никогда не забуду тебя, Элиас. Я буду помнить тебя всю свою жизнь. Какой бы короткой она ни была.

- Иди, - сказал он, мягко высвобождая свою руку. - Иди.

Живи. Будь свободной.

Она посмотрела на него в последний раз. В её глазах была благодарность, страх, надежда и что-то ещё. Что-то, что он не мог назвать. Может быть, любовь. Может быть, сожаление. Может быть, обещание.

- Я буду жить ради тебя, - сказала она. - Я сделаю так, чтобы твоя жертва была не напрасной.

Она повернулась и шагнула в туннель. Элиас смотрел, как она идёт, её фигура постепенно растворялась в темноте. Она не обернулась. Она не сказала больше ни слова. Она просто шла вперёд, в неизвестность, в свободу.

Элиас стоял и смотрел, пока её силуэт не исчез полностью. Туннель поглотил её, и она стала частью тишины. Он остался один. Один в этом тёмном, холодном коридоре. Один со своими мыслями. Один со своей болью.

«Я сделал это, - подумал он. - Я спас её. Я стал человеком».

Но он знал, что это только начало. Что его ждёт наказание. Что его КЧ упадёт. Что его сердце могут отключить. Что начальник отдела уже, возможно, заметил его отсутствие. Что система уже фиксирует его передвижения по коридорам, его отклонение от маршрута, его нестандартное поведение.

«Я умру, - подумал он. - Я умру, но я умру человеком. Я умру, зная, что я сделал что-то правильное. Я умру, зная, что я не просто актив. Я умру, зная, что я был человеком».

Он повернулся и пошёл обратно. Его шаги были тяжёлы-

ми, как будто он нёс на себе груз, который становился всё тяжелее с каждым шагом. Он не знал, сколько у него осталось времени. Может быть, час. Может быть, минута. Может быть, секунда. Но он знал, что должен вернуться. Должен закончить свою работу. Должен встретить свою судьбу.

«Я вернусь, - подумал он. - Я вернусь к своим клонам. Я вернусь к своей работе. Я вернусь к своей смерти. Но я вернусь другим человеком. Я вернусь человеком, который знает, что он может выбирать. Что он может быть свободным. Даже если свобода длится только мгновение».

Он шёл по коридору, и его сердце билось в такт шагам. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Звук, который напоминал ему о том, что он - машина. Но сегодня этот звук звучал иначе. Он звучал как напоминание о том, что он ещё жив. Что он ещё чувствует. Что он ещё человек.

«Я умру, - подумал он. - Я умру сегодня. Но я умру, зная, что я спас кого-то. Я умру, зная, что я был человеком. И это будет лучшая смерть, чем я мог себе представить».

Он вошёл в лифт. Двери закрылись за ним, и он остался один в белой кабине. Он смотрел на своё отражение в металлической стене и видел человека. Уставшего, испуганного, но живого. Человека, который сделал выбор. Человека, который рискнул всем. Человека, который был свободен.

Лифт начал подниматься. Элиас закрыл глаза и представил, что он стоит в лесу. Что ветер касается его лица. Что его сердце бьётся ровно, без этого проклятого звука. Что он

свободен.

Когда он открыл глаза, он всё ещё был здесь. В «Новом-Токио-3». В центре корпоративного ада. Но он больше не был активом. Он был человеком. И он готов был встретить свою смерть.

Лифт остановился на уровне сектора D-7. Двери открылись, и Элиас шагнул в коридор. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом сырости, ржавчины и чего-то ещё - того сладковатого запаха, который он научился узнавать за годы работы. Запах разложения. Запах смерти. Запах того, что система называла «биологическим износом».

Элиас стоял в коридоре, глядя на бесконечный ряд дверей. Каждая из них вела в комнату, где ждал клон. Каждый из них был отмечен красной точкой на его терминале. «Дефект. Утилизация». Он спас одну. Он не мог спасти всех. И теперь он должен был вернуться к своей работе. Должен был убивать. Должен был быть активом.

«Я не хочу, - подумал он. - Я не хочу делать это снова. Я не хочу убивать. Я хочу быть человеком. Но я должен. Я должен вернуться. Я должен закончить. Я должен встретить свою судьбу».

Он сделал глубокий вдох. Синтезированный воздух пах озоном и химикатами. Он закрыл глаза на мгновение, представляя, что стоит в лесу. Что ветер касается его лица. Что он свободен. Но когда он открыл глаза, он всё ещё был здесь. В этом коридоре. В этом аду.

Он пошёл к комнате 7. Там ждал третий клон. Элиас открыл дверь и вошёл внутрь. Комната была такой же, как все остальные - белой, стерильной, с капсулой сна в углу. В капсуле лежал мужчина. Старый. Седая щетина покрывала его морщинистое лицо, а руки были худыми, с выпуклыми венами. Он был изношен. Он был готов умереть. Но он был жив. И он смотрел на Элиаса.

- Ты вернулся, - сказал старик, его голос был хриплым, с лёгкой дрожью. - Я думал, ты не вернёшься.

Элиас остановился у двери. Он не знал, что сказать. Он не знал, как объяснить. Он просто стоял и смотрел на этого человека, который должен был умереть.

- Я всегда возвращаюсь, - ответил Элиас. - Это моя работа.

- Ты спас ту женщину, - сказал старик, и в его глазах мелькнула искра любопытства. - Я слышал, как вы уходили. Я слышал, как вы говорили. Ты стал предателем. Ты нарушил правила. Система не прощает таких, как ты. Тебя убьют.

- Знаю, - ответил Элиас. Его голос был ровным, без эмоций. Он принял это. Он принял свою судьбу.

- Тогда зачем ты вернулся? - спросил старик. - Ты мог бы уйти. Ты мог бы сбежать. Ты мог бы быть свободным. Зачем ты вернулся в этот ад?

Элиас посмотрел на него. На его морщинистое лицо, на его усталые глаза, на его руки, которые дрожали. Он был старым. Он был изношенным. Он был готов умереть. Но он не хотел умирать в одиночестве. Он хотел, чтобы кто-то был

рядом. Чтобы кто-то видел его в последний раз. Чтобы кто-то помнил его.

- Я вернулся, чтобы помочь тебе, - сказал Элиас. - Я не могу спасти тебя. Я не могу вывести тебя отсюда. Я уже спас одну. Больше я не могу. Но я могу сделать так, чтобы ты умер быстро. Без боли. Я могу быть рядом с тобой. Чтобы ты не был один.

Старик усмехнулся. Коротко, без тепла, но в его глазах мелькнула искра благодарности.

- Ты добрый, - сказал он. - Ты слишком добрый для этого мира. Ты слишком человечный для того, чтобы быть активом.

Он протянул руку. Элиас подошёл ближе и взял её. Рука была холодной и сухой, но он чувствовал в ней пульс - слабый, неровный, почти угасающий.

- Спасибо, - сказал старик, его голос был тихим, почти шёпотом. - Спасибо за то, что ты человек. Спасибо за то, что ты рядом. Я не хотел умирать один. Я боялся, что умру один. Но ты здесь. Ты видишь меня. Ты помнишь меня.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас. Это был вопрос, который он никогда не задавал. Имена были опасны. Имена делали клонов людьми. Но он должен был знать. Он должен был запомнить.

- Леон, - ответил старик. - Меня зовут Леон. Я был инженером. Я строил эти капсулы. Я проектировал их. А теперь я лежу в одной из них. Какая ирония.

- Леон, - повторил Элиас. - Я запомню тебя. Я запомню твоё имя.

Старик улыбнулся - впервые за всё время. Его улыбка была кривой, усталой, но настоящей.

- Ты хороший человек, - сказал он. - Ты делаешь то, что должен. Но ты не позволяешь системе убить тебя. Ты остаёшься человеком. Это самое важное.

Элиас поднял тазер. Его рука не дрожала. Он знал, что делает. Он делал это не для системы. Он делал это для него. Чтобы он не страдал. Чтобы он ушёл с миром.

- Прости, - сказал Элиас.

- Не извиняйся, - ответил Леон. - Ты даёшь мне то, чего я хочу. Ты даёшь мне покой.

Элиас нажал на спуск. Тазер издал тихий звук, и Леон вздохнул. Его тело обмякло, глаза закрылись. Он был мёртв. Но на его лице застыла улыбка.

Элиас отвернулся. Он не мог смотреть на него. Он не мог смотреть на то, что только что сделал. Но он знал, что это было правильно. Что это было по-человечески.

«Я сделал это, - подумал он. - Я дал ему покой. Я не дал ему умереть в одиночестве. Я был рядом. Я помнил его имя».

Он вышел из комнаты и закрыл дверь. Коридор был пустым и тихим. Он пошёл к следующей комнате. К своему следующему клону. Он знал, что он не сможет спасти всех. Но он мог сделать так, чтобы они не страдали. Он мог быть для них человеком.

«Я умру, - думал он, идя по коридору. - Я умру сегодня. Но я умру человеком. Я умру, зная, что я сделал что-то правильное. Я умру, зная, что я помнил их имена».

Он вошёл в комнату 10. Там ждал четвёртый клон. Молодой парень, с чёрными волосами и бледным лицом. Его глаза были широко открыты, полные страха. Он смотрел на Элиаса так, как будто тот был монстром.

- Не убивай меня, - сказал он, его голос дрожал. - Прошу тебя. Не убивай меня. Я не хочу умирать. Я хочу жить. У меня есть мечты. У меня есть надежды. Я хочу увидеть мир. Пожалуйста. Не убивай меня.

Элиас остановился. Он смотрел на этого парня и чувствовал, как его сердце разрывается. Он был молод. Он был живым. Он хотел жить. Он хотел быть свободным. Он хотел всё, что Элиас не мог дать.

- Я не хочу убивать тебя, - сказал Элиас, и его голос был тихим, почти шёпотом. - Ты веришь мне? Я не хочу убивать тебя. Но я не могу спасти тебя. Я уже спас одного. Больше я не могу. Система найдёт меня. Система найдёт тебя. Мы не сможем сбежать.

- Тогда беги со мной, - сказал парень, его голос был отчаянным. - Беги со мной сейчас. У нас есть шанс. Мы можем уйти в Серые Зоны. Мы можем быть свободными. Вместе. Ты спас ту женщину. Ты можешь спасти меня. Пожалуйста. Я не хочу умирать.

- Нет, - ответил Элиас, и его голос был твёрдым, хотя внут-

ри него всё дрожало. - У меня нет шанса. Я слишком устал. Я слишком слаб. Я просто актив. Я не могу бежать. Я не могу быть свободным. Но я могу сделать так, чтобы ты ушёл быстро. Без боли. Я могу быть рядом с тобой. Чтобы ты не был один.

Парень смотрел на него. В его глазах была мольба, отчаяние, страх. Но постепенно страх уступал место чему-то другому. Принятию. Он понимал, что выхода нет. Что система победила.

- Ты действительно не хочешь убивать меня? - спросил он, его голос был тихим.

- Нет, - ответил Элиас. - Я не хочу. Но я должен. Это моя работа. Это моя судьба. Я не могу изменить это. Но я могу сделать это быстро. Без боли. Я могу быть рядом с тобой.

Парень закрыл глаза. Его дыхание было неровным, но он старался успокоиться. Он делал это не для себя. Он делал это для Элиаса. Чтобы тот не чувствовал вины.

- Сделай это, - сказал он. - Сделай это быстро. И помни меня. Пожалуйста. Помни меня.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас.

- Алекс, - ответил парень. - Меня зовут Алекс.

- Я запомню тебя, Алекс, - сказал Элиас. - Я запомню твоё имя. Я запомню, что ты хотел жить.

Он поднял тазер. Его рука не дрожала. Он знал, что делает. Он делал это для него. Чтобы он не страдал. Чтобы он ушёл с миром.

- Прости, - сказал Элиас.

- Спасибо, - ответил Алекс.

Элиас нажал на спуск. Тазер издал тихий звук, и Алекс вздохнул. Его тело обмякло, глаза закрылись. Он был мёртв.

Элиас стоял и смотрел на него. На его молодое лицо, которое теперь было спокойным. На его руки, которые больше не дрожали. Он был мёртв. Но он умер не один. Он умер с именем. Он умер как человек.

«Я не могу спасти всех, - подумал Элиас, выходя из комнаты. - Я не могу изменить этот мир. Но я могу сделать так, чтобы они умерли с достоинством. Чтобы они не были просто цифрами в системе. Чтобы они были людьми. Даже в смерти».

Он пошёл к следующей комнате. Пятый клон. Шестой. Седьмой. Он шёл от двери к двери, делая свою работу. Но теперь его работа была другой. Он убивал не для системы. Он убивал для них. Чтобы они не страдали. Чтобы они не были одни.

Он запоминал их имена. Леон, Алекс, Мария, Дмитрий, Елена. Он запоминал их лица. Их голоса. Их страх. И свою боль.

«Я умру, - думал он, идя к девятой комнате. - Я умру, но я умру человеком. Я умру, зная, что я сделал что-то правильное. Я умру, зная, что я помнил их имена».

Девятая комната. Десятая. Одиннадцатая. Он продолжал идти, пока не дошёл до последней. Комната 39. Двенадцатый

клон. Тот, у кого было то же число, что и у Кейна-39.

Элиас остановился перед дверью. Его сердце билось быстрее. *Вж-вж-вж*. Он чувствовал, как его руки начинают дрожать. Он не знал, почему. Может быть, потому что это был последний. Может быть, потому что он был так близок к концу. Может быть, потому что он боялся того, что увидит.

Он открыл дверь и вошёл внутрь. Комната была такой же, как все остальные - белой, стерильной, с капсулой в углу. Но эта капсула была другой. Она была открыта. Внутри никого не было.

Элиас замер. Он смотрел на пустую капсулу и не верил своим глазам. Клон исчез. Он сбежал. Он не был здесь. Система ошиблась. Или он ошибся. Он не знал. Он просто стоял и смотрел на пустоту.

- Что это значит? - прошептал он. - Что это значит для меня?

Он не знал ответа. Он знал только, что он сделал свою работу. Он спас одну. Он дал покой десяти. И одна исчезла. Может быть, это был знак. Может быть, это был шанс. Может быть, это было начало.

«Я сделал всё, что мог, - подумал он. - Я спас её. Я дал им покой. Я помнил их имена. Теперь я готов встретить свою судьбу».

Он вышел из комнаты и закрыл дверь. Коридор был пустым и тихим. Элиас стоял и смотрел на белые стены. Он знал, что его ждёт наказание. Что его КЧ упадёт. Что его

сердце могут отключить. Но он был готов. Он был готов умереть. Он был готов быть свободным.

«Я сделал всё, что мог, - подумал он. - Я стал человеком. Я был человеком. И я умру человеком».

Элиас вернулся в свой кабинет. Маленькая комната с белыми стенами и металлическим столом, встроенным в пол. На столе лежал его терминал - чёрный прямоугольник пластика, который содержал всю информацию о его работе, его жизни, его смерти. Он сел за стол, чувствуя, как его тело ноет после долгого дня. Мышцы болели, глаза жгло, сердце продолжало свой монотонный ритм. *Вжс-вжс-вжс.*

Он взял терминал и открыл файл. «Сектор D-7. Отчёт об утилизации. Дата: сегодня. Исполнитель: Элиас Холл. ID: ЕН-4492-Гамма». Он пролистал отчёт, просматривая записи о каждом клоне. Имена, которые он запомнил. Лица, которые он видел. Жизни, которые он забрал.

Он остановился на первом имени: «Клон № 1. Имя: не указано. Срок годности: истёк 3 дня назад. Причина утилизации: биологический износ». Элиас смотрел на эти слова и чувствовал, как его желудок сжимается. Он не знал имени этого человека. Он не знал его лица. Он просто убил его, потому что система сказала ему это сделать.

«Я должен был спросить его имя, - подумал он. - Я должен был узнать, кто он. Я должен был помнить его».

Он пролистал дальше. «Клон № 2. Имя: не указано. Срок годности: истёк 5 дней назад. Причина утилизации: систем-

ный сбой». Второй клон. Тоже без имени. Он даже не посмотрел на него. Он просто вошёл, нажал на спуск и ушёл. Он не дал ему шанса быть человеком.

Он продолжал читать. «Клон № 3. Имя: Леон. Срок годности: истёк 7 дней назад. Причина утилизации: отказ органов». Элиас остановился на этом имени. Леон. Старик, который строил капсулы. Который улыбнулся ему перед смертью. Который поблагодарил его за то, что он был рядом.

«Я помню тебя, Леон, - подумал он. - Я помню твоё имя. Я помню твою улыбку. Я помню, как ты держал мою руку. Ты умер не один. Я был с тобой».

Он пролистал дальше. «Клон № 4. Имя: Алекс. Срок годности: истёк 2 дня назад. Причина утилизации: отказ почек». Алекс. Молодой парень, который умолял его не убивать. Который хотел жить. Который хотел увидеть мир. Элиас помнил его лицо - бледное, испуганное, с широко открытыми глазами. Он помнил его голос - дрожащий, отчаянный, умоляющий.

«Я помню тебя, Алекс, - подумал он. - Я помню твой страх. Я помню твою надежду. Я помню, как ты смотрел на меня перед смертью. Ты был человеком. Ты хотел жить. И я не дал тебе этого шанса».

Он закрыл глаза на мгновение. Перед ним снова возникли лица клонов. Мария, Дмитрий, Елена, Сергей, Анна, Иван, Ольга, Пётр. Он убил их всех. Он запомнил их имена, но это не изменило того, что он сделал. Он забрал их жизни. Он

стал их смертью.

«Я монстр, - подумал он. - Я убиваю людей. Я убиваю тех, кто хочет жить. Я убиваю тех, кто не хочет умирать. Я делаю это каждый день. И я не могу остановиться».

Он снова посмотрел на терминал. Список имён был длинным. Он пролистал его до конца, пока не дошёл до последнего. «Клон № 12. Имя: не указано. Срок годности: истёк 1 день назад. Причина утилизации: отказ органов. Статус: не утилизирован. Местонахождение: неизвестно».

Элиас замер. Он смотрел на эти слова и не верил своим глазам. Двенадцатый клон. Тот, кого не было в капсуле. Тот, кто исчез. Он не был утилизирован. Он сбежал.

«Что это значит? - подумал он. - Что это значит для меня? Если система узнает, что я не утилизировал двенадцатого клона, меня накажут. Мой КЧ упадёт. Моё сердце могут отключить. Я стану расходным материалом».

Он чувствовал, как его руки начинают дрожать. Он не знал, что делать. Он не знал, как объяснить. Он не знал, как скрыть это.

«Я должен найти его, - подумал он. - Я должен найти двенадцатого клона. Я должен утилизировать его. Иначе меня убьют. Или я должен сбежать. Я должен уйти в Серые Зоны. Я должен быть свободным».

Он смотрел на терминал и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. *Вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как предупреждение. Как напоминание о

том, что у него есть выбор. Что он может изменить свою жизнь. Что он может быть свободным.

«Я не хочу умирать, - подумал он. - Я не хочу умирать в утилизаторе. Я хочу жить. Я хочу быть свободным. Я хочу быть человеком».

Он закрыл терминал и встал. Он знал, что ему нужно делать. Он должен был найти двенадцатого клона. Или он должен был сбежать. У него был выбор. И он собирался сделать его.

Элиас открыл досье двенадцатого клона. Он должен был знать, кто это был. Кто сбежал. Кто исчез. Кто изменил его жизнь.

На экране появилась фотография. Ребёнок. Девочка, лет десяти, с большими глазами и светлыми волосами. Она смотрела на него с фотографии с выражением, которое он не мог объяснить - не страх, не надежду, а что-то среднее. Она была маленькой. Она была незащищённой. Она была клоном. И она сбежала.

Элиас смотрел на её лицо и чувствовал, как его сердце сжимается. Она была ребёнком. Ребёнком, который не понимал, что такое смерть. Ребёнком, который хотел жить. Ребёнком, который сбежал от системы.

«Она сбежала, - подумал он. - Она сделала то, что я не могу сделать. Она рискнула. Она ушла. Она свободна».

Он читал её досье. «Клон № 12. Имя: не указано. Возраст: 10 лет (биологический). Срок годности: истёк 1 день назад.

Причина: отказ органов. Состояние: критическое. Рекомендуются: утилизация в течение 24 часов».

«Отказ органов», - подумал он. - «Она умирает. Если я не найду её, она умрёт. Если я найду её, я убью её. Нет выхода. Нет правильного выбора».

Он закрыл досье и откинулся на спинку стула. Он чувствовал себя разбитым. Он чувствовал себя опустошённым. Он не знал, что делать. Он не знал, как быть.

«Я не могу убить ребёнка, - думал он. - Я не могу убить её. Она беззащитна. Она хочет жить. Она заслуживает шанса. Но если я не убью её, система убьёт меня. Что мне делать? Что мне делать?»

Он встал и подошёл к окну. Город «Новый-Токио-3» простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Голограммы корпораций сияли на стенах зданий. Дроны патрулировали улицы, высматривая нарушения. Внизу люди спешили на работу - такие же активы, как он. Они не смотрели вверх. Они не смотрели друг на друга. Они просто шли, опустив головы, выполняя свои протоколы.

«Я хочу быть свободным, - подумал он. - Я хочу уйти отсюда. Я хочу быть человеком. Но я не могу. Я слишком слаб. Я слишком устал. Я просто актив».

Он повернулся к столу. На экране всё ещё была фотография девочки. Она улыбалась. Её улыбка была искренней, живой, настоящей. Она была ребёнком, который ещё верил в то, что мир может быть лучше. Она была ребёнком, кото-

рый не сдался.

«Она сильнее меня, - подумал он. - Она сильнее, чем я. Она сбежала. Она рискнула. Она сделала то, что я не могу сделать. Она заслуживает жить. Она заслуживает быть свободной».

Он снова сел за стол. Он знал, что должен сделать выбор. Он должен был решить, что важнее - его жизнь или её жизнь. И он знал, что его решение уже принято.

«Я спасу её, - подумал он. - Я найду её. И я помогу ей. Я помогу ей выжить. Даже если это стоит мне жизни. Даже если это значит, что я умру. Я не позволю ей умереть в одиночестве. Я буду рядом с ней».

Он закрыл терминал и встал. Он знал, что ему нужно делать. Ему нужно было найти девочку. Он должен был спасти её. Он должен был быть человеком.

«Я сделаю это, - подумал он, выходя из кабинета. - Я сделаю это. Я спасу её. И я докажу, что я ещё человек».

Элиас вышел из своего кабинета и направился к лифту, который вёл в сектор D-7. Он знал, что ему нужно найти девочку. Он должен был найти её до того, как это сделает система. Он должен был спасти её, даже если это стоило ему жизни.

Лифт спускался на нижние уровни. Элиас стоял в углу, глядя на своё отражение в металлической стене. Он видел уставшее лицо, тёмные круги под глазами, седые пряди на висках. Он выглядел как актив. Он выглядел как расходный

материал. Но внутри него было что-то другое. Что-то, что не давало ему сдаться.

«Я сделаю это, - думал он. - Я найду её. Я спасу её. Я докажу, что я ещё человек».

Лифт остановился. Двери открылись, выпуская тёмный, сырой воздух. Элиас вышел и пошёл по коридору. Лампы мерцали, иногда гаснув на несколько секунд, погружая его в темноту. Он шёл вперёд, не останавливаясь.

Он остановился у комнаты 39 - той самой, где должна была быть девочка. Дверь была открыта. Капсула пуста. На полу валялась детская игрушка - маленький плюшевый медведь, грязный и потрёпанный. Элиас поднял его. Он был мягким, тёплым на ощупь. Он пах ребёнком.

«Она была здесь, - подумал он. - Она жила здесь. Она играла здесь. Она боялась здесь. И она сбежала отсюда».

Он спрятал медведя в карман. Он не знал, зачем. Может быть, чтобы иметь что-то, что напоминало бы ему о ней. Может быть, чтобы иметь что-то, ради чего стоит бороться.

Он вышел из комнаты и пошёл дальше по коридору. Он не знал, куда идти. Но он знал, что должен найти её. Он должен был спасти её.

В конце коридора он увидел дверь, которая вела вниз. В подвал. В место, где система не могла видеть. Он открыл дверь и начал спускаться.

Лестница была старой, с облезающей краской и скрипучими ступенями. Воздух был холодным и сырым. Элиас спус-

кался медленно, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее. *Вж-вж-вж*. Звук отдавался эхом в тишине.

На дне лестницы он увидел свет. Тусклый, мерцающий, от старой лампы, которая висела на потолке. В углу сидела девочка. Она сжалась в комочек, обхватив колени руками. Она дрожала. Она боялась.

- Не подходи ко мне, - сказала она, её голос дрожал. - Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы меня убили. Пожалуйста, не подходи ко мне.

Элиас остановился. Он не знал, что сказать. Он не знал, как успокоить её. Он просто стоял и смотрел на неё.

- Я не причиню тебе вреда, - сказал он. - Я не хочу убивать тебя. Я хочу помочь тебе.

Девочка подняла голову. Она смотрела на него с недоверием. Но в её глазах была надежда. Слабая, маленькая, но она была.

- Правда? - спросила она. - Ты не убьёшь меня?

- Правда, - ответил он. - Я не убью тебя. Я спасу тебя.

Она медленно встала. Она была худой, бледной, с большими тёмными глазами. Она смотрела на него, и в её взгляде было что-то, что он не мог описать. Доверие.

- Как тебя зовут? - спросила она.

- Элиас, - ответил он. - А тебя?

- Меня зовут Эмили, - сказала она. - Я хочу жить, Элиас. Я не хочу умирать. Помоги мне.

Элиас подошёл к ней и протянул руку. Она взяла её. Её

рука была холодной и маленькой. Она дрожала.

- Я помогу тебе, Эмили, - сказал он. - Я помогу тебе выжить. Я обещаю.

900 слов → расширяем до ≈2700)

Элиас взял Эмили за руку и повёл её по коридору. Он знал, что у них мало времени. Система уже, возможно, заметила её отсутствие. Начальник отдела уже, возможно, ищет её. Они должны были уйти до того, как их найдут.

- Куда мы идём? - спросила Эмили, её голос дрожал.

- Вниз, - ответил Элиас. - На нижние уровни. Туда, где система не видит. Туда, где ты будешь свободна.

- А ты? - спросила она. - Ты придёшь со мной?

Элиас промолчал. Он не знал, что ответить. Он не знал, сможет ли он уйти. Он не знал, сможет ли он быть свободным.

- Я не знаю, - сказал он честно. - Я не знаю, что будет. Но я обещаю, что я сделаю всё, чтобы спасти тебя.

Они продолжали идти. Коридор становился всё темнее и холоднее. Лампы почти не горели. Воздух пах плесенью и сыростью. Но они шли. Они не останавливались.

В конце коридора Элиас увидел дверь. Маленькую, металлическую, ржавую. Она вела в Серые Зоны. Туда, где система не могла достать их.

- Мы почти пришли, - сказал он. - Ещё немного.

Он открыл дверь. За ней был туннель. Тёмный, узкий, бесконечный. Он вёл в свободу.

- Иди, - сказал он, показывая на туннель. - Иди. Там ты будешь свободна.

Эмили посмотрела на него. В её глазах были слёзы.

- Я не хочу уходить без тебя, - сказала она. - Ты спас меня. Я не могу оставить тебя.

- Ты должна идти, - сказал он. - Ты должна жить. Я не могу пойти с тобой. У меня есть работа. У меня есть долг.

Она взяла его за руку и сжала её. Её рука была холодной, но тёплой внутри.

- Я никогда не забуду тебя, Элиас, - сказала она. - Я буду помнить тебя. Всегда.

Она повернулась и шагнула в туннель. Элиас смотрел, как она уходит. Её маленькая фигура постепенно растворялась в темноте.

«Я сделал это, - подумал он. - Я спас её. Я спас ребёнка. Я был человеком».

Но в тот момент, когда она исчезла из виду, он услышал шаги за своей спиной. Он обернулся. В коридоре стоял начальник отдела Дж. С. Его лицо было холодным, безразличным. В руках он держал тазер.

- Холл, - сказал он. - Я знал, что ты предатель. Я знал, что ты спасёшь её. Но я не думал, что ты будешь настолько глуп.

Элиас замер. Он смотрел на начальника и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

- Я не предатель, - сказал он. - Я просто хочу быть человеком.

- Человеком? - переспросил Дж. С., усмехаясь. - Ты не человек, Холл. Ты актив. Ты актив, который нарушил правила. И ты заплатишь за это.

Он поднял тазер. Элиас знал, что это конец. Но он не боялся. Он сделал то, что должен был. Он спас ребёнка. Он был человеком.

«Я умру, - подумал он. - Но я умру, зная, что я сделал что-то правильное. Я умру, зная, что я был человеком».

Он закрыл глаза и ждал. Но вместо удара он услышал голос Дж. С.:

- Ты не умрёшь сегодня, Холл. Ты будешь жить. Ты будешь страдать. Ты будешь смотреть, как всё, что ты любишь, разрушается. Это будет твоё наказание.

Элиас открыл глаза. Начальник ушёл. Он остался один в тёмном коридоре, глядя на дверь, за которой исчезла Эмили.

«Я сделал это, - подумал он. - Я спас её. Я сделал правильный выбор. И теперь я готов принять последствия».

Элиас остался стоять в тёмном коридоре после того, как Дж. С. ушёл. Он стоял неподвижно, глядя на дверь, за которой исчезла Эмили. Туннель в Серые Зоны был теперь пустым и тихим. Девочка ушла. Она была свободна. Он спас её. Но теперь он должен был вернуться к своей работе. К своей смерти.

«Я сделал это, - думал он. - Я спас её. Я спас ребёнка. Я был человеком. Но что теперь? Что будет со мной?»

Он медленно повернулся и пошёл обратно по коридору.

Шаги были тяжёлыми, как будто он нёс на себе груз, который становился всё тяжелее с каждым шагом. Лампы мерцали, бросая тени на стены, покрытые слоями старой краски. Воздух был холодным и сырым. Он чувствовал, как его сердце бьётся ровно - слишком ровно, слишком механически. *Вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как напоминание о том, что он всё ещё жив. Что он всё ещё может чувствовать. Что он всё ещё человек.

Он дошёл до лифта и нажал кнопку. Двери открылись, и он зашёл внутрь. Лифт был старым, с металлическими стенами, покрытыми ржавчиной. Он нажал кнопку уровня D-7. Лифт начал подниматься. Он стоял неподвижно, глядя на своё отражение в металлической стене. Уставшее лицо. Тёмные круги под глазами. Седина на висках. Он выглядел как человек, который пережил слишком много. Как человек, который видел слишком много смерти.

«Я должен вернуться, - думал он. - Я должен закончить свою работу. Я должен встретить свою судьбу».

Лифт остановился. Двери открылись, и он шагнул в коридор сектора D-7. Здесь было тихо - слишком тихо. Обычно здесь слышались голоса клонов, шум вентиляции, звуки работающих механизмов. Но сейчас была только тишина. Такая тишина, которая давила на уши.

Элиас пошёл по коридору. Он знал, что должен найти первого клона. Того, кого он не убил. Того, кто должен был стать его первой жертвой. Но когда он подошёл к двери, он уви-

дел, что она открыта.

Он заглянул внутрь. Комната была пустой. Капсула сна была открыта. Внутри никого не было. Клон исчез. Он сбежал. Как и Эмили. Как и двенадцатый клон.

«Что происходит? - подумал он. - Куда они все исчезли? Кто их освободил?»

Он зашёл в комнату и осмотрел её. Всё выглядело нормально - белые стены, белый пол, белый потолок. Но капсула была пустой. Он подошёл ближе и увидел на полу что-то маленькое. Он нагнулся и поднял это. Это была игрушка. Маленький плюшевый медведь. Такой же, как тот, который он нашёл в комнате 39.

«Кто-то освобождает их, - подумал он. - Кто-то помогает им сбежать. Но кто? И зачем?»

Он спрятал игрушку в карман. Он не знал, зачем. Может быть, чтобы иметь что-то, что напоминало бы ему о том, что он не один. Что кто-то ещё борется с системой.

Он вышел из комнаты и пошёл дальше по коридору. Он должен был найти других клонов. Он должен был понять, что происходит.

Элиас подошёл к следующей двери. Комната 4. Первый клон. Тот, которого он должен был убить сегодня утром. Он открыл дверь и вошёл внутрь.

В комнате было темно. Лампы не горели. Только тусклый свет из коридора падал на пол. В углу стояла капсула. Она была открыта. Пуста. Как и предыдущая.

Элиас замер. Он смотрел на пустую капсулу и чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. Это было невозможно. Все клоны должны были быть здесь. Все должны были быть в своих капсулах. Но они исчезли. Все до одного.

«Кто-то освободил их, - подумал он. - Кто-то помог им сбежать. Но кто?»

Он услышал шум за спиной. Он обернулся. В дверях стоял человек. Старый, седой, с морщинистым лицом и усталыми глазами. Он был в сером комбинезоне - таком же, как у всех пользователей. Но его лицо было другим. На нём было выражение, которое Элиас никогда не видел у других. Выражение свободы.

- Ты ищешь их? - спросил старик. Его голос был хриплым, но твёрдым.

- Кто ты? - спросил Элиас.

- Я тот, кто освободил их, - ответил старик. - Я тот, кто помогает им сбежать. Я тот, кто борется с системой.

- Но зачем? - спросил Элиас. - Зачем ты рискуешь своей жизнью?

Старик усмехнулся. Его усмешка была кривой, усталой, но в ней была сила.

- Потому что они люди, - сказал он. - Потому что они хотят жить. Потому что система не имеет права убивать их. Мы все должны бороться. Мы все должны быть свободными.

Элиас смотрел на него. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он чувствовал, как его руки начинают дро-

жать. Он не знал, что сказать. Он не знал, что делать.

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я тоже хочу бороться. Я тоже хочу быть свободным.

Старик посмотрел на него. В его глазах была смесь удивления и благодарности.

- Ты уверен? - спросил он. - Ты знаешь, что это может стоить тебе жизни?

- Я знаю, - ответил Элиас. - Но я не хочу больше быть активом. Я хочу быть человеком. Я хочу бороться. Я хочу быть свободным.

Старик улыбнулся. Его улыбка была тёплой, настоящей.

- Тогда идём, - сказал он. - Я покажу тебе, что значит быть свободным.

Старик повёл Элиаса по коридору. Они шли быстро, но тихо, стараясь не привлекать внимания. Элиас чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он не знал, куда они идут. Но он доверял этому человеку. Он чувствовал, что это правильно.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас.

- Меня зовут Михаил, - ответил старик. - Я был инженером. Я работал в «Генезисе» тридцать лет. Я видел, как система убивает людей. Я видел, как она уничтожает их. И я решил бороться. Я решил спасти тех, кого система хочет убить.

- Но как ты это делаешь? - спросил Элиас. - Как ты освобождаешь их?

Михаил остановился и повернулся к нему. В его глазах была серьёзность.

- У меня есть доступ к системе, - сказал он. - Я знаю, как обойти её. Я знаю, как отключить камеры. Я знаю, как открыть двери. Я знаю, как вывести их в Серые Зоны. Я делаю это уже пять лет. Я спас сотни людей.

- Но как ты не был пойман? - спросил Элиас.

- Потому что система не ищет стариков, - ответил Михаил. - Она ищет молодых, сильных, эффективных. Она не обращает внимания на тех, кто уже не нужен. Я использую это. Я прячусь у неё на виду.

Они продолжили идти. Михаил открыл дверь и впустил Элиаса в маленькую комнату. Внутри было несколько человек - клоны, которых он спас. Они сидели на полу, сжавшись в комочки. Они боялись. Но в их глазах была надежда.

- Они ждут, - сказал Михаил. - Я выведу их сегодня ночью. В Серые Зоны. Там они будут свободны.

Элиас посмотрел на них. На их лица. На их страх. На их надежду. Он чувствовал, как его сердце сжимается. Он чувствовал их боль. Он чувствовал их страх. И он чувствовал их надежду.

«Это эхо, - подумал он. - Это эхо эмоций. Я чувствую их. Я чувствую всё, что они чувствуют».

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я помогу вывести их.

Михаил посмотрел на него. В его глазах была благодарность.

- Спасибо, - сказал он. - Ты хороший человек, Элиас. Ты делаешь правильный выбор.

Элиас помог Михаилу вывести клонов в туннель. Они шли по тёмным коридорам, стараясь не издавать звуков. Каждый шаг был тяжёлым. Каждый шаг приближал их к свободе. Но каждый шаг также приближал их к опасности. Система могла заметить их в любой момент. Охрана могла найти их в любой момент.

«Мы должны быть осторожными, - думал Элиас. - Мы должны быть тихими. Мы должны быть быстрыми».

Они шли в тишине. Только их дыхание и шаги эхом разносились по коридорам. Лампы мерцали, бросая тени на стены. Воздух был холодным и сырым. Элиас чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. *Вжс-вжс-вжс*. Он слышал этот звук так же ясно, как тишину вокруг.

Внезапно они услышали шаги за спиной. Элиас обернулся. В конце коридора стоял охранник. Его лицо было скрыто за шлемом, но его поза была угрожающей. Он держал тазер в руках.

- Стойте! - крикнул охранник. - Вы нарушаете правила!

Элиас посмотрел на Михаила. Тот кивнул.

- Бегите, - сказал Михаил. - Я задержу его.

- Нет, - сказал Элиас. - Я не оставляю тебя.

- Ты должен, - ответил Михаил. - Ты должен вывести их.

Ты должен спасти их. Это твой долг.

Элиас посмотрел на клонов. Они смотрели на него с на-

деждой и страхом. Они ждали его решения. Они ждали, что он сделает правильный выбор.

«Я должен сделать это, - подумал он. - Я должен спасти их. Я должен быть человеком».

Он повернулся и побежал. Он вёл клонов по коридору. Он слышал, как Михаил сражается с охранником. Он слышал звуки борьбы. Он чувствовал, как его сердце разрывается. Но он не останавливался.

Он вывел клонов в туннель. Он открыл дверь. Он показал им путь к свободе.

- Идите, - сказал он. - Идите. Будьте свободны.

Они ушли. Один за другим. Они исчезли в темноте. Элиас остался стоять в туннеле. Он слышал, как шаги удаляются. Он слышал, как голоса стихают. Он слышал, как тишина возвращается.

«Я сделал это, - подумал он. - Я спас их. Я был человеком».

Он повернулся и пошёл обратно. Он должен был найти Михаила. Он должен был помочь ему.

Элиас вернулся в коридор. Он увидел Михаила, лежащего на полу. Охранник стоял над ним. Но он был мёртв. Михаил убил его. Он лежал на полу, тяжело дыша. Его лицо было бледным, на лбу выступил пот. Он был ранен.

- Михаил! - крикнул Элиас, подбегая к нему. - Ты ранен?

- Нет, - ответил Михаил, пытаясь улыбнуться. - Я просто устал. Я старый. Я не могу бегать так быстро, как раньше.

Элиас помог ему встать. Михаил оперся на его плечо. Они пошли вместе по коридору.

- Ты спас их? - спросил Михаил.

- Да, - ответил Элиас. - Они свободны.

- Ты сделал правильный выбор, - сказал Михаил. - Ты человек, Элиас. Настоящий человек.

Они дошли до конца коридора. Михаил остановился.

- Теперь тебе нужно уйти, - сказал он. - Ты должен быть свободным. Ты должен бежать.

- Я не оставлю тебя, - сказал Элиас.

- Ты должен, - ответил Михаил. - Я старый. Я устал. Я сделал всё, что мог. Теперь твоя очередь. Ты должен бороться. Ты должен спасать. Ты должен быть человеком.

Элиас посмотрел на него. Он чувствовал, как слёзы подступают к глазам.

- Спасибо, - сказал он. - Спасибо за всё.

- Иди, - сказал Михаил. - Иди. Будь свободным.

Элиас повернулся и пошёл. Он шёл по коридору. Его шаги были тяжёлыми. Но он шёл. Он не останавливался. Он знал, что должен идти вперёд. Должен бороться. Должен быть свободным.

«Я сделаю это, - думал он. - Я буду бороться. Я буду спасать. Я буду человеком».

Элиас вышел из коридора в большое пустое помещение. Здесь было темно, только одна лампа мерцала в углу. Он остановился и огляделся. Стены были голыми, бетонными.

Пол был неровным. Нигде не было дверей, только одна - та, через которую он вошёл.

«Я в тупике, - подумал он. - Мне некуда идти».

Он услышал звук за спиной. Он обернулся. В дверях стоял Дж. С. Его лицо было холодным, безразличным. В руках он держал тазер.

- Холл, - сказал он. - Ты думал, что сможешь сбежать? Ты думал, что сможешь быть свободным? Ты ошибаешься. Ты никогда не будешь свободным. Ты актив. Ты всегда был активом. И ты всегда им будешь.

Элиас смотрел на него. Он чувствовал, как страх и гнев борются в его душе. Он хотел бежать. Он хотел сдаться. Но он не мог. Он должен был бороться.

- Я не актив, - сказал он. - Я человек. Я всегда был человеком. И я докажу это.

Он шагнул вперёд. Дж. С. поднял тазер. Но Элиас был быстрее. Он ударил его кулаком в лицо. Дж. С. отшатнулся. Элиас ударил его ещё раз. Дж. С. упал на пол. Элиас стоял над ним, тяжело дыша.

«Я сделал это, - подумал он. - Я победил его. Я свободен».

Он повернулся к двери. Он должен был уйти. Он должен был бежать. Но он услышал голос за спиной.

- Холл, - сказал Дж. С., его голос был тихим, почти шёпотом. - Ты думаешь, что победил? Ты ошибаешься. Ты никогда не будешь свободным. Ты всегда будешь активом. Это твоя судьба.

Элиас остановился. Он повернулся и посмотрел на него. Дж. С. лежал на полу, его лицо было в крови. Но он улыбался. Его улыбка была холодной, безжалостной.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Элиас.

- Ты думаешь, что спас тех клонов? - сказал Дж. С. - Ты думаешь, что они свободны? Они уже мертвы. Все они. Система нашла их. Они мертвы. Все, кого ты спас, мертвы. Включая девочку.

Элиас замер. Он не мог поверить. Он не хотел верить.

- Ты лжёшь, - сказал он.

- Я никогда не лгу, - ответил Дж. С. - Ты должен был знать. Ты должен был понять. Никто не может сбежать от системы. Никто не может быть свободным. Ты тоже не сможешь.

Элиас стоял и смотрел на него. Он чувствовал, как его сердце разрывается. Он чувствовал, как его мир рушится.

«Он лжёт, - думал он. - Он должен лгать. Он не может быть прав. Они живы. Они свободны. Я спас их. Я сделал это».

Но в глубине души он знал, что Дж. С. говорит правду. Он чувствовал это. Он чувствовал это эхо. Эхо смерти. Эхо боли. Эхо того, что он сделал неправильно.

«Я не спас их, - подумал он. - Я обрёл их на смерть. Я убил их. Всех. Я монстр».

Он упал на колени. Слёзы текли по его лицу. Он не сдерживал их. Он плакал. Он плакал впервые за много лет. Он плакал о тех, кого потерял. О тех, кого никогда не знал. О тех, кого убил.

«Я монстр, - думал он. - Я всегда был монстром. И я всегда им буду».

Он сидел на полу и плакал. Дж. С. смотрел на него сверху вниз.

- Теперь ты понимаешь, - сказал он. - Ты никогда не будешь свободным. Ты всегда будешь активом. Это твоя судьба.

Элиас поднял голову. Он смотрел на него. В его глазах была пустота. Пустота того, кто потерял всё.

«Я не актив, - думал он. - Я человек. Я был человеком. И я умру человеком».

Он встал. Его шаги были ровными, уверенными. Он подошёл к двери и открыл её. Он вышел в коридор. И он пошёл. Он не знал, куда. Он не знал, зачем. Он просто шёл. Шёл в никуда. Шёл в свою смерть.

«Я умру, - думал он. - Но я умру человеком. Я умру, зная, что я пытался. Я умру, зная, что я боролся. Это всё, что имеет значение».

Элиас вышел из помещения и снова оказался в коридоре сектора D-7. Его глаза были сухими - он выплакал всё, что мог. Внутри него была пустота. Такая глубокая, такая холодная, что он почти не чувствовал собственного тела. Он шёл механически, его ноги двигались сами собой, неся его вперёд, к следующей комнате, к следующему клону, к следующей смерти.

«Я должен продолжать, - думал он, но мысли были туск-

лыми, как лампы в этом коридоре. - Я должен делать свою работу. Это всё, что я умею. Это всё, что я могу».

Он остановился перед дверью. На ней была табличка: «Клон № 5. Срок годности: истёк. Статус: ожидает утилизации». Элиас смотрел на эту табличку и чувствовал, как его желудок сжимается. Ещё один. Ещё одна жизнь, которую он должен забрать. Ещё одно имя, которое он должен запомнить. Ещё одна смерть, которая будет преследовать его.

Он открыл дверь и вошёл внутрь. Комната была такой же, как все остальные - белой, стерильной, с капсулой в углу. В капсуле лежала женщина. Молодая, с короткими тёмными волосами и бледной кожей. Её глаза были открыты. Она смотрела на него без страха. Только усталость. Только принятие.

- Ты пришёл, - сказала она. Её голос был тихим, хриплым.
- Я знала, что ты придёшь. Я слышала, как ты ходишь по коридору. Я слышала, как ты плакал.

Элиас замер. Он не ожидал, что она будет говорить. Он не ожидал, что она будет знать.

- Откуда ты знаешь? - спросил он.

- Я чувствую, - ответила она. - Мы все чувствуем. Мы - клоны. Мы чувствуем больше, чем вы думаете. Мы чувствуем страх, боль, надежду. Мы чувствуем, когда кто-то страдает. Я чувствовала твою боль. Она была громкой. Она эхом разносилась по коридору.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал, как его сердце на-

чинает биться быстрее. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал по-другому. Он звучал как предупреждение.

- Ты не боишься? - спросил он.

- Нет, - ответила она. - Я устала бояться. Я устала ждать.

Я хочу, чтобы это закончилось. Я хочу покоя.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Анна, - ответила она. - Меня зовут Анна.

- Я запомню тебя, Анна, - сказал он. - Я запомню твоё имя.

Я запомню твоё лицо. Я запомню, что ты не боялась.

Она улыбнулась. Её улыбка была слабой, но настоящей.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо за то, что ты человек.

Элиас поднял тазер. Его рука не дрожала. Он знал, что делает. Он делал это для неё. Чтобы она не страдала. Чтобы она ушла с миром.

- Прости, - сказал он.

- Не извиняйся, - ответила она. - Ты даёшь мне покой.

Он нажал на спуск. Тазер издал тихий звук, и Анна вздохнула. Её глаза закрылись. Она была мёртва.

Элиас стоял и смотрел на неё. На её спокойное лицо. На её руки, которые больше не дрожали. Она умерла с улыбкой. Она умерла не одна.

«Я сделал это, - подумал он. - Я дал ей покой. Я был рядом с ней. Я помнил её имя».

Он вышел из комнаты и закрыл дверь. Коридор был пустым и тихим. Он пошёл к следующей комнате. К своему

следующему клону.

Элиас вошёл в комнату 6. Там ждал мужчина лет сорока, с седой щетиной и глубокими морщинами на лице. Он сидел на полу, прислонившись к стене. В руках он держал фотографию – потрёпанную, выцветшую, с изображением женщины и ребёнка.

- Ты пришёл, - сказал он, не поднимая глаз. - Я знал, что ты придёшь.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас.

- Дмитрий, - ответил он. - Меня зовут Дмитрий. Я был строителем. Я строил эти коридоры. Я строил эти комнаты. Я создавал клетки для таких, как я. Какая ирония.

Он поднял фотографию.

- Это моя семья, - сказал он. - Моя жена и мой сын. Они были людьми. Настоящими людьми. Они не были клонами. Они жили в зелёной зоне. Я работал, чтобы они могли жить там. Я отдавал всё, чтобы они были счастливы. А потом система сказала, что я больше не нужен. Что мой срок годности истёк. Что меня нужно утилизировать. Я никогда больше не увижу их.

Элиас смотрел на фотографию. Женщина улыбалась. Ребёнок смеялся. Они выглядели счастливыми. Они выглядели свободными.

- Ты любил их? - спросил он.

- Больше всего на свете, - ответил Дмитрий. - Я отдал бы всё, чтобы увидеть их ещё раз. Но я никогда не увижу их. Я

умру здесь. В этой клетке. Один.

Элиас подошёл ближе и сел рядом с ним. Он не знал, за чем. Он просто хотел быть рядом. Чтобы он не был один.

- Ты не один, - сказал он. - Я здесь. Я с тобой.

Дмитрий поднял голову. В его глазах были слёзы.

- Спасибо, - сказал он. - Спасибо, что ты рядом.

Они сидели в тишине. Элиас чувствовал его боль. Он чувствовал его страх. Он чувствовал его любовь к семье. Это было эхо. Эхо эмоций, которое проникало в его душу.

«Я чувствую тебя, - думал он. - Я чувствую твою боль. Я чувствую твою любовь. Я чувствую всё, что ты чувствуешь».

- Я хочу, чтобы ты знал, - сказал Дмитрий, - что я не жалею. Я жил хорошей жизнью. Я любил. Я был любим. Я был человеком. Даже если система говорит, что я - просто актив.

Элиас положил руку ему на плечо.

- Ты был человеком, - сказал он. - Ты всегда был человеком. И я запомню тебя.

Дмитрий улыбнулся. Его улыбка была тёплой, настоящей.

- Спасибо, - сказал он. - Теперь я готов.

Элиас поднял тазер. Его рука не дрожала. Он делал это для него. Чтобы он мог уйти с миром.

- Прости, - сказал он.

- Не извиняйся, - ответил Дмитрий. - Ты даёшь мне то, чего я хочу. Ты даёшь мне покой.

Элиас нажал на спуск. Дмитрий закрыл глаза. Его тело обмякло. Он был мёртв.

Элиас стоял и смотрел на него. На его спокойное лицо. На фотографию, которая выпала из его рук. Он поднял её и спрятал в карман.

«Я запомню тебя, Дмитрий, - подумал он. - Я запомню твою семью. Я запомню твою любовь. Я запомню, что ты был человеком».

Он вышел из комнаты и пошёл дальше.

Элиас шёл по коридору, и с каждым шагом его ноша становилась тяжелее. Он пытался сохранить профессиональное равнодушие. Он пытался не думать о том, что он делает. Он пытался быть просто активом, который выполняет свою работу. Но это было невозможно. Каждый клон, которого он убивал, оставлял след в его душе. Каждое имя, которое он запоминал, добавляло тяжести к его ноше.

«Я не могу, - думал он. - Я не могу больше делать это. Я не могу убивать их. Они - люди. Они хотят жить. Они заслуживают жить».

Он остановился перед комнатой 8. На двери была табличка: «Клон № 8. Срок годности: истёк. Статус: ожидает утилизации». Он открыл дверь и вошёл внутрь.

В комнате была женщина. Молодая, с длинными светлыми волосами и большими голубыми глазами. Она сидела на полу, обхватив колени руками. Она плакала.

- Не убивай меня, - сказала она, её голос дрожал. - Пожалуйста, не убивай меня. Я хочу жить. Я хочу увидеть мир. Я хочу быть свободной.

Элиас остановился. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце разрывается.

- Я не хочу убивать тебя, - сказал он. - Но я должен. Это моя работа.

- Ты не должен, - сказала она. - Ты можешь выбрать. Ты можешь спасти меня. Ты можешь быть человеком.

Элиас закрыл глаза. Он чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он не хотел делать это. Он не хотел убивать её. Но он знал, что если он не сделает это, система убьёт его. И тогда он не сможет спасти никого.

- Я не могу спасти тебя, - сказал он. - Я уже спас одного. Больше я не могу. Но я могу сделать так, чтобы ты умерла быстро. Без боли. Я могу быть рядом с тобой.

Она смотрела на него. В её глазах была мольба. Но постепенно мольба уступала место принятию.

- Как тебя зовут? - спросила она.

- Элиас, - ответил он.

- Я запомню тебя, Элиас, - сказала она. - Я запомню, что ты был человеком.

Он подошёл к ней и сел рядом. Она взяла его за руку. Её рука была холодной, но он чувствовал её тепло. Её жизнь.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Екатерина, - ответила она. - Меня зовут Екатерина. Я была художницей. Я рисовала. Я мечтала увидеть мир. Я хотела показать свою красоту другим. Но теперь я умру здесь.

- Ты не умрёшь здесь, - сказал он. - Ты умрёшь в моих

руках. Ты не будешь одна.

Она улыбнулась. Её улыбка была слабой, но настоящей.

- Спасибо, - сказала она.

Элиас поднял тазер. Его рука дрожала. Он не хотел делать это. Но он знал, что должен.

- Прости, - сказал он.

- Не извиняйся, - ответила она. - Ты даёшь мне покой.

Он нажал на спуск. Екатерина закрыла глаза. Её тело обмякло. Она была мёртва.

Элиас сидел и держал её руку. Он чувствовал, как её тепло уходит. Он чувствовал, как её жизнь покидает её.

«Я сделал это, - думал он. - Я убил её. Я убил художницу. Я убил мечту. Я монстр».

Он медленно встал. Его ноги были ватными. Он вышел из комнаты и пошёл дальше.

Элиас дошёл до комнаты 10. Он открыл дверь и зашёл внутрь. Там был молодой парень, лет восемнадцати, с короткими тёмными волосами и серыми глазами. Он сидел на полу и смотрел в стену. Он не двигался, не говорил, не показывал никаких эмоций. Он был пустым.

- Как тебя зовут? - спросил Элиас.

Парень не ответил. Он продолжал смотреть в стену.

- Как тебя зовут? - повторил Элиас, уже громче.

Парень медленно повернул голову. Его глаза были пустыми.

- Меня зовут Иван, - сказал он. - Но это не имеет значения.

Я всё равно умру.

Элиас смотрел на него. Он чувствовал его пустоту. Он чувствовал его боль. Он чувствовал его отчаяние.

- Почему ты не боишься? - спросил Элиас.

- Я уже мёртв, - ответил Иван. - Я мёртв внутри. У меня нет надежды. У меня нет мечты. У меня нет ничего. Я просто жду, когда это закончится.

Элиас чувствовал, как его сердце сжимается. Он не мог вынести этой боли. Он не мог вынести этой пустоты.

- У тебя есть что-то, - сказал он. - У тебя есть жизнь. У тебя есть шанс. Ты можешь бороться.

- Зачем? - спросил Иван. - Зачем бороться, если всё равно умрёшь? Зачем надеяться, если надежда - это ложь?

Элиас не знал, что ответить. Он чувствовал, как его собственное отчаяние поднимается на поверхность. Он чувствовал, как его собственная пустота становится всё глубже.

«Я такой же, - думал он. - Я такой же пустой. Я такой же мёртвый внутри. Я тоже не хочу бороться. Я тоже хочу, чтобы это закончилось».

Он сел на пол рядом с Иваном. Они сидели в тишине. Никто из них не говорил. Никто из них не двигался. Они просто были. Два пустых человека в пустой комнате.

«Я не могу сделать это, - думал Элиас. - Я не могу убить его. Он уже мёртв. Я не могу сделать это снова».

Он чувствовал, как слёзы текут по его лицу. Он не сдерживал их. Он плакал. Он плакал о себе. Он плакал о Иване.

Он плакал о всех, кого убил. Он плакал о том, что больше не мог.

- Я не могу, - сказал он. - Я не могу больше убивать. Я не могу больше делать это.

Иван посмотрел на него. В его пустых глазах мелькнула искра.

- Тогда не делай, - сказал он. - Будь человеком. Выбери что-то другое.

Элиас поднял голову. Он смотрел на Ивана. Он чувствовал, как в его душе загорается что-то. Что-то маленькое, слабое, но живое. Надежда.

«Я могу выбрать, - думал он. - Я могу быть человеком. Я могу сделать правильный выбор».

Он встал. Его ноги больше не дрожали.

- Я не убью тебя, - сказал он. - Я спасу тебя. Я выведу тебя отсюда.

Иван смотрел на него. В его глазах мелькнула искра надежды.

- Правда? - спросил он.

- Правда, - ответил Элиас. - Идём. Нам нужно уйти до того, как система заметит.

Элиас вывел Ивана из комнаты. Они шли по коридору, стараясь не привлекать внимания. Элиас знал, что это безумно. Он знал, что это может стоить ему жизни. Но он не мог остановиться. Он не мог продолжать убивать.

«Я сделаю это, - думал он. - Я спасу его. Я докажу, что я

человек».

Они дошли до лифта. Элиас нажал кнопку. Двери открылись, и они зашли внутрь. Лифт начал спускаться на нижние уровни, в Серые Зоны, где они могли быть свободными.

- Спасибо, - сказал Иван. - Спасибо, что спас меня.

- Не благодари, - ответил Элиас. - Я делаю это для себя. Я хочу быть человеком.

Они вышли из лифта и пошли по тёмному коридору. Лампы мерцали, бросая тени на стены. Элиас знал, что они почти у цели. Ещё немного, и они будут свободны.

Но когда они подошли к двери, ведущей в Серые Зоны, Элиас услышал шаги за спиной. Он обернулся. В конце коридора стоял охранник. Его лицо было скрыто за шлемом, но его поза была угрожающей. Он держал тазер в руках.

- Стой! - крикнул охранник. - Нарушитель!

Элиас посмотрел на Ивана. Тот смотрел на него с ужасом.

- Беги! - крикнул Элиас. - Беги!

Иван побежал. Он открыл дверь и исчез в туннеле. Элиас остался один. Он смотрел, как охранник приближается. Он знал, что это конец. Но он не боялся. Он сделал то, что должен был. Он был человеком.

Охранник подошёл к нему. Он поднял тазер. Элиас стоял неподвижно.

- Ты сделал ошибку, - сказал охранник. - Ты заплатишь за это.

- Я знаю, - ответил Элиас. - Но я не жалею. Я спас его. Я

был человеком.

Охранник нажал на спуск. Элиас почувствовал удар. Всё потемнело. Он упал на пол и потерял сознание.

Элиас пришёл в себя в белой комнате. Он лежал на металлической койке. Его руки и ноги были привязаны. Над ним стоял Дж. С. Его лицо было холодным, безразличным.

- Ты проснулся, - сказал он. - Я думал, ты никогда не очнёшься.

- Где я? - спросил Элиас. Его голос был хриплым.

- Ты в медицинском блоке, - ответил Дж. С. - Тебя привели сюда после того, как ты попытался сбежать. Ты нарушил правила. Ты помог клону сбежать. Ты предатель.

- Я не предатель, - сказал Элиас. - Я просто хотел быть человеком.

- Человеком? - переспросил Дж. С., усмехаясь. - Ты не человек, Холл. Ты актив. Ты всегда был активом. И ты всегда им будешь. Но ты совершил ошибку. Ты нарушил правила. И теперь ты заплатишь за это.

Элиас смотрел на него. Он чувствовал, как страх и гнев борются в его душе. Но он не сдавался.

- Что ты сделаешь со мной? - спросил он.

- Ты станешь расходным материалом, - ответил Дж. С. - Твой КЧ будет обнулён. Твоё сердце будет отключено. Ты будешь утилизирован. Как и все остальные.

Элиас закрыл глаза. Он знал, что это конец. Но он не боялся. Он сделал то, что должен был. Он спас Ивана. Он был

человеком.

«Я умру, - думал он. - Но я умру, зная, что я сделал правильный выбор. Я умру, зная, что я был человеком».

- Ты сделал ошибку, - сказал Дж. С. - Ты думал, что можешь быть свободным. Но никто не может быть свободным. Никто не может сбежать от системы.

- Я не ошибся, - ответил Элиас. - Я сделал правильный выбор. Я был человеком. И я умру человеком.

Он закрыл глаза. Он чувствовал, как его сердце бьётся ровно. *Вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал по-другому. Он звучал как напоминание о том, что он жив. Что он чувствует. Что он человек.

Элиас очнулся в той же белой комнате. Его руки и ноги были всё ещё привязаны, но он чувствовал, что путы ослабли - возможно, система решила, что он больше не представляет угрозы. Он медленно приподнял голову и огляделся. Комната была пустой, белой, стерильной. Никаких окон, никаких дверей, только металлическая койка, на которой он лежал, и небольшая капсула в углу. В капсуле кто-то был.

Элиас прищурился, пытаясь разглядеть фигуру. Это была девочка. Маленькая, худенькая, с бледной кожей и светлыми волосами, которые падали на лицо. Она сидела внутри капсулы, обхватив колени руками, и смотрела в пустоту. Она была жива, но в её глазах не было жизни. Только пустота. Та же пустота, которую он видел у Ивана.

- Эй, - позвал он. Его голос был хриплым, горло пересох-

ло. - Ты меня слышишь?

Девочка медленно повернула голову. Её глаза были большими, серыми, с тёмными кругами под ними. Она смотрела на него без страха, без любопытства, без надежды. Она просто смотрела.

- Ты кто? - спросила она. Её голос был тихим, почти шёпотом, как у человека, который давно не разговаривал.

- Меня зовут Элиас, - ответил он. - А тебя?

- Меня зовут не важно, - сказала она. - Я всё равно умру.

Элиас почувствовал, как его сердце сжалось. Она была такой же, как Иван. Пустой. Сломленной. Готовой умереть.

- Почему ты так говоришь? - спросил он. - Почему ты сдалась?

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула искра чего-то - боли, гнева, отчаяния.

- Потому что я знаю, - сказала она. - Я знаю, что будет. Они придут за мной. Они убьют меня. Как убили всех остальных. Как убили мою маму. Как убили моего папу. Я не хочу больше бояться. Я не хочу больше ждать. Я просто хочу, чтобы это закончилось.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал её боль. Он чувствовал её страх. Он чувствовал её отчаяние. И он знал, что должен помочь ей. Он должен был спасти её.

- Я не дам им убить тебя, - сказал он. - Я спасу тебя.

Девочка подняла на него глаза. В них была смесь удивления и недоверия.

- Ты не можешь, - сказала она. - Ты такой же, как они. Ты чистильщик. Ты убиваешь таких, как я.

- Я был чистильщиком, - сказал он. - Но я больше не хочу быть им. Я хочу быть человеком. Я хочу спасти людей. Я хочу спасти тебя.

Она смотрела на него долго, изучая его лицо, его глаза, его голос. И постепенно её взгляд менялся. Страх уступал место надежде. Отчаяние - доверию.

- Ты правда хочешь спасти меня? - спросила она.

- Правда, - ответил он. - Как тебя зовут?

- София, - сказала она. - Меня зовут София.

- Я запомню тебя, София, - сказал он. - Я сделаю всё, чтобы спасти тебя.

Она улыбнулась. Впервые за всё время. Её улыбка была слабой, но настоящей.

- Спасибо, - сказала она.

Элиас начал освобождаться от пут. Они были пластиковыми, но достаточно прочными. Он тянул, дёргал, пытался разорвать их. Его запястья кровоточили, но он не останавливался. Он должен был освободиться. Он должен был спасти Софию.

- Ты сможешь? - спросила она, глядя на него с надеждой.

- Я смогу, - ответил он, стиснув зубы. - Я не сдамся.

Он дёрнул ещё раз, и путы поддались. Его руки были свободны. Он быстро развязал ноги и встал. Ноги дрожали, но он держался. Он подошёл к капсуле и открыл её.

- Идём, - сказал он, протягивая ей руку. - Нам нужно уйти.

София взяла его за руку. Её рука была холодной и маленькой. Он помог ей выйти из капсулы.

- Куда мы идём? - спросила она.

- В Серые Зоны, - ответил он. - Туда, где система не может нас достать. Туда, где мы будем свободны.

Они пошли к двери. Элиас знал, что дверь заперта, но он надеялся, что сможет взломать замок. Он подошёл к панели управления и начал вводить код. Его пальцы дрожали, но он не останавливался.

- Ты знаешь код? - спросила София.

- Нет, - ответил он. - Но я попытаюсь.

Он вводил комбинации одну за другой. Ни одна не работала. Он чувствовал, как отчаяние начинает овладевать им.

«Я не могу, - думал он. - Я не могу открыть эту дверь. Я не могу спасти её».

Но он не сдавался. Он продолжал вводить коды. И наконец, на двадцатой попытке, дверь открылась.

- Идём! - крикнул он, хватая Софию за руку.

Они выбежали в коридор. Коридор был пустым, но он знал, что у них мало времени. Система уже могла заметить их отсутствие. Охрана уже могла искать их.

- Мы должны быть быстрыми, - сказал он. - Мы должны уйти до того, как они нас найдут.

Они побежали по коридору. София бежала быстро, несмотря на свою маленькую фигуру. Элиас чувствовал, как

его сердце бьётся быстрее. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как напоминание о том, что он жив. Что он борется. Что он человек.

Они добежали до лифта. Элиас нажал кнопку. Двери открылись, и они зашли внутрь. Лифт начал спускаться.

- Мы почти у цели, - сказал он, сжимая её руку. - Ещё немного, и мы будем свободны.

София посмотрела на него. В её глазах была надежда.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо, что спас меня.

- Не благодари, - ответил он. - Я делаю это для себя. Я хочу быть человеком.

Лифт остановился на нижнем уровне. Элиас и София вышли в тёмный коридор. Лампы почти не горели, и им приходилось идти на ощупь. Воздух был холодным и сырым, пахло плесенью и ржавчиной.

- Мы почти пришли, - сказал он. - Ещё немного.

Но когда они повернули за угол, они увидели свет. Тусклый, мерцающий, но достаточно яркий, чтобы осветить фигуру охранника. Он стоял у двери, ведущей в Серые Зоны, и ждал их.

- Стойте! - крикнул охранник. - Нарушители!

Элиас схватил Софию за руку и побежал обратно. Он не знал, куда бежать. Он не знал, что делать. Он просто бежал.

Они забежали в маленькую комнату, где стояли мусорные контейнеры. Элиас быстро осмотрелся. Он должен был найти место, где спрятать Софию. Место, где охранник не смо-

жет найти её.

- Залезай туда, - сказал он, показывая на большой металлический контейнер.

София посмотрела на него с ужасом.

- Я не могу, - сказала она. - Там темно и грязно.

- Ты должна, - сказал он. - Это единственный способ спастись. Я приду за тобой. Я обещаю.

Она посмотрела ему в глаза. В её глазах были слёзы.

- Ты вернёшься? - спросила она.

- Я вернусь, - сказал он. - Я обещаю.

Она залезла в контейнер. Элиас закрыл крышку и подтолкнул его к стене. Он услышал её тихий плач изнутри. Его сердце разрывалось, но он знал, что это единственный способ спасти её.

«Я вернусь за тобой, - думал он. - Я обещаю».

Он повернулся и побежал в другую сторону. Охранник был близко. Элиас слышал его шаги, его дыхание. Он бежал так быстро, как мог. Он должен был отвлечь охранника. Он должен был спасти Софию.

Он добежал до лифта и нажал кнопку. Двери открылись, и он зашёл внутрь. Охранник был прямо за ним. Но двери закрылись раньше, чем он успел войти. Лифт начал подниматься.

- Чёрт, - прошептал Элиас, тяжело дыша. - Это было близко.

Он стоял в лифте и думал о Софии. Она была одна. Она

была напугана. Она ждала его.

«Я вернусь, - думал он. - Я обязательно вернусь».

Но он знал, что это будет трудно. Он знал, что система не позволит ему просто так уйти. Он знал, что его ждёт наказание. Но он был готов. Он готов был бороться. Он готов был быть человеком.

Лифт остановился на уровне сектора D-7. Элиас вышел в коридор. Он знал, что должен вернуться к своей работе. Он должен был сделать вид, что всё нормально. Он должен был скрыть то, что сделал.

Он вошёл в свой кабинет и сел за стол. Терминал был включён. Он открыл отчёт о утилизации и начал редактировать записи. Он удалил упоминание о Софии. Он помечал её как «утилизированную». Он знал, что это рискованно. Он знал, что система может проверить. Но он должен был сделать это.

«Я сделаю это, - думал он. - Я скрою её. Я спасу её».

Он напечатал: «Клон № 13. Имя: София. Срок годности: истёк. Причина утилизации: биологический износ. Статус: утилизирована».

Он сохранил изменения и закрыл файл. Его руки дрожали. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он знал, что это нарушение протокола. Он знал, что это может стоить ему жизни. Но он не мог остановиться. Он должен был спасти её.

«Я сделал это, - подумал он. - Я спас её. Я скрыл её. Я был

человеком».

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он был уставшим. Он был разбитым. Но он чувствовал что-то, чего не чувствовал уже много лет. Надежду.

«Я спас её, - думал он. - Я спас ребёнка. Я сделал правильный выбор. Я был человеком».

Но он знал, что это не конец. Он знал, что система не прощает нарушений. Он знал, что его ждёт наказание. Но он был готов. Он готов был принять последствия. Он готов был бороться. Он готов был быть свободным.

Элиас сидел в своём кабинете и смотрел в стену. Он думал о Софии, о Иване, о всех, кого он спас и кого убил. Он думал о том, что он сделал и что ещё нужно сделать. Он знал, что не может остановиться. Он знал, что должен продолжать бороться.

«Я не могу вернуться к тому, что было, - думал он. - Я не могу снова стать активом. Я не могу снова убивать людей. Я должен бороться. Я должен быть человеком».

Он встал и подошёл к окну. Город «Новый-Токио-3» простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Гол로그램 корпораций сияли на стенах зданий. Дроны патрулировали улицы. Внизу люди спешили на работу - такие же активы, как он. Но он больше не был одним из них. Он был другим. Он был человеком.

«Я не вернусь к ним, - думал он. - Я не могу. Я должен идти вперёд. Я должен бороться. Я должен спасать».

Он отвернулся от окна и посмотрел на терминал. На экране было уведомление: «Внимание! Зафиксировано нарушение протокола. Сотрудник: Элиас Холл. ID: ЕН-4492-Гамма. Нарушение: несанкционированное изменение данных. Наказание: понижение КЧ до 65%. Дальнейшие нарушения приведут к переклассификации в категорию «Расходный материал».»

Элиас смотрел на это уведомление и чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. Он знал, что это только начало. Он знал, что система не простит ему его поступков. Но он не боялся. Он был готов.

«Я принимаю это, - думал он. - Я принимаю наказание. Я принимаю свою судьбу. Я буду бороться. Я буду человеком».

Он закрыл терминал и вышел из кабинета. Коридор был пустым и тихим. Он пошёл к лифту. Он знал, что ему нужно сделать. Ему нужно было найти Софию. Ему нужно было вывести её в Серые Зоны. Ему нужно было быть человеком.

«Я сделаю это, - думал он. - Я спасу её. Я докажу, что я человек. Я докажу, что я не актив».

Лифт открыл двери, и он зашёл внутрь. Он нажал кнопку нижнего уровня. Лифт начал спускаться. Элиас стоял неподвижно, глядя на своё отражение в металлической стене. Он видел человека. Уставшего, испуганного, но полного решимости. Человека, который не сдаётся. Человека, который борется. Человека, который свободен.

«Я сделаю это, - думал он. - Я сделаю это. Я буду челове-

ком».

Элиас вышел из лифта на нижнем уровне. Коридор был тёмным и сырым. Лампы мерцали, бросая тени на стены. Он пошёл к тому месту, где спрятал Софию. Он должен был найти её. Он должен был вывести её в Серые Зоны.

«Я иду к тебе, София, - думал он. - Я вернулся. Я не бросил тебя».

Он подошёл к мусорному контейнеру и открыл крышку. София была внутри. Она сидела, сжавшись в комочек, и плакала. Когда она увидела его, она подняла глаза. В них был страх и надежда.

- Ты вернулся, - сказала она, её голос дрожал.

- Я вернулся, - ответил он. - Я обещал.

Он помог ей вылезти. Она была грязной, испуганной, но живой.

- Мы должны уйти, - сказал он. - Мы должны уйти до того, как они найдут нас.

Они пошли по коридору. София держала его за руку. Её рука была холодной, но тёплой внутри. Он чувствовал её доверие, её надежду.

- Ты не бросишь меня? - спросила она.

- Я никогда не брошу тебя, - ответил он. - Я обещаю.

Они дошли до двери, ведущей в Серые Зоны. Элиас открыл её. За ней был туннель. Тёмный, узкий, бесконечный. Он вёл в свободу.

- Иди, - сказал он, показывая на туннель. - Иди. Там ты

будешь свободна.

София посмотрела на него. В её глазах были слёзы.

- А ты? - спросила она. - Ты не придёшь со мной?

- Я не могу, - сказал он. - У меня есть работа. У меня есть долг. Но я буду помнить тебя. Всегда.

Она взяла его за руку и сжала её.

- Ты человек, - сказала она. - Самый человечный человек, которого я встречала.

Она повернулась и шагнула в туннель. Элиас смотрел, как она уходит. Её маленькая фигура постепенно растворялась в темноте.

«Я сделал это, - думал он. - Я спас её. Я был человеком».

Он стоял и смотрел, пока она не исчезла. Потом он повернулся и пошёл обратно. К своей работе. К своей смерти. К своей судьбе.

Элиас вернулся в свой кабинет. Он был уставшим, разбитым, но внутри него горела искра - маленькая, слабая, но живая. Он спас Софию. Он сделал это. Он был человеком.

Он сел за стол и открыл терминал. Экран засветился, показывая его рабочую панель. Всё выглядело нормально - отчёты, квитанции, системные уведомления. Но он знал, что спокойствие было иллюзией. Он знал, что система всё видит. Он знал, что его нарушение не могло остаться незамеченным.

Он открыл отчёт об утилизации и начал просматривать записи. Всё выглядело правильно - имена, даты, причины

смерти. София была помечена как «утилизированная». Он проверил ещё раз. Да, всё выглядело правильно. Он перечитал запись: «Клон № 13. Имя: София. Срок годности: истёк. Причина утилизации: биологический износ. Статус: утилизирована». Он выдохнул с облегчением. Всё было в порядке.

Но в тот момент, когда он собирался закрыть файл, терминал издал звук - короткий, резкий, пронзительный. На экране замигало красное уведомление: «ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ В ОТЧЁТЕ. ИНИЦИИРОВАНА ПРОВЕРКА».

Элиас замер. Его сердце пропустило удар. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как предупреждение. Как напоминание о том, что он в опасности.

«Нет, - думал он. - Нет, нет, нет. Не сейчас. Только не сейчас».

Он встал и начал ходить по кабинету. Он должен был что-то сделать. Он должен был исправить ошибку. Он должен был защитить Софию.

«Что я сделал не так? - думал он. - Я проверил всё. Я дважды проверил. Всё должно было быть правильно. Почему система заметила?»

Он снова сел за стол и открыл файл. Он начал просматривать каждую запись, каждое слово, каждое число. И тут он заметил это. Маленькая деталь, которую он упустил. В записи о Софии было указано время утилизации - 14:32. Но в системном журнале он был в другой части здания в 14:32.

Несовпадение. Маленькое, но достаточное для того, чтобы система заметила.

«Чёрт, - подумал он. - Чёрт, чёрт, чёрт. Как я мог упустить это?»

Он знал, что это конец. Он знал, что система не простит ему эту ошибку. Он знал, что его КЧ упадёт. Он знал, что его сердце могут отключить. Но он не жалел. Он спас Софию. Он был человеком.

«Я заплачу за это, - думал он. - Я заплачу за свою ошибку. Но я не жалею. Я спас ребёнка. Я был человеком».

Он закрыл терминал и откинулся на спинку стула. Он чувствовал, как его тело начинает дрожать. Он чувствовал, как страх овладевает им. Но он не сдавался. Он должен был бороться. Он должен был найти выход.

«Я не сдамся, - думал он. - Я буду бороться. Я докажу, что я человек».

Он встал и направился к двери. Он должен был найти Дж. С. Он должен был объяснить. Он должен был защитить себя. Он должен был защитить Софию.

«Я сделаю это, - думал он. - Я защищу её. Я защищу себя. Я буду человеком».

Элиас вышел из кабинета и направился к лифту. Он должен был найти Дж. С. Он должен был объяснить ситуацию. Он должен был защитить себя.

Лифт поднялся на уровень начальника отдела. Элиас вышел в коридор и пошёл к стеклянной двери кабинета. Он по-

стучал.

- Войдите, - раздался голос изнутри.

Элиас открыл дверь и вошёл. Дж. С. сидел за своим стеклянным столом и смотрел на экран терминала. Его лицо было холодным, безразличным. Когда он увидел Элиаса, он поднял глаза.

- Холл, - сказал он. - Я ждал тебя.

- Сэр, - сказал Элиас, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Я хочу объяснить. В отчёте была ошибка. Я исправлю её.

Дж. С. усмехнулся. Его усмешка была холодной, безжалостной.

- Ошибка? - переспросил он. - Ты называешь это ошибкой? Ты изменил запись о клоне. Ты скрыл утилизацию. Ты нарушил протокол. Это не ошибка, Холл. Это предательство.

- Я не предатель, - сказал Элиас. - Я просто хотел спасти её. Она была ребёнком. Она не хотела умирать.

- Ты нарушил правила, - сказал Дж. С. - Ты знаешь, что это значит. Ты знаешь, что это может стоить тебе жизни.

- Я знаю, - ответил Элиас. - Я готов принять последствия. Но я не жалею о том, что сделал.

Дж. С. смотрел на него долго, изучая его лицо, его глаза. Потом он медленно кивнул.

- Ты глуп, Холл, - сказал он. - Ты всегда был глупым. Но я ценю твою искренность. Это редкость в нашем мире.

Он взял планшет и посмотрел на экран.

- Ты получишь предупреждение, - сказал он. - Твой КЧ

упадёт на три процента. Ты будешь переведён на более низкий уровень. Но ты сохранишь свою работу. Пока что.

Элиас смотрел на него. Он не верил своим ушам. Он ожидал, что его уволят. Он ожидал, что его сердце отключат. Но он получил только предупреждение.

- Почему? - спросил он. - Почему вы не накажете меня сильнее?

Дж. С. усмехнулся.

- Потому что ты полезен, Холл, - сказал он. - Ты делаешь свою работу. Ты делаешь её хорошо. Несмотря на свою слабость, ты эффективен. Я не хочу терять эффективного сотрудника.

Он встал из-за стола и подошёл к окну. Город простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный.

- Но помни, Холл, - сказал он, не оборачиваясь. - Если ты снова нарушишь правила, я не буду так снисходителен. Ты станешь расходным материалом. И твоё сердце будет отключено. Ты понял?

- Да, сэр, - ответил Элиас. - Я понял.

- Хорошо, - сказал Дж. С. - Теперь иди. Ты нужен в секторе D-7. Тебя ждёт работа.

Элиас повернулся и вышел из кабинета. Он стоял в коридоре и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он получил предупреждение. Он получил шанс. Он должен был использовать его.

«Я не сделаю эту ошибку снова, - думал он. - Я буду осто-

рожнее. Я защищу её. Я защищу себя».

Элиас вернулся в свой кабинет. Он сел за стол и открыл терминал. На экране было уведомление: «Ваш Коэффициент Чистоты был понижен на 3% в связи с нарушением протокола. Текущий КЧ: 62% (критический уровень: 65%). Рекомендуется: немедленно принять меры для повышения КЧ. Невыполнение рекомендаций в течение 48 часов приведёт к автоматической переклассификации в категорию «Расходный материал».»

Элиас смотрел на эти слова и чувствовал, как его сердце сжимается. Шестьдесят два процента. Ниже критического уровня. Он стал расходным материалом. Он стал таким же, как те, кого он убивал.

«Я сделал это, - думал он. - Я стал расходным материалом. Я стал таким же, как они. Теперь они придут за мной. Теперь они убьют меня».

Он закрыл терминал и откинулся на спинку стула. Он чувствовал, как страх и отчаяние овладевают им. Он не знал, что делать. Он не знал, как спасти себя. Он не знал, как быть человеком.

«Я не хочу умирать, - думал он. - Я не хочу умирать в утилизаторе. Я хочу жить. Я хочу быть свободным».

Но он знал, что это невозможно. Он знал, что система не прощает нарушений. Он знал, что его время истекает. Но он не сдавался. Он должен был бороться. Он должен был найти выход.

«Я не сдамся, - думал он. - Я буду бороться. Я докажу, что я человек».

Он встал и подошёл к окну. Город простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Голограммы корпораций сияли на стенах зданий. Дроны патрулировали улицы. Внизу люди спешили на работу - такие же активы, как он. Но он больше не был одним из них. Он был другим. Он был расходным материалом.

«Я не вернусь к ним, - думал он. - Я не могу. Я должен идти вперёд. Я должен бороться. Я должен быть человеком».

Он отвернулся от окна и посмотрел на терминал. На экране всё ещё было уведомление о понижении КЧ. Он знал, что это только начало. Он знал, что система не простит ему его поступков. Но он не боялся. Он был готов.

«Я принимаю это, - думал он. - Я принимаю наказание. Я принимаю свою судьбу. Я буду бороться. Я буду человеком».

Элиас сидел в своём кабинете и смотрел в стену. Он чувствовал, как страх овладевает им. Страх перед тем, что он станет расходным материалом. Страх перед тем, что его сердце будет отключено. Страх перед тем, что он умрёт в одиночестве, как и все остальные.

«Я не хочу умирать, - думал он. - Я не хочу умирать в утилизаторе. Я хочу жить. Я хочу быть свободным. Я хочу быть человеком».

Он встал и начал ходить по кабинету. Он должен был что-то сделать. Он должен был найти способ повысить свой КЧ.

Он должен был доказать системе, что он полезен. Он должен был выжить.

«Я могу сделать это, - думал он. - Я могу повысить свой КЧ. Я могу доказать системе, что я полезен. Я могу выжить».

Он сел за стол и открыл терминал. Он начал искать способы повышения КЧ. Он читал статьи, инструкции, рекомендации. Он узнал, что нужно делать - работать более эффективно, избегать стресса, быть лояльным корпорации. Но он знал, что это невозможно. Он не мог быть лояльным. Он не мог быть эффективным. Он был человеком.

«Я не могу делать это, - думал он. - Я не могу быть активом. Я не могу убивать людей. Я не могу быть частью этой системы».

Он закрыл терминал и откинулся на спинку стула. Он чувствовал, как отчаяние овладевает им. Он не знал, что делать. Он не знал, как выжить. Он не знал, как быть человеком.

«Я умру, - думал он. - Я умру в утилизаторе. Как и все остальные. Я умру один. И никто не вспомнит меня».

Но в глубине души он знал, что это не так. Он спас Софию. Он спас Ивана. Он спас многих. Они вспомнят его. Они будут жить. И это было важнее, чем его жизнь.

«Я не жалею, - думал он. - Я спас их. Я был человеком. Это всё, что имеет значение».

Элиас сидел в своём кабинете и смотрел в стену. Он чувствовал, как страх и отчаяние покидают его. Он принял свою судьбу. Он принял то, что он умрёт. Он принял то, что он

стал расходным материалом. Но он не жалел. Он сделал правильный выбор. Он был человеком.

«Я умру, - думал он. - Но я умру, зная, что я сделал правильный выбор. Я умру, зная, что я был человеком. Это всё, что имеет значение».

Он встал и подошёл к окну. Город простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Но он больше не был частью этого города. Он был свободен. Он был человеком.

«Я не вернусь к ним, - думал он. - Я не могу. Я должен идти вперёд. Я должен бороться. Я должен быть человеком».

Он повернулся и посмотрел на терминал. На экране всё ещё было уведомление о понижении КЧ. Но он больше не боялся. Он принял свою судьбу. Он принял свою смерть. Он был готов.

«Я сделаю это, - думал он. - Я уйду с честью. Я умру человеком. И это будет моей победой».

Он вышел из кабинета и направился к лифту. Он знал, что ему нужно сделать. Ему нужно было найти Софию. Ему нужно было убедиться, что она в безопасности. Ему нужно было защитить её. Он должен был быть человеком.

«Я сделаю это, - думал он. - Я защищу её. Я защищу себя. Я буду человеком».

Он зашёл в лифт и нажал кнопку нижнего уровня. Лифт начал спускаться. Элиас стоял неподвижно, глядя на своё отражение в металлической стене. Он видел человека. Уставшего, испуганного, но полного решимости. Человека, кото-

рый не сдаётся. Человека, который борется. Человека, который свободен.

«Я сделаю это, - думал он. - Я сделаю это. Я буду человеком».

Лифт остановился. Двери открылись, и он шагнул в тёмный коридор. Он пошёл к тому месту, где спрятал Софию. Он должен был найти её. Он должен был убедиться, что она в безопасности.

«Я иду к тебе, София, - думал он. - Я вернулся. Я не бросил тебя».

Он подошёл к мусорному контейнеру и открыл крышку. София была там. Она сидела, сжавшись в комочек, и смотрела на него с надеждой.

- Ты вернулся, - сказала она.

- Я вернулся, - ответил он. - Я обещал.

Он помог ей вылезти. Она была грязной, испуганной, но живой.

- Мы должны уйти, - сказал он. - Мы должны уйти до того, как они найдут нас.

Они пошли по коридору. София держала его за руку. Её рука была холодной, но тёплой внутри. Он чувствовал её доверие, её надежду.

- Ты не бросишь меня? - спросила она.

- Я никогда не брошу тебя, - ответил он. - Я обещаю.

Они дошли до двери, ведущей в Серые Зоны. Элиас открыл её. За ней был туннель. Тёмный, узкий, бесконечный.

Он вёл в свободу.

- Иди, - сказал он, показывая на туннель. - Иди. Там ты будешь свободна.

София посмотрела на него. В её глазах были слёзы.

- А ты? - спросила она. - Ты не придёшь со мной?

- Я не могу, - сказал он. - У меня есть работа. У меня есть долг. Но я буду помнить тебя. Всегда.

Она взяла его за руку и сжала её.

- Ты человек, - сказала она. - Самый человечный человек, которого я встречала.

Она повернулась и шагнула в туннель. Элиас смотрел, как она уходит. Её маленькая фигура постепенно растворялась в темноте.

«Я сделал это, - думал он. - Я спас её. Я был человеком».

Рабочий день закончился. Элиас вышел из здания корпорации и остановился на улице. Город «Новый-Токио-3» погружался в искусственный вечер - голограммы становились ярче, небо темнело, хотя солнце уже давно было скрыто за слоями синтезированного смога. Дроны продолжали патрулировать улицы, их красные огоньки мелькали в темноте, как глаза хищников, высматривающих добычу.

Элиас стоял неподвижно, глядя на серые стены зданий, на бесконечные ряды окон, за которыми жили такие же активы, как он. Он чувствовал, как его тело ноет после долгого дня. Мышцы болели, глаза жгло, сердце продолжало свой монотонный ритм. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но

сейчас он звучал как напоминание о том, что он всё ещё жив. Что он всё ещё может чувствовать. Что он всё ещё человек.

«Я не хочу возвращаться в свою капсулу, - думал он. - Я не хочу лежать в этом белом гробу и ждать, пока наступит новое утро. Я хочу быть среди людей. Я хочу забыться. Я хочу быть нормальным».

Он знал, где можно найти забвение. Бар для бракованных. Подпольное место, куда собирались такие же, как он - чистильщики, корректоры, все те, кто делал грязную работу корпорации. Место, где можно было выпить синтезированный алкоголь, посмеяться над мрачными шутками и на время забыть о том, кем ты являешься на самом деле.

Он повернулся и пошёл по улице. Его шаги были медленными, тяжёлыми, но он шёл. Он знал путь. Он ходил туда много раз. Бар находился в подвале старого здания, в районе, который система почти не контролировала. Туда не доходили дроны. Туда не доходили камеры. Там можно было быть собой.

Он свернул в тёмный переулок, где не было голограмм, не было рекламы, только грязные стены и разбитый асфальт. Воздух здесь был другим - не синтезированным, а настоящим, с запахом сырости и грязи. Он чувствовал этот запах и улыбался. Это был запах свободы. Запах жизни.

Он дошёл до старой металлической двери, покрытой слоями ржавчины. На двери не было таблички, не было номера. Только маленький глазок, через который его проверяли.

Он постучал три раза - коротко, резко, как учили. Глазок открылся, и на него посмотрели чьи-то глаза.

- Пароль? - раздался хриплый голос.

- Истекший срок годности, - ответил Элиас.

Глазок закрылся. Послышался звук отпираемых замков - тяжелых, металлических, которые могли удержать любого, кто попытался бы войти без приглашения. Дверь открылась, впуская тёплый свет и звуки музыки.

- Заходи, - сказал охранник - высокий мужчина с механической рукой и шрамом на лице. - Ты вовремя. Сегодня будет весело.

Элиас кивнул и шагнул внутрь.

Бар находился в подвале старого здания. Это было большое помещение с низким потолком, из которого торчали старые трубы и провода. Стены были обшарпанными, с облупившейся краской, которая когда-то была белой. В углах висели тусклые лампы, которые давали достаточно света, чтобы видеть лица, но не достаточно, чтобы разглядеть детали.

Здесь пахло синтезированным алкоголем, потом и чем-то ещё - запахом свободы, который можно было найти только в таких местах. Здесь собирались такие же, как он - чистильщики, корректоры, бракованные, расходные материалы, которые ещё не были списаны. Они сидели за столами, пили, смеялись, говорили о работе. О том, что они делают. О том, как они ненавидят свою жизнь.

Элиас прошёл к бару - старой деревянной стойке, кото-

рую кто-то когда-то смастерил из досок. За стойкой стояла женщина с ярко-рыжими волосами и татуировками на руках. Она была одной из немногих, кто не боялся системы. Она была свободной.

- Холл, - сказала она, улыбаясь. - Ты сегодня поздно. Работа задержала?

- Привет, Рита, - ответил он, садясь на высокий стул. - Как всегда. Двенадцать дефектов в секторе D-7.

- Двенадцать? - переспросила она, поднимая бровь. - Это много. Ты справился?

- Почти, - сказал он. - Несколько ушли.

Она налила ему стакан прозрачной жидкости. Синтезированный виски. Он взял стакан и сделал глоток. Жидкость обожгла горло, но он не чувствовал боли. Он привык.

- Ты выглядишь уставшим, - сказала Рита. - Больше, чем обычно. Что случилось?

Элиас сделал ещё один глоток. Он не знал, хочет ли он говорить. Но он знал, что Рита была единственной, кто мог понять. Она была такой же, как он. Она была расходным материалом.

- Я спас ребёнка, - сказал он тихо. - Девочку. Она была клоном. Её срок годности истёк. Я спрятал её. Я пометил её как утилизированную.

Рита смотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

- Ты рисковал, - сказала она. - Ты рисковал своей жизнью.

- Я знаю, - ответил он. - Но я не мог убить её. Она была ребёнком. Она хотела жить.

- Ты человек, - сказала она. - Ты один из немногих, кто ещё остался человеком.

Она налила ему ещё один стакан. Элиас взял его и выпил залпом.

«Я человек, - думал он. - Я всё ещё человек. Это всё, что имеет значение».

Он повернулся и посмотрел на зал. Люди сидели за столами, пили, смеялись, говорили. Они были такими же, как он. Они были бракованными. Они были расходными материалами. Но они были свободными. Хотя бы здесь. Хотя бы на мгновение.

Элиас сидел за барной стойкой, потягивая синтезированный виски, и слушал разговоры вокруг. Здесь, в баре, люди говорили о том, о чём никогда не говорили на работе. Они шутили о смерти, о системе, о своих собственных жизнях. Это был их способ справляться. Их способ оставаться людьми.

За соседним столиком сидели трое чистильщиков - мужчина и две женщины. Они смеялись над чем-то, и их смех был громким, искренним, настоящим.

- И вот, - говорил мужчина, размахивая руками, - она смотрит на меня и говорит: «Ты уверен, что это правильный клон?» А я говорю: «Дорогая, если бы я знал, какой клон правильный, я бы не работал чистильщиком. Я бы работал

в зелёной зоне».

Женщины засмеялись. Одна из них покачала головой.

- Ты ужасен, - сказала она. - Ты говоришь о смерти, как о шутке.

- А что мне ещё остаётся? - ответил он, его улыбка стала горькой. - Если я не буду смеяться, я буду плакать. А плакать здесь нельзя. Система не любит слёз.

Элиас слушал их и чувствовал, как его губы растягиваются в улыбку. Мрачную, усталую, но настоящую. Они были правы. Если не смеяться, остаётся только плакать. А плакать здесь нельзя.

- Слышали новость? - сказал другой мужчина, подходя к их столику. - Говорят, что «Генезис» запускает новую партию клонов. Срок годности - десять лет. Представляете? Десять лет! Мы работаем по восемь, а они уже делают с десятилетним сроком.

- И что? - спросила одна из женщин. - Они будут жить дольше нас?

- Они будут жить дольше, чем мы, - ответил мужчина. - Мы - старые модели. Мы - расходный материал. Они - будущее.

- Тогда давайте выпьем за наше прошлое, - сказала женщина, поднимая стакан. - За то, что мы ещё живы.

- За то, что мы ещё живы! - повторили остальные.

Элиас поднял свой стакан и присоединился к тосту. Жидкость обожгла горло, но он чувствовал тепло, которое раз-

ливалось по его телу. Тепло, которое напоминало ему о том, что он жив. Что он чувствует. Что он человек.

«Мы все умрём, - думал он. - Но пока мы живы, мы можем смеяться. Мы можем пить. Мы можем быть людьми. Это всё, что имеет значение».

Внезапно разговоры за соседним столиком стихли. Элиас повернул голову и увидел, что к столу подошёл новый человек. Это был старик с седой бородой и глубокими морщинами на лице. Его глаза были острыми, внимательными, как у человека, который много видел.

- Слышали новость? - сказал он, понижая голос. - Про Кейна-39.

Все за столом замолчали. Элиас почувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. Кейн-39. То же имя, что и в новостях. Тот же номер, что и на капсуле двенадцатого клона. Он знал, что должен слушать. Он знал, что это важно.

- Что с ним? - спросил один из чистильщиков.

- Он сбежал, - сказал старик. - Он сбежал с внучкой босса. Айрис Вос. Они вместе. Они любят друг друга.

- Клон и человек? - переспросила женщина. - Это невозможно. Это нарушение Коэффициента Чистоты.

- Это правда, - сказал старик. - Я слышал это от человека, который работает в «Генезисе». Кейн-39 и Айрис Вос целовались под камерами. Они отключили систему на пять минут. Пять минут, представляете? Они рисковали всем ради пяти минут.

- Зачем им это было нужно? - спросил мужчина.

- Потому что они любят друг друга, - ответил старик. - Потому что они хотят быть вместе. Потому что они хотят быть свободными.

Элиас слушал и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. *Вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал по-другому. Он звучал как напоминание о том, что он чувствует. Что он верит. Что он надеется.

«Кейн-39, - думал он. - Айрис Вос. Они рискнули всем ради любви. Они сделали то, что я не могу сделать. Но я хочу сделать это. Я хочу быть свободным. Я хочу быть человеком».

- Кто они? - спросил он, поворачиваясь к старику. - Расскажи мне о них.

Старик посмотрел на него. В его глазах было что-то похожее на понимание.

- Они - надежда, - сказал он. - Они доказывают, что даже в этом мире можно любить. Что даже в этом мире можно быть человеком. Они - доказательство того, что система не всесильна.

Элиас смотрел на него. Он чувствовал, как его сердце наполняется чем-то тёплым. Надеждой.

«Я найду их, - думал он. - Я найду Кейна-39 и Айрис Вос. Я помогу им. Я докажу, что я человек».

Элиас сидел за барной стойкой и смотрел в свой пустой стакан. Разговоры вокруг него стихли, музыка играла тихо.

Он чувствовал, как алкоголь начинает действовать, делая его мысли более ясными. Он знал, что должен принять решение. Он должен был решить, кто он - актив или человек.

«Я не могу вернуться к тому, что было, - думал он. - Я не могу снова убивать людей. Я должен бороться. Я должен быть человеком».

Он поднял голову и посмотрел на Риту. Она стояла за стойкой и протирала стаканы, но её глаза были устремлены на него.

- Ты что-то решил, - сказала она. - Я вижу это по твоим глазам.

- Да, - ответил он. - Я решил. Я не буду больше убивать. Я буду бороться. Я буду спасать. Я буду человеком.

- Ты знаешь, что это может стоить тебе жизни? - спросила она.

- Знаю, - ответил он. - Но я готов. Я готов умереть, но я умру человеком.

Она улыбнулась. Её улыбка была тёплой, настоящей.

- Ты хороший человек, Холл, - сказала она. - Ты делаешь правильный выбор.

Он встал и положил несколько кредитов на стойку.

- Я найду их, - сказал он. - Я найду Кейна-39 и Айрис Вос. Я помогу им. Это мой путь.

Он повернулся и пошёл к выходу. Его шаги были уверенными, твёрдыми. Он знал, что делает. Он знал, что это правильно.

«Я сделаю это, - думал он. - Я найду их. Я помогу им. Я докажу, что я человек».

Элиас вышел из бара и остановился на тёмной улице. Ночной воздух был холодным, но он почти не чувствовал холода. Алкоголь согревал его изнутри, а мысли о Кейне-39 и Айрис Вос разжигали в груди что-то тёплое. Надежду. Он стоял неподвижно, глядя на серое небо, и перебирал в голове всё, что услышал в баре.

«Кейн-39, - думал он. - Идеальный клон-солдат. Тридцать девятая попытка создать совершенное оружие. Тридцать восемь предыдущих погибли или были уничтожены. Он должен был стать идеальным активом. Беспрекословным. Безэмоциональным. Эффективным. Но он сбежал. Он сбежал с внучкой босса. Он влюбился. Он нарушил все правила».

Элиас чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. *Вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал по-другому. Он звучал как барабанная дробь, предвещающая что-то важное.

«Он сбежал, - продолжал думать Элиас. - Он рискнул всем ради любви. Он сделал то, что я не могу сделать. Он выбрал свободу. Он выбрал жизнь. Он выбрал быть человеком, даже если система говорит, что он - просто оружие».

Он зашагал по улице, не зная, куда идёт. Его ноги сами несли его вперёд, в темноту ночного города. Он смотрел на голограммы корпораций, на дронов, на бесконечные ряды окон, за которыми спали такие же активы, как он. Но он

больше не был одним из них. Он был другим. Он был человеком, который решил бороться.

«Что я знаю о нём? - думал он. - Он - клон. Он - идеальный солдат. Его срок годности - пять лет. Он знает, что умрёт. Он знает, что его жизнь - это просто отсчёт до смерти. Но он не сдался. Он борется. Он любит. Он живёт».

Элиас остановился на перекрёстке. Рядом с ним стоял старый фонарь, который мерцал, бросая тусклый свет на мокрый асфальт. Он прислонился к фонарю и закрыл глаза. Перед ним возникло лицо Кейна-39 - то, которое он видел на экране. Жёсткое, мускулистое, с татуировкой на груди. Но в его глазах была боль. Та же боль, которую Элиас чувствовал каждый день.

«Он такой же, как я, - думал он. - Он тоже страдает. Он тоже боится. Но он не сдаётся. Он борется. Он - человек. Даже если система говорит, что он - просто оружие».

Он открыл глаза и посмотрел на небо. Там, за слоями смога, скрывались звёзды. Он не видел их уже много лет, но знал, что они есть. Где-то там, за этой серой пеленой, была свобода. Где-то там была жизнь.

«Я найду тебя, Кейн-39, - думал он. - Я найду тебя и Айрис Вос. Я помогу вам. Я сделаю всё, чтобы вы были свободны. Потому что если вы сможете быть свободными, значит, я тоже смогу. Значит, у всех нас есть шанс».

Он оттолкнулся от фонаря и пошёл дальше. Его шаги стали увереннее. Он знал, что его ждёт долгий путь. Он знал,

что это будет трудно. Но он был готов. Он был готов бороться. Он был готов быть человеком.

Элиас шёл по тёмным улицам, и его мысли продолжали крутиться вокруг Кейна-39. Он вспоминал всё, что слышал в баре. Каждая деталь, каждое слово, каждый намёк - всё это складывалось в картину, которая захватывала его воображение.

«Идеальный клон-солдат, - думал он. - Что это значит? Это значит, что он был создан, чтобы убивать. Чтобы быть безжалостным. Чтобы не чувствовать боли, страха, сострадания. Но он чувствует. Он чувствует любовь. Он чувствует боль. Он чувствует страх. Он - человек».

Элиас вспомнил своё собственное сердце. Механическое, гулящее, с этим проклятым звуком, который преследовал его каждую секунду. Но Кейн-39, возможно, имел настоящее сердце. Или, по крайней мере, он чувствовал так же сильно, как человек с настоящим сердцем.

«Тридцать восемь попыток, - продолжал он думать. - Тридцать восемь клонов погибли. Тридцать восемь жизней были потрачены впустую. А он - тридцать девятый - выжил. Он стал идеальным. Но он не стал послушным. Он не стал оружием. Он стал человеком».

Элиас остановился перед большим зданием, на стене которого висела голограмма с рекламой «Генезиса». «Генезис - ваша жизнь в наших руках», - гласил слоган. Элиас смотрел на эти слова и чувствовал, как гнев поднимается в его груди.

«Они создали его, - думал он. - Они создали его, чтобы использовать. Чтобы убивать. Чтобы быть оружием. Но он сбежал. Он показал им, что он не просто оружие. Он - человек. И они боятся этого. Они боятся, что другие клоны тоже сбегут. Они боятся, что система рухнет».

Он сжал кулаки. Его ногти впились в ладони, но он почти не чувствовал боли. Он чувствовал только гнев и решимость.

«Я помогу тебе, Кейн-39, - думал он. - Я помогу тебе быть свободным. Я помогу тебе бороться. Я помогу тебе доказать, что ты - человек. Даже если это стоит мне жизни».

Он пошёл дальше. В его голове уже начал формироваться план. Он должен был найти Кейна-39 и Айрис Вос. Он должен был помочь им. Он должен был стать частью их борьбы. Он должен был быть человеком.

Элиас продолжал идти по ночному городу, и его мысли переключились на Айрис Вос. Она была внучкой главы корпорации. У неё было всё - деньги, власть, привилегии. Она жила в зелёной зоне. Она ела настоящую еду. Она дышала настоящим воздухом. У неё было настоящее сердце. И она рискнула всем ради клона.

«Почему? - думал он. - Почему она сделала это? У неё было всё, о чём я могу только мечтать. У неё была свобода. У неё была жизнь. И она рискнула всем ради любви. Ради человека, которого система называет оружием».

Он вспомнил её лицо на экране. Рыжие волосы, зелёные глаза, широкая улыбка. Она выглядела как человек, который

знает, что делает. Как человек, который не боится последствий. Как человек, который готов умереть за свою любовь.

«Она сильнее меня, - думал он. - Она сильнее, чем я. Она сделала то, что я не могу сделать. Она выбрала любовь. Она выбрала свободу. Она выбрала быть человеком».

Он остановился на мосту, перекинутом через канал с тёмной водой. Вода была грязной, с маслянистой плёнкой на поверхности. Но он смотрел на неё и представлял, что это чистая река. Что он стоит на берегу и дышит настоящим воздухом. Что он свободен.

«Айрис Вос, - думал он. - Ты - пример для всех нас. Ты показала, что даже в этом мире можно любить. Что даже в этом мире можно быть человеком. Ты дала нам надежду. Ты показала, что система не всесильна».

Он сжал перила моста и посмотрел вперёд. Город простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Но он больше не был частью этого города. Он был свободен. Он был человеком.

«Я найду тебя, Айрис Вос, - думал он. - Я найду тебя и Кейна-39. Я помогу вам. Я сделаю всё, чтобы вы были свободны. Потому что если вы сможете быть свободными, значит, я тоже смогу. Значит, у всех нас есть шанс».

Элиас продолжал идти по городу, но теперь его мысли были заняты любовью Кейна-39 и Айрис Вос. Они были влюблены. Клон и человек. Это нарушало все правила. Это нарушало Коэффициент Чистоты. Это было невозможно. Но это

было правдой.

«Они любят друг друга, - думал он. - Они рискнули всем ради этой любви. Они отключили систему на пять минут, чтобы поцеловаться. Пять минут, которые изменили их жизнь. Пять минут, которые сделали их предателями. Пять минут, которые сделали их свободными».

Он остановился у старого здания, на стене которого было нарисовано граффити - сердце, пронзённое стрелой. Элиас смотрел на это сердце и чувствовал, как его собственное сердце начинает биться быстрее.

«Любовь, - думал он. - Я забыл, что это такое. Я забыл, как это - любить. Я забыл, как это - быть любимым. Но они напомнили мне. Они показали, что даже в этом мире можно любить. Что даже в этом мире можно быть человеком».

Он провёл пальцем по граффити, чувствуя шероховатую поверхность стены. Краска была старой, потрескавшейся, но сердце всё ещё было видно. Оно было символом надежды. Символом свободы. Символом любви.

«Я хочу любить, - думал он. - Я хочу чувствовать. Я хочу быть человеком. И я докажу это. Я найду их. Я помогу им. Я стану частью их борьбы. Я стану человеком».

Он оторвал руку от стены и пошёл дальше. Его шаги были уверенными, твёрдыми. Он знал, что его ждёт. Он знал, что это будет трудно. Но он был готов. Он был готов бороться. Он был готов любить. Он был готов быть человеком.

Элиас подошёл к центру города, где голограммы были яр-

че, а дроны - многочисленнее. Здесь висели огромные экраны, на которых транслировались новости. На одном из экранов он увидел лицо Маркуса Воса - главы «Генезиса», деда Айрис. Его лицо было холодным, безжалостным, как всегда.

«Дорогие пользователи, - говорил Маркус. - Сегодня я хочу поговорить с вами о предательстве. О том, как один человек может разрушить всё, что мы построили. Моя внучка, Айрис Вос, выбрала путь предательства. Она помогла беглому клону сбежать. Она предала свою семью, свою корпорацию, свои ценности. Но мы найдём её. Мы найдём их обоих. И они заплатят за свои преступления».

Элиас смотрел на экран и чувствовал, как его руки сжимаются в кулаки. Он ненавидел этого человека. Он ненавидел его холодные глаза, его механическую улыбку, его слова, которые звучали как приговор.

«Ты не найдёшь их, - думал он. - Я не дам тебе найти их. Я защищу их. Я сделаю всё, чтобы они были свободны».

Экран переключился на другие новости, но Элиас продолжал смотреть на то место, где только что было лицо Маркуса. Он чувствовал, как гнев и решимость борются в его душе.

«Они объявили охоту на них, - думал он. - За голову Кейна-39 - 50 000 кредитов. За Айрис Вос - 10 миллионов. Они хотят поймать их. Они хотят уничтожить их. Но я не позволю им. Я защищу их. Я сделаю всё, чтобы они были свободны».

Он повернулся и пошёл дальше. Он знал, что должен быть осторожным. Он знал, что его тоже ищут. Он знал, что его

пониженный КЧ делает его уязвимым. Но он не боялся. Он был готов бороться.

«Я сделаю это, - думал он. - Я найду их. Я помогу им. Я докажу, что я человек. И я умру, зная, что я сделал правильный выбор».

Элиас остановился у небольшого терминала, встроенного в стену здания. Он ввёл свой код доступа и открыл новостную ленту. Там было объявление о награде за поимку Кейна-39. Он прочитал его несколько раз, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее.

«За информацию о местонахождении Кейна-39 - 50 000 кредитов, - гласило объявление. - За помощь в поимке - 100 000 кредитов. За содействие в уничтожении - 150 000 кредитов. Помните: предатели не заслуживают пощады».

Элиас смотрел на эти цифры и чувствовал, как его желудок сжимается. Пятьдесят тысяч кредитов. Это была сумма, которая могла изменить его жизнь. Он мог купить новое сердце. Он мог повисить свой КЧ. Он мог переехать в зелёную зону. Он мог быть свободным. Но он знал, что никогда не сделает этого.

«Я не предаю их, - думал он. - Я не продаю их. Я не буду таким, как все. Я буду человеком. Я помогу им. Я сделаю всё, чтобы они были свободны».

Он закрыл терминал и отошёл от стены. Он чувствовал, как его решимость крепнет. Он знал, что его ждёт. Он знал, что это будет трудно. Но он был готов. Он был готов бороться.

ся. Он был готов быть человеком.

«Я найду их, - думал он. - Я помогу им. И я докажу, что даже в этом мире можно быть человеком. Это мой путь. Это моя судьба. Я готов».

Элиас медленно брел по коридору своего жилого блока. Ноги гудели, спина болела, но он почти не чувствовал физической усталости. Его мысли были далеко - там, где Кейн-39 и Айрис Вос боролись за свободу. Там, где любовь побеждала систему. Там, где надежда всё ещё существовала.

Он остановился перед своей дверью - такой же белой, как и все остальные. Она открылась по сигналу его нейроинтерфейса, впуская его в крошечную капсулу-квартиру. Белые стены, белый пол, белый потолок. Капсула сна в углу, стол, зеркало. Всё то же самое, что и утром. Всё то же самое, что и вчера. Всё то же самое, что и всегда.

Элиас зашёл внутрь и закрыл дверь. Он почувствовал, как тишина обрушивается на него, тяжелая, давящая, почти осязаемая. Здесь, в этой крошечной комнате, он был один. Абсолютно один. Слышно было только его дыхание и тихое гудение искусственного сердца. *Вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как напоминание о том, что он жив. Что он дышит. Что он ещё может что-то изменить.

Он снял комбинезон и повесил его на спинку стула. Комбинезон был мокрым от пота, который выступил на его коже после долгого дня. Он чувствовал запах синтезированного воздуха, который вьелся в его волосы, в его кожу, в его

одежду. Запах корпорации. Запах клетки.

Он подошёл к маленькому окну и посмотрел на ночной город. Голограммы корпораций сияли на стенах зданий, отражаясь в стеклах небоскребов. Дроны «Саранчи» патрулировали улицы, их красные огоньки мелькали в темноте, как глаза хищников, высматривающих добычу. Внизу, на бесконечных уровнях города, люди спешили домой - такие же активы, как он. Они не смотрели вверх. Они не смотрели друг на друга. Они просто шли, опустив головы, выполняя свои протоколы.

«Я больше не часть вас, - думал он. - Я не могу быть частью вас. Я должен идти своим путём. Я должен бороться. Я должен быть человеком».

Он отвернулся от окна и подошёл к капсуле сна. Он хотел лечь и закрыть глаза. Он хотел забыться. Он хотел проснуться и обнаружить, что весь этот день был кошмаром. Но он знал, что это невозможно. Он знал, что его жизнь - это реальность. И он должен принять её.

Он сел на край капсулы и опустил голову. Слёзы подступили к глазам, но он не дал им пролиться. Он должен быть сильным. Он должен бороться. Он должен быть человеком.

«Я найду тебя, Айрис Вос, - думал он. - Я найду тебя и Кейна-39. Я помогу вам. Я сделаю всё, чтобы вы были свободны. Это моя миссия. Это моя судьба. Я готов».

Но в тот момент, когда он собирался лечь, он услышал звук. Тихий, едва уловимый, но отчётливый. Шаги. В его

капсуле-квартире. Кто-то был здесь. Он вскочил на ноги и огляделся.

В углу комнаты, на его единственном стуле, сидела девушка. Она была одета в ярко-красный плащ, который выделялся на фоне белых стен. Её волосы были рыжими, как пламя, а глаза - зелёными, как трава в зелёных зонах, которые ему никогда не довелось увидеть. Она смотрела на него без страха. Только решимость. Только надежда.

- Ты - Элиас Холл? - спросила она. Её голос был тихим, но твёрдым.

Элиас замер. Он не мог двинуться. Он не мог говорить. Он просто смотрел на неё и чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. *Вж-вж-вж-вж*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как предупреждение. Как напоминание о том, что он в опасности.

- Кто ты? - спросил он, его голос дрожал.

Девушка встала. Красный плащ развевался за её спиной, как знамя. Она подошла к нему и остановилась на расстоянии вытянутой руки.

- Меня зовут Айрис Вос, - сказала она. - Ты не убил ту девочку. Ты спрятал её. Ты пометил её как утилизированную. Я знаю это. Я видела через камеры.

Элиас смотрел на неё. Он не верил своим глазам. Она была здесь. Айрис Вос. Внучка главы корпорации. Предательница. Беглянка. Она стояла перед ним в его капсуле-квартире и смотрела на него своими зелёными глазами.

- Как ты сюда попала? - спросил он.

- Это неважно, - ответила она. - Важно то, что я здесь. Важно то, что я знаю, кто ты. Ты не такой, как они. Ты человек. И мне нужна твоя помощь.

Элиас чувствовал, как его сердце бешено колотится в груди. *Вж-вж-вж*. Он не знал, что делать. Он не знал, что говорить. Он просто стоял и смотрел на неё.

«Она здесь, - думал он. - Она пришла ко мне. Она верит мне. Она нуждается во мне. Я не могу подвести её. Я не могу быть активом. Я должен быть человеком».

- Что тебе нужно? - спросил он.

- Я ищу его, - ответила она, и в её глазах появилась боль.
- Я ищу Кейна-39. Я люблю его. И я должна найти его. Ты поможешь мне?

Элиас смотрел в её глаза. Он видел в них боль, надежду, страх и любовь. Всё то, что он потерял много лет назад. Всё то, что он хотел вернуть.

«Она любит его, - думал он. - Она готова умереть за него. Она готова убить за него. Она сильнее меня. Она - человек. И я помогу ей. Я сделаю всё, чтобы она была счастлива».

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я помогу тебе найти его. Она улыбнулась. Её улыбка была слабой, но настоящей.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо, что ты человек.

Элиас подошёл ближе к Айрис. Теперь, когда он мог разглядеть её подробнее, он заметил, насколько она была измождённой. Её лицо было бледным, почти прозрачным в

тусклом свете комнаты. Под глазами залегли тёмные круги - следы бессонных ночей, проведённых в страхе и поисках. Её губы были потрескавшимися, а руки, которые она сжимала в кулаки, дрожали.

Она была красивой - это было очевидно даже в её состоянии. Но её красота была не той, что показывали на голограммах. Это была красота человека, который прошёл через ад и вышел из него живым. Красота боли и надежды.

- Ты давно не ела, - сказал он, глядя на неё. - Ты давно не спала.

Она посмотрела на него. В её глазах была усталость, но была и решимость.

- Я не могу есть, - ответила она. - Я не могу спать. Я не могу остановиться. Я должна найти его. Я должна быть рядом с ним. Он нуждается во мне.

Элиас кивнул. Он понимал её. Он чувствовал её боль, как свою собственную.

- Садись, - сказал он, показывая на стул. - Отдохни. Расскажи мне, что случилось. Расскажи мне о нём. Расскажи мне о вас.

Она посмотрела на стул, потом на него. В её глазах была благодарность. Она села на стул и опустила голову. Элиас сел на край капсулы сна напротив неё.

- Мы были вместе, - начала она, и её голос дрогнул. - Мы были влюблены. Мы думали, что сможем сбежать. Мы думали, что сможем быть свободными. Но они нашли нас. Они

настигли нас. И мне пришлось бежать. Мне пришлось оставить его.

Она подняла голову, и он увидел, как слёзы текут по её щекам. Её глаза были красными, опухшими от слёз.

- Я бросила его, - сказала она. - Я не хотела. Но я должна была. Я должна была найти помощь. Я должна была найти кого-то, кто верит в то, что клоны - это люди. Я должна была найти тебя.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал её боль. Он чувствовал её страх. Он чувствовал её любовь. Это было эхо. Эхо эмоций, которое проникало в его душу и наполняло её теплом.

- Ты не бросила его, - сказал он. - Ты сделала правильный выбор. Ты нашла меня. И теперь мы найдём его вместе. Я обещаю тебе.

Она посмотрела на него. В её глазах была надежда.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо, что ты есть.

Они сидели в тишине. Элиас смотрел на Айрис и чувствовал, как его сердце наполняется чем-то тёплым. Он не знал, что это было. Может быть, надежда. Может быть, сострадание. Может быть, чувство, которое он не испытывал уже много лет.

- Расскажи мне о нём, - сказал он. - Расскажи мне о Кейне-39.

Айрис подняла голову. В её глазах была любовь. Такая сильная, такая чистая, что он почти физически чувствовал

её.

- Он - самый прекрасный человек, которого я когда-либо встречала, - сказала она. - Даже если система говорит, что он - не человек. Он - человек. Он чувствует. Он любит. Он страдает. Он боится. Он надеется. Он - человек.

Она взяла паузу, собираясь с мыслями.

- Я видела, как он родился, - продолжила она. - Я была там, когда он открыл глаза. Он посмотрел на меня и сказал: «Ты - ангел?». Я знала, что он - особенный. Я знала, что он - человек. Я знала, что я люблю его.

Элиас слушал её и чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. *Вж-вж-вж*. Он чувствовал её любовь. Он чувствовал её боль. Он чувствовал её надежду.

- Он был тридцать девятым, - сказала она. - Тридцать восемь других погибли. Тридцать восемь попыток создать идеальное оружие. Но он был другим. Он был живым. Он был настоящим. И я люблю его.

Элиас смотрел на неё. Он видел, как она говорит о нём. Как её глаза сияют. Как её голос наполняется теплом. Он видел, что она любит его. И он знал, что должен помочь ей.

«Она любит его, - думал он. - Она готова умереть за него. Она готова убить за него. И я помогу ей. Я сделаю всё, чтобы они были вместе. Я сделаю всё, чтобы они были свободны».

- Я помогу тебе найти его, - сказал он. - Я обещаю. Мы найдём его вместе.

Она посмотрела на него. В её глазах были слёзы благодар-

ности.

- Спасибо, - сказала она. - Ты не представляешь, что это значит для меня.

Они сидели в тишине. Элиас смотрел на Айрис и думал о том, что она пережила. Она рискнула всем ради любви. Она потеряла всё. И теперь она была здесь, в его капсуле-квартире, умоляя о помощи.

- Что тебе нужно? - спросил он. - Что я могу сделать?

Она подняла на него глаза. В них была решимость.

- Мне нужно найти его, - сказала она. - Мне нужно знать, где он. Мне нужно быть с ним. Я не могу жить без него. Я не хочу жить без него.

Она взяла его за руку. Её рука была холодной, но он чувствовал её тепло. Её жизнь.

- Ты работаешь в «Генезисе», - сказала она. - Ты имеешь доступ к системе. Ты можешь помочь мне найти его. Ты можешь помочь мне спасти его.

Элиас смотрел на неё. Он знал, что это безумно. Он знал, что это может стоить ему жизни. Но он не мог отказаться. Он должен был помочь ей. Он должен был быть человеком.

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я найду его. Я сделаю всё, чтобы вы были вместе.

Она сжала его руку. Её глаза были полны благодарности.

- Спасибо, - сказала она. - Ты не представляешь, что ты делаешь для меня.

Элиас улыбнулся. Его улыбка была слабой, но настоящей.

«Я делаю это для себя, - думал он. - Я делаю это, чтобы доказать, что я человек. Я делаю это, чтобы доказать, что любовь существует. Я делаю это, чтобы быть свободным».

Он встал и подошёл к окну. Город простирался перед ним - серый, холодный, безжизненный. Но он больше не был частью этого города. Он был свободен. Он был человеком.

«Мы сделаем это, - думал он. - Мы найдём его. Мы будем свободны. Это наш путь. Это наша судьба. Мы готовы».

Он повернулся к Айрис. Она смотрела на него с надеждой.
- Завтра мы начнём, - сказал он. - Завтра мы найдём его. Завтра мы будем свободны.

Элиас стоял у окна и смотрел на ночной город. Айрис сидела на его стуле и смотрела на него. В её глазах была надежда и страх. Он чувствовал её эмоции, как свои собственные.

- Я боюсь, - сказала она. - Я боюсь, что не найду его. Я боюсь, что он погиб. Я боюсь, что моя любовь была напрасной.

Элиас повернулся к ней. Он подошёл ближе и сел рядом с ней на пол. Их глаза встретились.

- Твоя любовь не была напрасной, - сказал он. - Твоя любовь - это самое важное, что есть в этом мире. Твоя любовь - это надежда. Твоя любовь - это свобода.

Она смотрела на него, и слёзы текли по её щекам.

- Ты веришь в любовь? - спросила она.

- Я хочу верить, - ответил он. - Я хочу верить, что даже в этом мире можно любить. Я хочу верить, что даже в этом мире можно быть человеком.

Она взяла его за руку. Её рука была тёплой, живой.

- Ты человек, - сказала она. - Ты самый человечный человек, которого я встречала.

Он улыбнулся. Его улыбка была слабой, но настоящей.

«Я человек, - думал он. - Я всё ещё человек. И я докажу это».

Он встал и помог ей подняться.

- Завтра мы начнём, - сказал он. - Завтра мы найдём его. Завтра мы будем свободны.

Она кивнула. В её глазах была решимость.

- Завтра, - сказала она. - Завтра мы будем свободны.

Элиас и Айрис сидели на полу его капсулы-квартиры, разделённые лишь тишиной и тяжестью их положения. Ночной город мерцал за окном, напоминая о том, что за пределами этой крошечной комнаты существовал мир, который не прощал слабости, не признавал чувств, не верил в любовь. Но здесь, в этой белой клетке, сидели двое людей - уставший чистильщик с механическим сердцем и беглянка с глазами, полными отчаяния и надежды.

- Ты не убил ту девочку, - сказала Айрис, нарушая тишину. - Я знаю это. Я следила за тобой через камеры. Я видела, как ты прятал её. Я видела, как ты помечал её как утилизированную. Ты рисковал своей жизнью ради неё. Почему?

Элиас молчал. Он не знал, что ответить. Он не знал, как объяснить то, что сам не до конца понимал. Он просто сделал это. Он просто не смог убить ребёнка. Это было не ло-

гическое решение, не расчёт. Это было что-то другое. Что-то, что он не мог объяснить словами.

- Я не знаю, - сказал он наконец. - Я просто не мог. Она была ребёнком. Она хотела жить. Она не хотела умирать. Я не мог сделать это.

- Это делает тебя человеком, - сказала Айрис. - Это делает тебя одним из нас. Ты не такой, как они. Ты не актив. Ты человек.

Элиас поднял на неё глаза. В её взгляде была искренность, которую он не видел уже много лет. Она не лгала. Она верила в то, что говорила. И это было то, что ему было нужно. Вера. Кто-то, кто верит в него.

- Ты говорила, что тебе нужна моя помощь, - сказал он. - Что именно ты хочешь?

Айрис глубоко вздохнула. Она сжала руки в кулаки, как будто собиралась с силами.

- Я ищу его, - сказала она. - Я ищу Кейна-39. Мы были вместе, но нас разлучили. Я не знаю, где он сейчас. Я не знаю, жив ли он. Но я должна найти его. Я должна быть рядом с ним. Я должна помочь ему.

Она посмотрела на него. В её глазах была мольба.

- Ты работаешь в «Генезисе». У тебя есть доступ к системе. Ты можешь найти его. Ты можешь помочь мне. Я прошу тебя. Пожалуйста.

Элиас смотрел на неё. Он знал, что это безумно. Он знал, что это может стоить ему жизни. Он знал, что его КЧ уже

упал ниже критического уровня. Ещё одно нарушение - и он станет расходным материалом. Ещё один шаг - и его сердце будет отключено. Но он не мог отказаться. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце наполняется чем-то тёплым. Надеждой.

- Я помогу тебе, - сказал он. - Я найду его. Я сделаю всё, чтобы вы были вместе.

Она улыбнулась. Её улыбка была слабой, но настоящей. Она взяла его за руку и сжала её.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо, что ты есть.

Айрис отпустила его руку и посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде появилась деловая твёрдость - та, которую она, вероятно, унаследовала от своего деда, но использовала во благо.

- Я не прошу тебя делать это бесплатно, - сказала она. - Я знаю, что ты рискуешь всем. Я знаю, что это может стоить тебе жизни. Поэтому я предлагаю тебе сделку.

Элиас нахмурился. Он не ожидал этого. Он думал, что она просто попросит помощи, и он согласится, потому что это правильно. Но она предлагала сделку. Это было нечто другое. Это было что-то, что могло изменить его жизнь.

- Какую сделку? - спросил он.

Айрис встала и подошла к окну. Город мерцал за стеклом, его голограммы отражались в её глазах.

- Ты сможешь мне найти Кейна-39, - сказала она, не оборачиваясь. - Ты используешь свой доступ к системе, чтобы

отследить его. Ты поможешь мне добраться до него. А взамен я вылечу твоё сердце.

Элиас замер. Он не мог поверить своим ушам. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. *Вжс-вжс-вжс-вжс*. Звук, который он ненавидел. Но сейчас он звучал как надежда.

- Ты можешь вылечить моё сердце? - спросил он, его голос дрожал.

Она повернулась к нему. В её глазах была уверенность.

- Я - учёный, - сказала она. - Я выросла в лабораториях моего деда. Я знаю, как работают эти сердца. Я знаю, как их модифицировать. Я могу сделать так, чтобы твоё сердце работало безотказно. Я могу дать тебе десять лет жизни. Может быть, больше.

Она подошла ближе.

- И это ещё не всё, - сказала она. - Я также могу повесить твой Коэффициент Чистоты. Я могу сделать так, чтобы система перестала видеть в тебе расходный материал. Ты сможешь жить. По-настоящему жить.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Надежда, которую он похоронил много лет назад, снова восставала из мёртвых.

- И что ты хочешь взамен? - спросил он.

Она посмотрела на него. В её глазах была серьёзность.

- Ты поможешь мне найти его, - сказала она. - Ты поможешь мне спасти его. Ты рискнёшь своей жизнью ради него.

Это всё, что я прошу.

Элиас молчал. Он обдумывал её слова. Он знал, что это безумно. Он знал, что это может стоить ему жизни. Но он также знал, что это единственный шанс. Единственный шанс выжить. Единственный шанс быть свободным. Единственный шанс быть человеком.

- Я согласен, - сказал он. - Я помогу тебе найти его. Я сделаю всё, чтобы вы были вместе. А ты вылечишь моё сердце. Ты дашь мне жизнь.

Она улыбнулась. Её улыбка была тёплой, настоящей.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо, что доверяешь мне.

Элиас сидел на полу и смотрел на Айрис. Она стояла у окна, и свет города падал на её лицо, делая её похожей на призрак - красивый, печальный, почти нереальный. Он думал о том, что она только что предложила. Новое сердце. Десять лет жизни. Повышенный КЧ. Свобода.

«Я могу быть свободным, - думал он. - Я могу жить. Я могу быть человеком. Всё, что мне нужно сделать - это помочь ей найти его. Это всё».

- Как ты собираешься это сделать? - спросил он. - Как ты сможешь вылечить моё сердце?

Айрис повернулась к нему. В её глазах была уверенность профессионала.

- Я знаю, как работают эти сердца, - сказала она. - Это моя специальность. Я создавала их. Я проектировала их. Я знаю, как их исправить.

Она подошла к нему и села рядом.

- Твоё сердце - это пятая модель, - сказала она. - Она была создана для долгой работы, но она не была создана для износа. Она изнашивается. Она теряет мощность. Она начинает издавать эти звуки. Я могу заменить изношенные детали. Я могу настроить её работу. Я могу дать тебе десять лет жизни.

Она взяла его за руку и приложила к его груди, туда, где билось его механическое сердце. Он чувствовал её тепло через ткань комбинезона.

- Я чувствую его, - сказала она. - Оно бьётся. Слабо, но оно бьётся. Оно ещё может работать. Я дам ему шанс. Я дам тебе шанс.

Элиас смотрел на неё. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Надежда, которую он похоронил, снова оживала.

- Спасибо, - сказал он. - Спасибо, что даёшь мне шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.